

**ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Л.Н. ТОЛСТОГО**

На правах рукописи

Диссертация на соискание учёной степени кандидата
филологических наук

Романов Сергей Игоревич

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭВФЕМИЗМОВ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Г.В. Токарев

Тула 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВФЕМИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	12
1.1 Проблема изучения лексического значения	12
1.2 Синонимия и эвфемия.....	21
1.3 Подходы к изучению эвфемизма	26
1.4 Проблема определения эвфемизма	36
1.5 Интенциональная классификация эвфемизмов	49
Выводы по первой главе.....	53
ГЛАВА 2. ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ВИДЫ ЭВФЕМИЗМОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	56
2.1 Проблема кодирования культурного знания в свете исследования эвфемии	56
2.2 Лингвокультурный потенциал собственно эвфемизмов	62
2.3 Лингвокультурный потенциал эвфемизмов-оберегов	82
2.4 Лингвокультурный потенциал юмористических эвфемизмов	97
Выводы по второй главе.....	104
ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЭВФЕМИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.....	107
3.1 Понятие прагматической категории	107
3.2 Вежливость как прагматическая категория	113
3.3 Проблемные точки эвфемизации в современном русском дискурсе.....	119
3.4 Экспериментальный метод изучения семантико-прагматического потенциала эвфемизмов	139
Выводы по третьей главе.....	146

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ....	174

ВВЕДЕНИЕ

Эвфемия изучается языкознанием довольно давно. Хотя сам термин не использовался, благоречие находилось под пристальным вниманием учёных Античности и Средневековья. Развитие лексикологии и стилистики в XX веке стимулировало интерес к эвфемизмам. В зарубежной лингвистике данное явление исследовалось такими языковедами, как Ж. Вандриес, Г. Пауль, Дж. Фрейзер, А. Мейе, К. Сильвер, Дж. Ниман, Дж. Эйто, Б. Уоррен, Р. Холдер, А. Хорак, М. Кордото Родригес и мн. др. В поле зрения учёных были такие проблемы, как семиотический статус эвфемизмов, их семантическая природа, стилистические и культурные функции. Те же проблемы обсуждались в советской русистике. Начальной точкой изучения эвфемизмов русского языка принято считать статью Б.А. Ларина «Об эвфемизмах», написанную в 1961 году. Учёный выразил свои представления о функционально-семантической природе данного явления, сферах его употребления, представил основные подходы к его классификации. В последующие годы были предложены десятки разнообразных толкований эвфемизмов, подходов к классификациям, среди которых особую распространённость получили структурная, грамматическая, функциональная, семантическая. Сложилась традиция рассмотрения эвфемизмов в лексико-семантической (И.В. Арнольд, Д.Н. Шмелёв и др.) и стилистической (О.С. Ахманова, Л.П. Крысин и др.) парадигмах лингвистического знания. В ходе исследования эвфемизмов были всесторонне проработаны следующие аспекты:

- эвфемизация явлений действительности;
- разграничение эвфемии и смежных явлений;
- выявление дифференциальных признаков эвфемизмов;
- вопросы перевода эвфемизмов на другие языки;
- компаративные исследования эвфемизмов.

В русистике стали развиваться два подхода к пониманию эвфемизма: во-первых, как к средству смягчения негативного признака (Б.А. Ларин, Л.А. Булаховский, Л.П. Крысин и др.), во-вторых, как к табу, отражающему культурно детерминированные запреты на употребление какого-либо слова (А.А. Реформатский, О.Н. Трубачёв и др.). Указанные подходы расширили границы понимания данного явления.

Весомый вклад в развитие филологической мысли об эвфемизмах внесла монография В.П. Москвина, в которой данное явление рассмотрено в системе русского языка, предложена функционально-тематическая классификация эвфемизмов, описаны способы их образования.

Включение русистики в антропоцентрическую парадигму знания открыло целый комплекс задач, связанных с исследованием эвфемизмов. Становление таких наук, как лингвистическая прагматика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, способствовало оживлению интереса к данному явлению.

Новые подходы к описанию эвфемизмов получили освещение в трудах М.Л. Ковшовой. Исследователь рассматривает эвфемизмы как речевой акт, описывает культурные смыслы, репрезентированные значениями данных единиц.

Большим событием в рассмотрении проблемы эвфемии был выход в свет словаря Е.П. Сеничкиной. Данная работа осветила целый комплекс нерешённых проблем, одной из которых является определение критериев определения эвфемизмов. Словарь отразил самобытность и неоднородность данного явления.

Ещё Б.А. Ларин отметил такую черту эвфемизмов, как их недолговечность. Тем самым эвфемизмы представляют собой подвижный пласт лексики, детерминированный культурными факторами. Этот признак обуславливает непреходящую актуальность

изучения данного явления. Е.Н. Похилюк отмечает: «Изучение эвфемии в настоящее время является актуальной лингвистической проблемой, ведь процессы образования эвфемизмов как слова или выражения, которыми заменяют в языке грубое, неприличное, с неприятной окраской слово, происходят чрезвычайно интенсивно, о чем свидетельствует широкое использование эвфемистических единиц в художественных произведениях современных авторов, активизация лексикографической работы в области эвфемии» [Похилюк 2013, 138]. Этому же мнению придерживается Е.В. Бурыкина: «В настоящее время наблюдается высокая динамика эвфемистических именовании, что детерминировано социально-культурными особенностями» [Бурыкина 2009, 110].

Таким образом, **актуальность** диссертации **определена**, во-первых, необходимостью уточнения понятия эвфемизм, определения признаков данного явления, во-вторых, важностью переосмысления неоднородного массива эвфемизмов русского языка в лингвокультурологическом аспекте, который имеет в русистике фрагментарное отражение, в-третьих, отсутствием исследования влияния культурных факторов на процессы эвфемизации и дисфемизации.

Цель исследования – лингвокультурологическое описание эвфемизмов современного русского языка.

Поставленная цель достигается путём решения следующих **задач**:

- 1) уточнения понятия *эвфемизм*, его места в лексико-семантической системе современного русского языка;
- 2) разработки интенциональной классификации эвфемизмов;
- 3) лингвокультурологической интерпретации эвфемизмов разных видов;
- 4) определения неоднозначно трактуемых эвфемических номинаций в современном русском языке начала XXI века;

- 5) выяснения ценностей русской лингвокультуры с опорой на описание мишеней эвфемизации;
- 6) изучения влияния культурных факторов на процессы эвфемизации.

Объектом исследования являются эвфемизмы современного русского языка, **предметом** – их значение и интенциональные признаки.

Достижение поставленных задач осуществляется следующими **методами и приёмами**: методом компонентного анализа, используемым при определении мишеней эвфемизации, в анализе значений эвфемизмов; ономаσιологическим анализом, применяемым для описания образных оснований единиц; описательным методом (приёмами наблюдения, сопоставления, обобщения, типологизации анализируемого материала); отдельными приёмами психолингвистического эксперимента для определения культурных коннотаций; приёмами лингвостатистики, этимологического, словообразовательного, морфемного анализа, прагматическим анализом для изучения коммуникативных интенций, стилистическим анализом при изучении уместности употребления эвфемизма в речевой ситуации, приёмом лингвокультурологической интерпретации, применяемым при комментировании значений эвфемизмов в категориях культуры.

Методологическую базу исследования составили:

- принцип антропоцентризма, определяющий теоретическую платформу рассмотрения предмета исследования в контексте потребностей и интересов человека;
- системный подход к эвфемизмам;
- аксиологический подход, позволяющий связать языковые репрезентации с системой ценностей лингвокультурной общности;
- герменевтический подход, выражающийся в интерпретационной направленности осуществляемого анализа семантики языковых единиц.

Теоретическую базу диссертации сформировали:

- исследования В.В. Виноградова, Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресяна, И.В. Арнольд, Л.М. Васильева, И.М. Кобозевой, Н.Г. Комлева, М.В. Никитина, Л.А. Новикова, Д.Н. Шмелёва и др. по теории значения;
- труды Б.А. Ларина, А.А. Реформатского, Л.П. Крысина, М.Л. Ковшовой, В.П. Москвина, Е.П. Сеничкиной и др. по эвфемии;
- положения лингвокультурологии, сформулированные в работах В.Н. Телия, Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой, Т.Б. Радбиля, Г.В. Токарева и др.;
- идеи Г.П. Грайса, О.С. Иссерс, Т.В. Лариной, Л.А. Хесед и др. о коммуникативных принципах и категориях.

Источники исследования: словарь эвфемизмов Е.П. Сеничкиной, словари синонимов русского языка, словарь В.Т. Бондаренко «Ответные реплики в русской диалогической речи», иные лексикографические издания, Национальный корпус русского языка, отдельные произведения художественной литературы, тексты из различных средств массовой информации.

Материалы исследования составили 1400 эвфемических единиц в более 3 000 употреблений.

Научная новизна заключается в реализации нового для русистики антропоцентрического подхода к анализу языковых единиц, осуществлении лингвокультурологического подхода к эвфемизмам, предполагающего интерпретацию их семантики и интенций в категориях культуры.

Теоретическая значимость работы определена тем, что в ней уточнено понятие эвфемизма, определены границы широкого и узкого понимания эвфемии, эвфемизмы представлены как неоднородное поле смежных явлений, выявлены облигаторные и факультативные признаки эвфемизмов, представлена интенциональная классификация эвфемизмов, дано лингвокультурологическое описание собственно эвфемизмов, эвфемизмов-оберегов, юмористических эвфемизмов, определена роль культурных факторов в процессах эвфемизации.

Практическая ценность заключается в том, что результаты исследования могут войти в вузовские курсы «Лексикологии современного русского языка», «Семантики», «Прагматики», «Стилистики», «Лингвокультурологии», могут быть использованы при обучении русскому языку как иностранному. Эмпирическая база исследования может стать основой для создания словарей эвфемизмов русской языка.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Собственно эвфемизм (то есть эвфемизм в узком понимании) – вторичная номинативная единица, служащая целям кодификации речи, интерпретирующая денотативное содержание в соответствии с нормами культуры (основными из которых являются нормы приличия) и являющаяся результатом лингвокультурной рефлексии. К смежным с эвфемией явлениям (при осуществлении широкого подхода к данному

явлению) с учётом их интенциональной специфики относятся эвфемизмы-обереги, юмористические эвфемизмы.

2. Все компоненты значения эвфемизма культурно маркированы: денотативный компонент содержит информацию о наиболее значимых явлениях для лингвокультурной общности, сигнификативный – отражает их приличную, желательную, допустимую интерпретацию, прагматический – прагматические правила их кодирования или декодирования. К наиболее значимым мишеням отнесены такие, как половая жизнь человека, физиологические аспекты жизнедеятельности, негативная оценка действительности, смерть. На основе анализа мишеней эвфемизации выявлены ценности представителей русской лингвокультурной общности: следование этическим нормам, опрятность, здоровье, молодость. Преобладание эвфемизмов «человеческого низа» и физиологических аспектов свидетельствует о повышенной стыдливости русского человека.

3. Каждый из выделенных интенциональных видов эвфемизмов характеризуется лингвокультурной спецификой. Собственно эвфемизмы объективируют категорию вежливости, регулиующую соблюдение норм приличия. Эвфемизмы-обереги связаны с реализацией интенции защиты и репрезентируют культурные таксоны: своё / чужое, можно / нельзя, жизнь / смерть. Юмористические эвфемизмы воплощают санкционирующую и компенсаторную культурные интенции.

4. Употребление эвфемизмов в современном русском языке отражает противоречивые тенденции: с одной стороны, к стремлению обеспечить толерантную, основанную на принципе кооперации, отвечающую критерию вежливости коммуникацию, с другой – к влиянию культурных установок, стереотипов, норм, способствующих дисфемизации.

Апробация. Результаты исследования отражены в 4 статьях в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ, в 7 статьях в

иных изданиях, в докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях: «Актуальные проблемы обучения иностранных граждан в российском вузе: теория и практика» (Тула, 2012), «Исследовательский потенциал молодых ученых: Взгляд в будущее» (Тула, 2016), «Формирование национальной культуры средствами отечественной литературы в современном российском образовании» (Тула, 2016), «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке» (Тула, 2018), «Филологи земли Орловской: истоки и развитие направлений исследований» (Орёл, 2020), «Образование – лингвистика – коммуникация: современные тенденции и перспективы развития» (Новомосковск, 2020), «Русский и иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания в вузах Таджикистана» (Душанбе, 2020), «Молодежная наука: вызовы и перспективы» (Макеевка, 2021). Отдельные вопросы исследования обсуждались на заседаниях кафедры документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВФЕМИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1 Проблема изучения лексического значения

Приступая к описанию семантического и культурно-прагматического феномена эвфемии, необходимо рассмотреть особенности лексической семантики. Хотя лексическое значение в XX веке получило комплексное основательное исследование, тем не менее многие семасиологические понятия имеют неоднозначную интерпретацию.

Л.М. Васильев отмечает: «Многочисленные определения значения, предлагавшиеся представителями различных направлений языкознания, можно свести к двум основным: 1) к определению значения как психической, отражательной сущности, соотносимой с такими психическими явлениями, как представления, эмоции, понятия и т.п., 2) к определению значения как реляционной сущности, как отношения языкового знака к предмету (денотативное значение), к понятию (сигнификативное значение), к условиям акта речи и его участникам (прагматическое значение), к сфере или ситуации его употребления (стилистическое значение), к другим языковым единицам (структурное значение) и т.д.» [Васильев 1990, 67]. В настоящем диссертационном исследовании мы придерживаемся второго подхода в понимании значения.

М.В. Никитин определяет лексическое значение следующим образом: «...лексическое значение ... оказывается равным всей заключённой в языковом знаке информации...» [Никитин 1996, 66]. В данном определении подчёркивается содержательная разноаспектность лексического значения.

Этой же трактовки придерживается И.М. Кобозева: «...план содержания лексемы как единицы лексической системы языка включает в себя не только лексическое значение, но и прагматическую и синтаксическую информацию, отражающую требования данной лексемы к ситуативному и языковому контексту. Взятые вместе, они составляют то, что можно назвать лексико-семантической информацией» [Кобозева 2000, 79]. Исследователь предлагает рассматривать значение в традиционной для семиотики системе координат: синтактике, семантике и прагматике.

В данном параграфе мы изложим концепцию лексического значения, которая будет применена при изучении эвфемии в нашем исследовании.

Под лексическим значением мы, вслед за В.В. Виноградовым, понимаем «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [Виноградов, 1977]. Структурализм способствовал упорядочиванию представлений о разнородном содержании лексического значения. Н.Ф. Алефиренко отмечает: «Учёные стремятся разложить значение слова на его составляющие. И реализуют эту задачу ... разными путями, выделяя разное количество таких компонентов, по-разному их интерпретируя» [Алефиренко 1999, 92]. Вслед за ведущими семасиологами XX века: Н.Ф. Алефиренко, Л.А. Новиковым, М.В. Никитиными, В.Н. Телия и др. – лексическое значение мы понимаем в виде сложной неоднородной структуры, состоящей из двух блоков: денотативно-сигнификативного и прагматического. Рассмотрим содержание данных блоков.

Денотативно-сигнификативный блок лексического значения состоит из двух компонентов: денотативного и сигнификативного.

Денотативный компонент включает информацию о характеристиках денотата, под которым мы понимаем обобщённый

образ явления действительности, отражённый в сознании человека в результате типизации однородных референтов, то есть реальных и уникальных в своём роде предметов, признаков, действий и т.п. Денотативный компонент отражает процессы категоризации явлений, то есть распределения по группам. Данный процесс становится возможным, поскольку в основе денотативного компонента лежат сведения об объёме (экстенсionale) того или иного смысла. Денотативный компонент в составе семемы представлен архисемой. Так, значение эвфемизма *женщина кустодиевских качеств* ‘полная женщина’ имеет архисему ‘характеристика тела человека’. Семема эвфемизма *жить* ‘состоять в половых отношениях’ имеет архисему ‘физиологическая деятельность человека’. Значение эвфемизма *на безвозмездной основе* ‘без материальных затрат’ имеет архисему ‘финансовая характеристика действий’. Данное свойство денотативного компонента должно быть учтено при определении мишеней эвфемизации, то есть тех субстанций, о которых прямо говорить нельзя. Мишени впоследствии будут определены по архисемам.

Сигнификативный компонент включает информацию о дифференциальных признаках явления, «существенных признаках» [Кобозева 2000, 81] его интерпретации в языковой картине мира. В составе семемы сигнификативный компонент представлен дифференциальными семами. Так, эвфемизм *забаловаться* имеет следующие дифференциальные семы в составе семемы: ‘начать’, ‘вести образ жизни’, ‘плохой’. *Избыточный вес* имеет следующие дифференциальные семы ‘быть тучным’, ‘иметь лишние килограммы’. Эвфемизм *казённая квартира* имеет дифференциальные семы ‘заключение’, ‘лишение’, ‘свобода’.

Состав денотативно-сигнификативного блока значения имеет дискуссионный характер. Мы придерживаемся той точки зрения, при которой в данный блок включают образный и общеоценочный

компонент, поскольку они, как и сигнификативный компонент, несут информацию о существенных признаках явления, отражают процессы его интерпретации. Рассмотрим содержание данных компонентов.

Образный компонент связан с способностью значения быть мотивированным, то есть включать объяснение, почему явление названо так, а не иначе. В основе данного компонента лежит внутренняя форма, под которой А.А. Потебня понимает «...соотношение содержания мысли к сознанию...» [Потебня 1999, 91]. «...Она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Там же]. А.А. Потебня поясняет: «Нетрудно вывести из разбора слов какого бы то ни было языка, что слово собственно выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один её признак» ...» [Потебня 1999, 90]. Так, эвфемизм *камчатник* 'неуспевающий ученик' имеет живую внутреннюю форму: камчаткой называют последнюю парту, место, куда обычно садились учащиеся, не желающие работать на уроке. Эвфемизм *келейный* 'тайный' имеет живую внутреннюю форму: келья – место уединения монахов. Эвфемизм *клубничка* 'половые отношения' имеет живую внутреннюю форму, основанную на положительных ассоциациях полученного удовольствия при поедании клубники и физиологической близости. Н.Г. Комлев отмечает: «Внутренняя форма делает язык более выразительным, живым и сочным» [Комлев 2006, 67]. Е.А. Иванникова указывает: «...неверно было бы не учитывать мотивированности значения слова в тех случаях, когда она имеется. В большинстве случаев именно в результате наличия мотивированности существует та или иная специфика в употреблении слов-синонимов и учёт мотивированности помогает понимать и выявлять эту специфику. Рассмотрение вопроса о роли мотивированности значения слова при установлении синонимических отношений показывает, что мотивированность вне всякого сомнения входит в лексическое значение слов, причём она отражается не только

на смысловой стороне лексического значения, но и на других сторонах его, а именно, на сочетаемости с другими словами и стилистическом употреблении» [Иванникова 1967, 120]. Не все номинативные единицы могут допускать одинаково ясную реконструкцию внутренней формы. Это зависит от языковой компетенции интерпретатора, поэтому внутренние формы делятся на живые, потухшие и мёртвые. Образ, лежащий в основе внутренней формы, порождает различные коннотации, о которых мы упомянем ниже. Заметим, что внутренняя форма отражает понимание, объяснение, интерпретацию явления действительности. Данный аспект важен для описания семантики эвфемизма, имеющего мотивированное значение. Так, эвфемизм *князь мира сего* ‘чёрт’ интерпретирует данное явление как нечто господствующее, властвующее над людьми. Эвфемизм *лесник* ‘медведь’ интерпретирует данное значение как живущий в лесу, его хозяин. Эвфемизм *мадам сижу* ‘ягодицы’ интерпретирует данное значение как сидящую женщину.

Оценочный компонент включает информацию об абсолютной: хорошо / плохо, – или относительной: лучше / хуже – оценке. Основанием оценки становятся культурные нормы, сложившиеся в обществе. Соответствие культурным нормам воплощается в положительной оценке, а противоречие – в отрицательной. Включаясь в состав семемы, оценка вербализуется и предстаёт в виде оценочности. Основной задачей употребления эвфемизма является замена слова, имеющего отрицательную оценочность. Из этого следует, что с опорой на оценочность возможно реконструировать культурные нормы. Е.А. Куприянычева, С.Л. Мишланова, Е.М. Химинец отмечают: «Эвфемизация позволяет смягчить или завуалировать негативную информацию с целью сделать её менее отрицательной, а в некоторых случаях лексической единицей с отрицательным значением придаётся абсолютно противоположное положительное значение [Куприянычева и

др. 2016, 139]. По нашим наблюдениям, эвфемизмы в большинстве случаев нейтрализуют неприличное наименование с негативной оценкой. Ср.: *адольтер* 'супружеская неверность', *алармист* 'сплетник'. Редки случаи, когда эвфемизм обладает положительной оценочностью: *аппетитный* 'толстый'.

Завершая рассмотрение денотативно-сигнификативного блока, заметим, что образный и оценочный компоненты значения имеют факультативный характер, то есть их присутствие в составе семемы необязательно.

Прагматический блок значения включает информацию об особенностях его употребления, воздействующем (иллокутивном) потенциале. Данный блок также неоднороден. Рассмотрим его содержание.

В прагматический блок входит интенсивный компонент. В значении он представлен факультативно семами 'очень' / 'не очень'. Эвфемизм может снимать степень интенсивности проявления нежелательного признака. Ср.: *пострадать* > *испить чашу*, *пьяный* > *в нетрезвом состоянии*, *бедствовать* > *нуждаться в средствах*. Одним из способов снижения интенсификации значения является использование аффиксов с уменьшительным значением: *клоп* > *клопик*, *косматый* > *косматенький*, *носатый* > *носатенький*. Следует подчеркнуть, что не все эвфемизмы снижают степень интенсификации значения. Например: *коитус* / *половой акт*, *кариес* / *дырка*, *камелия* / *проститутка*, *ночной директор* / *сторож*.

Эмотивный компонент отражает вербальную рефлексию эмоций, многообразие которых в составе семемы представлено семами 'одобряю'/'не одобряю'. Как правило, данные семы становятся результатом интерпретации образа культурными нормами. Так, глагол *убить* включает в состав своей семемы эмотивную сему 'не одобряю', что связано с противоречием значения христианской культурной норме

не убий. Эвфемистичный глагол *обезвредить* включает в состав семемы эмотивную сему ‘одобряю’, что обусловлено прочтением образа: лишить вреда. Слово *бабник* имеет в составе семемы сему ‘не одобряю’, что является результатом несоответствия культурной установке *не блуди*. Эвфемистическое существительное *романтик* в составе своей семемы имеет сему ‘одобряю’, что связано с положительным переживанием возвышенных отношений. Наблюдение за семантикой эвфемизмов позволяет сделать выводы о том, что, во-первых, не все единицы данного вида включают в свой состав эмотивный компонент: *горшок* / *ночная ваза*, во-вторых, не все эвфемизмы меняют неодобрительную сему коррелирующего значения на сему одобрения. Ср.: *толстый* / *плотного телосложения*.

Ещё одним компонентом прагматического блока является стилевой. Он содержит информацию об особенностях употребления данной номинативной единицы в том или ином стиле. Традиционно выделяют две группы стилей: разговорный и книжные. Последнюю группу составляют научный, публицистический, официально-деловой и художественный. Эвфемизмы можно соотнести со всеми стилями речи. Приведём примеры.

Разговорный стиль: *родить для себя* ‘завести ребёнка вне брака’, *с запашком* ‘о чём-то смердящем’, *сам* ‘хозяин’, *сдобный* ‘толстый’ и др.

Научный стиль: *родоразрешение* ‘роды’, *сепсис* ‘заражение крови’, *скабиес* ‘чесотка’ и др.

Официально-деловой стиль: сбор производственной информации в интересах конкурентоспособности ‘промышленный шпионаж’, сигнализировать ‘предупреждать’, спецотдел ‘отдел цензуры’ и др.

Публицистический стиль: *санкции* ‘запреты’, *семитский* ‘еврейский’, *силовой* ‘военный’, *статусная рента* ‘взятки чиновников’, *страны третьего мира* ‘отсталые страны’ и др.

Художественный стиль: *серебряные волосы* ‘седые волосы’, сон ‘смерть’, *алчная коса* ‘смерть’ и др.

В употреблении эвфемизмов следует отметить одну особенность: их использование связано с нарушением принципа стилового согласования, «...заключающемся в совпадении (созвучии) стилистических окрасок слов ... в высказывании» [Стилистический 2003, 495-496]. Так, книжное слово может быть использовано в разговорном стиле в качестве эвфемизма. Приведём несколько примеров. *И потом где-то его ранили / пришлось руку ампутировать.* [М.М. Бахтин. Беседы с М. Бахтиным (1973) // В.Д. Дувакин. Беседы с Михаилом Михайловичем Бахтиным. М., 2002, 1996] (НКРЯ) *Ну/ ээ не знаю/ разные там/ может быть/ какие-то женские заболевания/ может быть/ онкология / может быть/ проблемы с сердцем/ то есть самое главное/ чтоб вам вообще не был противопоказан курорт Кисловодск.* [Разговор по телефону с менеджером санатория (2015) // Из коллекции НКРЯ] (НКРЯ) *Оперировали банальный аппендицит / у неё развился сепсис.* [Слева по ходу поезда. Усадьба Кирицы. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2009) // Т/к «Культура»] (НКРЯ).

В прагматический блок входит также коннотативный компонент. Коннотации – это периферийные семы, вербализующие несущественные смыслы. Г.В. Токарев [Токарев 2003, 75-81], делая обзор теорий коннотаций, справедливо заключает, что в семасиологии сформировалось два взаимодополняющих подхода. Первый рассматривает коннотации прямых значений слов (теория Ю.Д. Апресяна), второй изучает коннотации, порождённые образным основанием переносных значений (теория В.Н. Телия). При описании эвфемизмов актуальны обе теории. Так, слово *изгой* имеет коннотации ‘оскорбление’, ‘отчуждение’ и др. Эвфемизм с этим значением *парши* данные коннотации снимает в связи с ограниченной сферой

употребления данной единицы. Эвфемизм *Христовы невесты* 'девственница' редуцирует возможные негативные коннотации 'некрасивая', 'бедная', 'неинтересная' (никому не была нужна, поэтому осталась девственницей) благодаря высокому культурному рейтингу образного основания. В то же время коннотации нежелательной номинации могут сохраняться и в значении эвфемизма. Например: *заниматься проституцией* – *пойти на панель, попрошайничать, нищенствовать* – *стоять на паперти*.

Л. Витгенштейн понимал под значением употребление слова. Данная точка зрения имеет большую ценность для описания семантики эвфемизма, поскольку в этом случае будет принята во внимание прагматическая интенция намеренного ухода от употребления нежелательного наименования. Такой подход к определению значения, на наш взгляд, должен учитывать описание речевой ситуации. Так, эвфемизм *близость* 'половые отношения' используется в коммуникации, характеризующейся неравенством контактирующих субъектов, желанием говорящего соблюдать субординацию, уважением к слушающему. Эвфемизм *бандформирование* 'незаконное вооружённое формирование' используется в официальной публичной ситуации с целью воздействия, создания негативного образа мыслей у слушающего.

Таким образом, комплексное описание эвфемизма предполагает изучение всех компонентов значения данной номинативной единицы: денотативный компонент позволяет осмыслить особенности категоризации эвфемизмов, сигнификативный, образный, оценочный, эмотивный – интерпретации действительности, стилевой – специфику употребления. Каждый из рассмотренных компонентов отражает особенности интерпретации действительности языковым сознанием лингвокультурной общности.

1.2 Синонимия и эвфемия

Изучение синонимов в русистике началось с XVIII века, поэтому характеризуется полнотой и точностью рассматриваемого объекта. Тем не менее становление дискурсивной, когнитивной, лингвокультурологической парадигм позволяет увидеть новые аспекты в данном явлении. Более того, достижение задач нашего исследования требует рассмотрения эвфемии в системе координат синонимии.

Синонимия представляет собой один из видов значимости (понятие, введённое Ф. де Соссюром), то есть семантики, которую обретает языковая единица в системе языка, посредством соотношения с другими единицами. И.В. Арнольд рассматривает синонимию как проявление отношений эквивалентности: «Синонимия ... является только одним из видов лексической эквивалентности, и любые слова, имеющие в своём значении общие семы, могут быть эквивалентными в речи» [Арнольд, 2019, 48]. Общепринято, что лексическими синонимами называются слова одной части речи, имеющие тождественное или близкое значение.

Д.Н. Шмелёв определяет синонимы как слова, «имеющие «общее ядро значения», но различающиеся «оттенками значения» ... синонимы – это слова, несовпадающими семантическими признаками которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализоваться в определённых позициях» [Шмелёв 1964, 141]. Как видим, исследователь акцентирует внимание на семантических свойствах синонимии, которые оцениваются через призму потенциальной возможности употребления в одном и том же контексте.

Ю.Д. Апресян даёт операциональное определение синонимии: «...для признания двух слов ... А и В лексическими синонимами необходимо и достаточно, чтобы (1) они имели полностью совпадающее толкование, т.е. переводились в одно и то же выражение семантического

языка, (2) чтобы они имели одинаковое число активных семантических валентностей..., (3) чтобы они принадлежали к одной и той же (глубинной) части речи» [Апресян 1995, 223]. Тем самым Ю.Д. Апресян определяет три условия синонимии: семантическое, контекстуальное, грамматическое.

Эти же критерии определяет в качестве обязательных при определении синонимов В.П. Москвин: синонимы – «... принадлежащие одному семантическому полю, взаимозаменяемые, а следовательно, одной частеречной принадлежности...» слова [Москвин 2017, 229].

Этой же точки зрения придерживается П.С. Александров: «...к синонимам следует относить лишь семемы, выражающие одно и то же понятие и могущие заменять друг друга в каких-либо контекстах без ущерба для предметно-логического содержания высказывания» [Александров 1967, 41]. Однако С.Г. Бережан резонно возражает: «...если учитывать смысловую неравнозначность вступающих в синонимические отношения слов, то полной взаимозаменяемости «в любых контекстах» ... у них нет и быть не может...» [Бережан 1967, 52]. Для обозначения единиц, не удовлетворяющих требованиям синонимии, используют термин квазисинонимы [Кронгауз 2005, 142 и др.].

М.В. Никитин отмечает: «...синонимия ... питается из двух источников: 1) за счёт прагматической переинтерпретации нейтрализуемых различий в когнитивном содержании имён – эквонимов и 2) за счёт прагматической переинтерпретации привязочного компонента когнитивного значения имён, т.е. в конечном счёте, за счёт прагматической оценки сферы бытования слова» [Никитин 1997, 454].

Очень важное замечание в определении синонимии делает В.Д. Черняк, говоря, что понятие синонима имеет синхронический характер [Черняк 2010, 57]. Этот признак синонимов должен быть экстраполирован и на эвфемизмы. Как покажет осуществлённое нами исследование, эвфемизмы тесно связаны со своей культурной

парадигмой и довольно быстро утрачивают свою функцию, превращаясь в обычную, близкую по значению номинацию.

Эвфемизмы структурно могут быть выражены словом или сочетанием слов, в том числе фразеологическим (*вонь / амбре, рахит / английская болезнь, ругательство / крепкое словцо*). И уже поэтому эвфемизмы в строгом лексическом смысле следует отнести к квазисинонимам. Этому же придерживается Д.Н. Шмелёв. Свою точку зрения исследователь объясняет следующим образом: «...не близостью значений, а именно существенными различиями в их семантическом содержании и обусловлены синонимические замены» [Шмелёв 1964, 145].

В русской семасиологии наибольшее распространение получили структурная и семантическая классификация синонимов. По структуре синонимы представлены однокорневыми и разнокорневыми видами. Этот аспект классификации применим и для эвфемизмов. Преобладают разнокорневые эвфемизмы: *глухой / крепкий на ухо; сожжение / кремация; спиртное / крепкие напитки*. Однокорневые эвфемизмы представлены, как правило, суффиксальным типом: *глупый / глупенький, хромой / хроменький, дорогой / дороговатый*. Встречаются эвфемизмы, образованные с помощью приставок: *глупый / неумный*, а также средствами сложения: *малоумие, малоуспешный* и др. Л.М. Васильев называет такие значения эксплицитными, то есть имеющими явное морфемное выражение [Васильев 1990, 98]. Заметим, что данный тип характеризуется продуктивностью.

Наиболее интересна семантическая классификация синонимов, основанная на сопоставлении значения анализируемого синонима с значением доминанты, синонима, с наиболее простым семным составом, стоящего во главе синонимического ряда.

Выделяют следующие их виды.

Полные синонимы – это синонимы, которые имеют тождественное значение. Г.В. Токарев выделяет следующие виды полных синонимов [Токарев 2008, 67].

Абсолютные синонимы – это синонимы, имеющие тождественное значение: *орфография / правописание*.

Дублеты – это синонимы с одинаковым значением, но различающиеся сферой распространения: *отоларинголог / ухогорлонос*. Первое слово употребляется в медицинском дискурсе, второе – общеупотребительное, широкого распространения.

Эквиваленты – это синонимы с тождественным значением, но разным образным основанием: *конёк / гребень* (о скате крыши). (Примеры взяты из работы Г.В. Токарева).

Л.М. Васильев называет два типа синонимов с тождественным значением. «1) понимание синонимов как абсолютно тождественных по значению единиц языка, как омосемантов и 2) понимание их как тождественных или очень близких по значению единиц языка, как парасемантов» [Васильев 1990, 128].

На первый взгляд, эвфемизмы не могут быть отнесены к полным синонимам, поскольку различаются степенью интенсивности значения. Однако отдельные виды эвфемизмов, а именно: термины, заимствованные слова – демонстрируют абсолютное тождество. Ср.: *летальный / смертельный, девиантный / хулиганский*.

Среди эвфемизмов встречаются все виды отношений, свойственных полным синонимам.

Во-первых, широко распространены эвфемизмы, выраженные немотивированными словами. Зачастую, это термины и заимствованные слова: *бездомный / маргинал, бородавка / папиллома, педикулёз / вшивость*. Однако дублетность представлена среди эвфемизмов в ином виде: слово одного дискурса употребляется в другом. Например, слово *патология* употребляется как эвфемизм уродства в обыденном дискурсе.

Во-вторых, регулярны эвфемизмы-эквиваленты: *переселенцы* / *беженцы*, *питие* / *пьянство*, *пожертвование* / *взятка*. Приведённые эвфемизмы имеют тождественный набор дифференциальных сем, но отличаются внутренней формой.

Как говорилось выше, виды неполных синонимов определяются путём сопоставления семемы анализируемого синонима с семемой доминанты синонимического ряда. В.Д. Черняк делится интересными наблюдениями над синонимической парадигмой: «...каждый ряд – это своеобразное объединение, в котором действуют уникальные силы семантического притяжения и отталкивания...» [Черняк 2010, 22-23]. Это означает, что члены синонимического ряда варьируют по своему значению в сравнении с семемой доминанты. Л.М. Васильев отмечает: «Сущность синонимов, равно как объём и структура синонимического ряда, определяется теми признаками, на основании которых синонимы отождествляются и дифференцируются, а эти признаки обусловлены прежде всего структурой лексического значения языковых единиц» [Васильев 1967, 16].

Идеографические синонимы отличаются от доминанты дифференциальными семами. Существует мнение, что данный вид синонимов, в виду присутствия существенных отличий в значении, следует относить к квазисинонимам. Особым видом идеографических синонимов являются дистрибутивные синонимы, характеризующиеся фразеологически связанными значениями: *коричневая краска* / *гнедая лошадь* / *карие глаза*. Данный вид синонимов не встречается среди эвфемизмов, поскольку наличие разных дифференциальных сем противоречит задаче эвфемии: назвать то же самое, но мягче.

Стилистические синонимы отличаются от доминанты оценочными, эмотивными, интенсивными семами. Стилистические эвфемизмы имеют широкое распространение. Прежде всего они могут отличаться интенсивной семой (ср.: *испортить* / *подпортить*,

опьянение / подпитие), а также оценочной и эмотивной семами, являющимися результатом переживания образного основания: *мачеха / приёмная мама; половые отношения / романтические отношения; толстый / сдобный*.

Стилевые синонимы отличаются от доминанты стилевой семой. Применительно к эвфемизмам это касается случаев корреляции с грубыми, неприличными наименованиями: *встречаться / трах...ться; мягкое место / ж..на* и др.

Смешанные синонимы – отличаются от доминанты разными видами сем.

Важным критерием выявления синонимов является их способность к нейтрализации, то есть к взаимозаменяемости в одном и том же контексте. Как было видно из предшествующих рассуждений, не все синонимы могут удовлетворять данному критерию. М.А. Кронгауз отмечает: «Обычно синонимы взаимозаменяемы без изменения содержания передаваемой информации. Однако для любой пары синонимов существуют контексты и употребления, в которых они не могут быть заменены друг на друга» [Кронгауз 2005, 141]. Эвфемизмы, как и большинство синонимов, частично обладают данным свойством.

Таким образом, эвфемизмы представляют собой особый неоднородный лексический пласт, самобытное лексико-семантическое явление. Не все эвфемизмы проявляют признаки, свойственные синонимам, поэтому мы полагаем, что отношения лексической синонимии и эвфемии можно характеризовать как эквиполентные.

1.3 Подходы к изучению эвфемизма

Термин *эвфемизм* образован от двух греческих корней. *Eu* – имеет значение ‘благо’, *phemi* ‘говорю’. Таким образом, в буквальном смысле эвфемизм обозначает ‘благоречие’. Эвфемизм как выражение со смягчающим значением стал объектом риторики. Уже с античных

времён приём смягчения речи был описан в наставлениях по красноречию, а с XVI в. лексема *эвфемизм* стала использоваться как лингвистический термин (введён Дж. Блаунтом).

Нельзя не согласиться с В.П. Москвиным, что необходимо различать эвфемистический приём и эвфемистическую номинативную замену: «При рассмотрении феномена эвфемии мы различаем: 1) приём эвфемической замены; 2) эвфемизм как номинативную единицу, которая посредством такого приёма произведена и которая, при условии регулярного воспроизведения, может получить определённую «клетку» в языковой системе» [Москвин 2017, 237]. Таким образом, эвфемистический приём отражает процесс создания и употребления единицы со смягчённым значением, эвфемизм – лексическую единицу, функционирующую в данном процессе.

С развитием лингвистики усиливается интерес к эвфемизму. В настоящее время можно выделить, как минимум, четыре подхода в изучении данного явления.

Первый подход – семиотический. Он связан с проблемой обозначения одного и того же объекта разными номинациями. В.П. Москвин, рассматривая эвфемизмы в аспекте множественности наименования, акцентирует внимание на дискурсивных аспектах семиозиса эвфемии: «Эвфемизм и соответствующее прямое наименование создают ситуацию обязательной двуимённости предмета. В этом плане эвфемия представляет собой конситуативно обусловленную замену имени, а не его смену; конситуативно обусловленное чередование имён, а не переименование предмета» [Москвин 2017, 24]. Эвфемизм рассматривается как особая разновидность вторичной номинации.

Второй подход – стилистический. В его рамках рассматривается сразу несколько проблем. Первый вопрос: является ли эвфемизм тропом. Одни исследователи рассматривают эвфемизм как троп, выражение,

улучшающее речь. Н.Г. Долженко и В.О. Прозорова пишут: «Эвфемизмы больше склонны казаться тропами, чем просто выражениями, потому что служат для усиления выразительности речи, особенно разговорной» [Долженко, Прозорова 2016, 21]. Семантическая неоднозначность эвфемизмов позволяет соотносить их с такими стилистическими фигурами, «как апозиопезис, эмфазис, перифраза, аллюзия, мейозис и др.» [Ковшова 2012, 366]. Другие учёные относят эвфемизм к числу номинативных средств. Так, В.П. Москвин отмечает: «Эвфемизм – это номинативная единица, следовательно, фигурой он быть никак не может» [Москвин 2017, 31]. Мы разделяем вторую точку зрения, поскольку собранный эмпирический материал не даёт нам оснований квалифицировать эвфемизм как средство украшения речи.

Второй вопрос связан с определением функциональной стороны данного явления: эвфемизм направлен на «выравнивание» стилевой ситуации, стилистическое согласование элементов текста. Ср.: возможность использования единиц *женщина с низкой социальной ответственностью / проститутка* в контексте официальной, публичной речи. В то же время эвфемизмы зачастую не соответствуют стилю речи, что связано с желанием адресанта следовать культурным нормам. Так, в неформальном общении обыденные номинации болезней заменяются на терминологические.

Третий вопрос связан с изучением стилистических приёмов образования эвфемизмов, в частности языковой игры, построенной, как правило, на нарушении нормы. Ср.: *бубен / сплетник, в обнимку с белым другом / извергать рвотные массы*. Стилистический аспект соединяет две разнонаправленные тенденции рассмотрения эвфемизма: первая делает акцент на узуальном, нормативном словоупотреблении, вторая – наokkaзиональном, ненормативном. Узуальные эвфемизмы регулярны в речи, воспроизводимы,okkaзиональные – уникальны, производимы. Для примераokkaзиональных эвфемизмов приведём эвфемичное описание

любовной сцены из «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина: *«Она бросилась в его объятия – и в сей час надлежало погибнуть непорочности! Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей, никогда Лиза не казалась ему столь прелестною – никогда ласки ее не трогали его так сильно – никогда ее поцелуи не были столь пламенны – она ничего не знала, ничего не подозревала, ничего не боялась – мрак вечера питал желания – ни одной звездочки не сияло на небе – никакой луч не мог осветить заблуждения. – Эраст чувствует в себе трепет – Лиза также, не зная, отчего, но зная, что с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где – твоя невинность?»*

Третий подход – семантический. В его рамках изучается значение эвфемизма. Данный подход в свою очередь представлен двумя разновидностями: семасиологической и ономасиологической. Семасиологический угол рассмотрения эвфемизма предполагает изучение его семемы, семного состава значения. Особое внимание здесь уделяется прагматическому блоку лексического значения: оценочности, эмотивности, экспрессивности, коннотативности. Проиллюстрируем это положение. Оценочный блок эвфемизма характеризуется положительным либо нейтральным (нулевым, немаркированным) содержанием. Ср.: *в градусе / пьяный* (данный эвфемизм нейтрализует значение, содержащее отрицательный компонент). *Весёлый дом / публичный дом* (в данном случае эвфемизм имеет положительную сему в сравнении с коррелирующим словосочетанием). Следует отметить, что положительная оценочность порождает эмотивность одобрения. Интенсивность ярче выражена с помощью аффиксов. Например: *великоват, худенький* и др. Коннотативный аспект эвфемизмов проявляет себя либо в редукции отрицательных сем, либо в положительном маркировании данного аспекта значения. Чаще всего наблюдается первый процесс. Редукция отрицательного семантического наполнения становится возможной при употреблении номинации с

мёртвой внутренней формой слова. Например: *вирилизм* / *мужеподобность*.

Семантической особенностью эвфемизма является то, что он имеет модифицированное сигнификативное значение при сохранении денотативного. Эвфемизм тем самым представляет иную интерпретацию денотата. М.Л. Ковшова отмечает: «Эвфемизм смягчает форму выражения смысла, но не изменяет имплицитно присутствующий в выражениях смысл – он проступает при восприятии эвфемизма как семантическая сущность, которая закодирована тем или иным словом или выражением, ставшим своего рода форматом, подходящим для выражения этого глубинного смысла, этой имплицитной пропозиции эвфемизма» [Ковшова 2007, 43]. Поясним данное положение. Так, слова *два метра* / *квартира* / *могила* имеют тождественное денотативное значение: ‘место захоронения кого-либо’, сигнификативное значение каждой из перечисленных единиц различно: в первом случае акцентируется размер, во втором – место, где будет находиться (жить) человек после смерти. Как видим, существенную роль в трансформации сигнификативного содержания играет внутренняя форма слова. Она отражает иную, отвечающую норме интерпретацию явления действительности. Безусловно, это наблюдение касается номинаций с живой внутренней формой.

Ономасиологический угол рассмотрения предполагает изучение образного обоснования эвфемизма, если его возможно реконструировать. Следует заметить, что именно внутренняя форма эвфемизма определяет его функционально-семантическую сущность. Её прочтение осознаётся языковой сообщностью как допустимое, не нарушающее норм культуры и культуры речи. В этом отношении эвфемизм имеет определённые черты сходства с перифразом, который отражает иное прочтение одного и того же денотата. Ср.: *деревянный тулуп* / *гроб*: эвфемизм построен на использовании другого образа, а

именно на обращении к базовой метафоре «Одежда». В рамках данного аспекта изучаются способы образования эвфемизмов, к которым традиционно относят замену слова на заимствование, аббревиатуру и т.д.

Четвёртый подход – прагматический. В рамках данного подхода эвфемизм рассматривается как речевой акт. Л.П. Крысин характеризовал эвфемизм в координатах коммуникативных постулатов Г. Грайса, а именно постулата вежливости: «...стремление с помощью эвфемизмов избежать коммуникативного дискомфорта является частным случаем реализации этого постулата» [Крысин 2004: 270]. Так, вместо слова *запой*, которое может оскорбительно прочитываться собеседником, более уместно, а значит, вежливо употребить эвфемизм *дипсомания*. В.П. Москвин определяет эвфемизм не только как вторичную номинацию, но и как речевое действие [Москвин 2007: 244]. М.Л. Ковшова характеризует эвфемизм как «факт языка, ориентированный на речевую коммуникацию; оборот речи, семантика которого складывается из отношения между знаком, значением и говорящим; оборот, который используется для совершения определённого действия – смягчения речи» [Ковшова 2012: 357]. В данном определении подчёркнута интенциональная сущность эвфемизма. Важно, что в характеристики эвфемизма включён говорящий. Однако не следует упускать из внимания и другую сторону коммуникации – слушающего. Это означает, что в поле зрения попадает иллокуция и перлокуция данного явления. Прагматическая сущность эвфемизма заключается в намерении говорящего не сделать чего-то плохого для слушающего, ввести в фокус его интересы. Хотя это не единственная интенция эвфемизма (более подробно данный вопрос будет рассмотрен ниже). Можно сказать, что эвфемизм является проявлением закона коммуникативной кооперации. Далее М.Л. Ковшова отмечает: «Эвфемизму как речевому акту свойственна имплицитность, то есть формальная невыраженность

прагматической информации, которая в нём содержится. Имплицитная информация эвфемизма отвечает иллокутивному значению связанного с эвфемизмом высказывания» [Ковшова 2012: 361]. Соглашаясь с мнением исследователя, заметим, что, несмотря на скрытость интенций, эвфемизм прочитывается всеми членами языкового сообщества как мягкий, вежливый вариант того, о чём неудобно говорить.

Развитие лингвистики по пути антропоцентризма, культивирующего появление интегрированного знания, позволяет говорить ещё о нескольких перспективных направлениях изучения эвфемизмов. К ним мы бы отнесли следующие.

Данный подход к изучению эвфемизмов может исследовать особенности концептуализации действительности, а именно то, как могут быть интерпретированы одни и те же явления, какие формы категоризации знания: гештальты, сценарии и др. – используются для его структурирования.

Когнитивный подход к эвфемизации посвящён проблеме описания концептуализации и категоризации знания средствами эвфемизма. Е.С. Кубрякова отмечает: «Языковые структуры, подлежащие обработке, считаются репрезентирующими в памяти человека внешний мир и представляющими собой его ментальные модели» [Кубрякова и др. 1996, 65]. Под концептуализацией мы, вслед за Е.С. Кубряковой, понимаем «процесс познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов...» [Кубрякова и др. 1996, 93]. В рамках данного подхода решается вопрос, репрезентирует ли эвфемизм, нейтральное наименование и дисфемизм один концепт или они манифестируют различные элементы знания. Как следует из данного Е.С. Кубряковой определения концепта («...оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона...» [Кубрякова и др., 1996, 90]), данная ментальная единица обладает признаками ситуативности,

калейдоскопичности. Это означает, что эвфемизм отражает интерпретацию одного и того же знания с учётом ситуации. Анализ эвфемизма осуществляется с опорой на дискурсивные особенности, то есть с учётом роли адресанта и адресата, особенностей кодирования и декодирования информации: «...в анализе дискурса речь идёт не только о том, что информация каким-то образом обрабатывается и «вычисляется», но и о том, что она как-то передаётся и должна интерпретироваться, что зависит от личности говорящего и слушающего...» [Кубрякова и др. 1996, 65]. Ещё одним когнитивным направлением является изучение особенностей категоризации средствами эвфемизмов. Авторы словаря когнитивных терминов выделяют узкий и широкий подход к категоризации. В узком смысле данный процесс объясняется как «...подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определённую рубрику опыта...», в широком – «процесс образования и выделения самих категорий...» [Кубрякова и др., 1996, 42]. Как известно, категоризация затрагивает два уровня: концептуальный и семантический. На концептуальном уровне категоризация осуществляется с опорой на объективные признаки того или иного явления. Результатом категоризации могут быть различные ментальные структуры: паттерны, гештальты, сценарии, фреймы. На семантическом уровне она может затрагивать различные аспекты языка: семный состав значения, отражающий признаки объективированного понятия, образный и др. В этом отношении интерес представляет когнитивная оценка образных средств как допустимых и порицаемых. Эвфемию возможно рассмотреть в аспекте трансфера интерпретации опыта различными дискурсивным средствами. В.В. Фещенко и С.Ю. Бочавер под культурным трансфером понимают «...процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами», «...механизмы культурного перемещения смыслов...» [Лингвистика и семиотика... 2016, 5]. Эвфемия представляет перевод

знания как минимум в другой стилевой регистр, а значит, и дискурс, а в некоторых случаях и новую интерпретацию явления. В случае эвфемизации мы имеем дело с переформатированием знаний, при котором «...интерферируемые знания, не теряя своей целостности, обретают новую автономную форму существования...» [Лингвистика и семиотика... 2016, 43].

Психолингвистический подход может рассматривать субъективно-ситуативные условия употребления эвфемизмов в частности то, каков психологический эффект использования данных единиц.

Эвфемизмы могут быть интересны для лингвистической конфликтологии и юридической лингвистики, прикладных дисциплин, одной из задач которых является определение речевого преступления. Например, выражает ли отрицательную оценку, дискриминирует ли выражение *лицо кавказской национальности* и подобные.

В частности, ставится вопрос, несут ли отрицательную оценочность и неодобрительную эмотивность такие эвфемические номинации, как *лицо с нетрадиционной сексуальной ориентацией* и подобные. Вопрос об оценочности и эмотивности данных единиц становится основой для выводов об их инвективном потенциале, дискриминации отдельных групп населения по национальному, сексуальному и др. признакам. Как показывают наблюдения, данные вопросы на практике решаются неоднозначно. Безусловно, приведённые номинации отвечают правилам приличия, однако обозначаемые явления остаются за рамками общественно принятых либо нежелательно выделяют, противопоставляют другим отдельные социумы. Ср. высказывание: *Следующим президентом Америки будет темнокожее лицо нетрадиционной сексуальной ориентации с ограниченными возможностями*. Почему, например, признаки устойчивости получает выражение, в котором идёт речь о людях с этническими признаками кавказцев? Слово *нетрадиционный* в данном контексте оценивается

негативно, поскольку отражает несоответствие общепринятым нормам. Нельзя не согласиться, что приведённые номинации заменяют неприличные названия явлений, однако они не меняют их коннотативного фона. Нелингвистические сферы, например право, средства массовой информации, нуждаются в чётких инструкциях по оценке речевого поведения, употребления отдельных выражений. Перед прикладной лингвистикой стоит задача определения списка конфликтогенных слов и выражений, описания их прагматической составляющей. Данная задача требует комплексного решения: участия лингвистов, психологов, культурологов, социологов. По всей вероятности, требуется проведение лингвистического эксперимента, исследующего перлокутивный потенциал эвфемистических номинаций.

Большой интерес представляет изучение эвфемизмов в координатах лингвокультурологической парадигмы. Какие слова следует заменять эвфемизмами, почему одни образы воспринимаются как допустимые, а другие – нет? Вот далеко не полный перечень проблем, которые могут быть объяснены с опорой на культурные факторы.

Настоящее исследование посвящено лингвокультурологическому описанию явления эвфемии. При этом следует заметить, что лингвокультурологическая парадигма основывается на достижениях семасиологии, ономасиологии, прагматики и других наук.

Рассмотрение эвфемизма в разных аспектах позволяет сформулировать комплексную дефиницию этого семантико-прагматического феномена: эвфемизм – вторичная номинативная единица, служащая целям кодификации речи, интерпретирующая денотативное содержание в соответствии с нормами культуры (основной из которых является норма приличия) и являющаяся результатом лингвокультурной рефлексии.

1.4 Проблема определения эвфемизма

Лексика системна, что находит своё выражение в регулярном повторении конфигураций семантических отношений, сем в составе семем. Системность лексики отражается в отношениях манифестации, выраженных в конвенциональных связях плана содержания с планом выражения единиц, в парадигматических оппозициях и синтагмах. Эвфемизм относится к проявлениям лексической парадигматики: с одной стороны, он входит в синонимический ряд, с другой – образует эвфемическую парадигму. Семантические связи эвфемизмов с другими словами могут быть охарактеризованы как синонимические и антонимические. Синоним и эвфемизм имеют тождественный денотат, но отличаются прежде всего прагматическим блоком в значении: оценочностью, эмотивностью, интенсивностью, коннотативностью, стилевой маркированностью. По семному наполнению данного блока эвфемизм может вступать в оппозитивные отношения с коррелируемой единицей. Она называется дисфемизмом, то есть словом с огрублённым значением. О.Д. Пастухова так определяет дисфемизм: «Дисфемизм (от греч. *dyshemia* – «дурнословие») понимается как грубые слова или выражения, которые являются для собеседника слишком резкими, неприятными и поэтому могут сформировать негативный коммуникационный акт. Дисфемизмы относятся к эмоционально настраивающим тактикам, которые разъединяют собеседников, т.е. дисфемизмы являются словесным оружием для осуществления негативного, отрицательного общения». [Пастухова 2016, 330]. При этом звено с нейтральным значением может отсутствовать. По наблюдениям М.Л. Ковшовой, у большинства эвфемизмов отсутствует «семантически и стилистически нейтральный синоним» [Ковшова 2007, 4].

Проиллюстрируем данное положение: пятая точка – ягодыцы – ж..па // донжуан – бабник.

Схематично это можно выразить следующим образом.

Рис. 1

Парадигматические связи эвфемизма

Е.П. Сеничкина по аналогии с синонимическим рядом вводит понятие эвфемической цепочки, в которую включены единицы, связанные синонимическими отношениями и отличающиеся степенью интенсификации значения. Ср.: *хаос, беспорядок, лирический беспорядок*. Исследователь указывает: «В процессе функционирования языкового эвфемизма возможны две степени эвфемизации: средняя и минимальная...» [Сеничкина 2008, 17]. В эвфемические цепочки Е.П. Сеничкина не включает дезэвфемизмы, «то есть языковые единицы, утратившие эвфемистическую функцию и ставшие по своей сути синонимами» [Сеничкина 2008, 20]. Например, *лифчик / бюстгальтер*. Е.П. Сеничкина отмечает: «Степень эвфемизации зависит от трех факторов: 1) уровня запрета на произнесение языковой единицы, 2) морфемного состава эвфемизма, 3) наличия функции иронии» [Сеничкина 2008, 17]. Обращает на себя внимание разнородность выделенных факторов. Мы полагаем, что ключевым критерием при определении степени эвфемизации значения является коммуникативная культурная традиция.

Способы формирования эвфемизмов многообразны. Они рассмотрены во многих работах по данной проблеме. В частности, в труде Ю.В. Доронкиной и М.В. Моисеева [Доронкина, Моисеев 2017].

Полагаем, что имеющиеся классификации нуждаются в обобщении, выделении интегральных оснований. Изложим своё видение путей образования эвфемизмов в русском языке. Мы выделяем следующие способы.

Лексические способы: связаны с опорой на номинативные единицы, заменяющие нежелательные наименования. Данные способы разнообразны, они затрагивают механизмы прямой номинации: аббревиатуры (*б/у*), аффиксальные способы, в частности образование деминутивов: *врун* – *врунишка*, *глупый* – *глуповатый*, *тошнит* – *подташнивает*; составные номинации (*копулятивное общение* ‘о половом акте’, терминов *лейкемия*).

Семантические способы: основаны на преобразовании значения имеющихся в языке единиц и представлены метафоризацией (*кувыркаться* ‘иметь половые отношения’), метонимизацией (*коричневый* ‘фашист’), употреблением гиперонимов (*болезнь*, *конфликт*), употреблением фразеологизмов (*костей не соберёшь*), антифразисом (*герой* ‘трус’; *красавец* ‘урод’), аллюзиями (*круги под глазами* ‘намёк на ночь, посвящённую половым отношениям’; *петь Алябьева* – ‘обманывать, заливаться соловьём’, намёк на романс А.А. Алябьева «Соловей»), прономинативации, то есть образование единицы на базе имени собственного (*донжуан*).

Заимствования: конфронтация, корпуленция и др.

Стилистические способы: основаны на языковой игре: каламбуры (*вигвам* – *фиг вам*); обыгрывании аббревиатур – *ВМ* – высшая мера – *Вера Михайловна*; *ГБ* – государственная безопасность – *Галина Борисовна*; использовании купюр: на букву *г*, на букву *б*, на букву *ж*, послать на три буквы. Возможно опущение середины слова (*синкопа*), конца слова (*апокопа*), перестановка слогов (например, *пажо*).

В русистике сложились два подхода в понимании эвфемизма: широкий, при котором в состав эвфемии включаются все лексические

средства, выполняющие функцию замены наименования, причём не всегда смягчающего, и узкий, при котором к эвфемизмам относят смягчающие единицы, заменяющие неприличные номинации. В.П. Москвин в этой связи отмечает: «...Безраздельно доминирует широкое понимание эвфемии, отнюдь не способствующее адекватному её осмыслению и описанию...» [Москвин 2017, 256]. Мы полагаем, что широкий подход к явлению обеспечивает его полное изучение, поэтому в нашей работе осуществлён именно этот подход. Е.П. Сеничкина указывает: «Расхождения в понимании эвфемизмов приводят к тому, что целый пласт заменных наименований русского языка остаётся нигде не учтённым как в теоретическом, так и в практическом плане» [Сеничкина 2008, 7]. Исследователи эвфемии не всегда придерживаются заявленному пониманию изучаемого объекта. Так, Е.П. Сеничкина отмечает: «Эвфемизмы в широком понимании – это слова или сочетания, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [Сеничкина 2008, 9], однако материалы составленного ею словаря демонстрируют противоположное понимание эвфемизма: не все приведённые номинации коррелируют с невежливыми, нежелательными, резкими наименованиями. Так, в словарь включены единицы, которые, на наш взгляд, являются перифразами. Ср.: *дом на Лубянке / Комитет государственной безопасности СССР*. Перифразы, как правило, дают иную интерпретацию денотата, который не осмысляется как неприличный или нежелательный.

П.А. Рустамова указывает: «Эвфемизацию в зависимости от её продукта можно оценивать по-разному» [Рустамова 2017, 99]. Эту мысль исследователя подтверждают рассматриваемые лингвистами разновидности эвфемизмов.

Среди эвфемизмов Е.П. Сеничкина выделяет факультативные эвфемизмы [Сеничкина 2008, 10] – «это те эвфемизмы, замена на которые необязательна»: *хромой, глухой, лысый* и др.

Не являются эвфемизмами в строгом смысле, по мнению Е.П. Сеничкиной, местоимения (как правило неопределённые, указательные), поскольку они не улучшают денотат, а вступают своего рода купюрами: *то самое* (о половом контакте), *это место* (о причинном месте), *определённые отношение* (о физической близости) и др. Такие эвфемизмы Е.П. Сеничкина называет функциональными [Сеничкина 2008, 14].

Ещё одна группа эвфемизмов названа Е.П. Сеничкиной эвфемизмами по происхождению [Сеничкина 2008, 13]. Это единицы, которые задумывались как благозвучные наименования, но не выполняющие данной функции: *жигули – лада* (единица должна была исключить негативные коннотации, основанные на созвучии со словом *жиголо*).

В.П. Москвин выделяет псевдоэвфемизмы: «...слишком открытые и слишком прозрачные для того, чтобы считаться приличным и, соответственно, литературными» слова [Москвин 2017, 55]. Например, *где? – в Караганде. Полный тупец.*

По мнению ряда учёных, в строгом смысле к эвфемизмам нельзя отнести номинации, построенные на аллюзиях, например, *дочь Евы / любопытная женщина* – поскольку они не всегда способствуют смягчению, улучшению или редукции интерпретации денотата.

Таким образом, к эвфемии и смежным с ней явлениям относят большое количество разнообразных лексических и фразеологических единиц.

На наш взгляд, для определения критериев, дифференцирующих эвфемизмы от смежных явлений, необходимо определить облигаторные и факультативные признаки рассматриваемого феномена. В русистике

были предприняты неоднократные попытки решения данной задачи [Сеничкина, Ковшова и др.] Проанализируем предложенный исследователями набор признаков.

Первый признак формулируется как соотношение «с предметом или явлением, характеризующимся негативной оценкой или негативной коннотацией» [Сеничкина 2008, 6]. Указанное утверждение нуждается в уточнении. Во-первых, коннотациями или оценочностью может обладать значение, но не явление. Во-вторых, важен вопрос определения «негативного денотата». В.П. Москвин полагает, что «...подразделение денотатов на «положительные» и «отрицательные» представляется слишком категоричным» [Москвин 2017, 23]. М.Л. Ковшова отмечает: «...у большинства эвфемизмов денотат негативным не является; негативным может быть признано его излишне прямолинейное описание, которое и вызывает у собеседника негативное впечатление от сказанного» [Ковшова, 2007, 20]. Соглашаясь с М.Л. Ковшовой, мы бы хотели добавить, что явления сами по себе нейтральны, положительными или отрицательными их делает языковая рефлексия, объективация их понимания в языковой картине мира в соответствии с культурными нормами и запретами. На этот аспект обращают внимание И.А. Солодилова и Т.Ю. Соколова: «...важнейшим признаком эвфемии является обозначение эвфемизмом отрицательного в сознании носителя языка денотата» [Солодилова, Соколова 2017, 75]. На основании выше изложенных рассуждений мы делаем выводы о том, что данный признак должен быть сформулирован как корреляция эвфемизма с вербальной ситуацией, которая получает общественное порицание, неодобрение, беспокойство, всем тем, что определяется понятием стигмы. Данный признак является конститутивным для рассматриваемой лексической группы, поскольку сущность эвфемизма заключается в смягчении негативной интерпретации денотата.

Данный признак позволяет отличить эвфемизмы от смежных единиц: апозиопезиса (умолчания), эмфазиса (подтекста), перифразы (описательного выражения), аллюзии (намёка), мейозиса (преуменьшения). Данные фигуры речи обозначают как процесс образования новых единиц, так и его результат. В процессном значении приёмы апозиопезиса, эмфазиса, перифраз, аллюзии, мейозиса могут использоваться при создании эвфемизмов. Например, эвфемизм *безгрешные доходы* 'взятка' построен с использованием приёма перифраза, в основе эвфемизма *слово из трёх букв* лежит приём аллюзии. В результативном смысле аспекте данные понятия отличаются от эвфемизмов тем, что последние соотносятся с стигматичным явлениям.

Второй признак квалифицируется Е.П. Сеничкиной как «семантическая неопределенность эвфемизма, позволяющая уменьшить, «смягчить» негативную оценку денотата» [Сеничкина 2008, 6]. Исследователь следующим образом поясняет данный признак. «Эвфемизм по сравнению с заменяемым словом обладает семантической редукцией. В эвфемизме, по сравнению с прямой номинацией, сокращена доля информации, сокращено число дифференциальных признаков» [Сеничкина 2008, 6]. И.А. Солодилова и Т.Ю. Соколова пишут: «Под семантической редукцией зачастую понимается сокращение / уменьшение в данном случае негативной оценки или смысловой нагрузки эвфемизма по сравнению с его антецедентом (прямым переименованием)». [Солодилова, Соколова 2017, 76]. М.Л. Ковшова характеризует эвфемизм как «высказывание с двойной, с неопределённой семантикой» [Ковшова 2012, 362]. Мы не согласны с выделением данного признака как обязательного. Во-первых, эвфемизм может содержать больше дифференциальных сем в составе семемы. Особенно это касается эвфемизмов-терминов. Эвфемизм-термин имеет более полный набор признаков, чем употребительное слово. Ср.: *абсцесс*

/ *гнойник, асебия / святотатство, бигамия / двоежёнство*. Во-вторых, расчленённые номинации также могут более точно характеризовать денотат. Ср.: *будущая мать / беременная*. В-третьих, степень семантической неопределённости может оставаться той же, если эвфемизм обладает живой внутренней формой. Ср.: *афроамериканец / негр, баня / выговор*. Признак семантической неопределённости релевантен для эвфемизмов, не имеющих внутренней формы, эвфемизмов-купюр, эвфемизмов, выраженных местоимениями. На основе приведённых рассуждений считаем признак семантической неопределённости факультативным.

Третий признак – «улучшение характера денотата эвфемизма по сравнению с заменяемым словом или сочетанием» [Сеничкина 2008, 6]. Данный процесс можно назвать мелиоративизацией. На наш взгляд, данный признак также не является облигаторным. По нашим наблюдениям, об «улучшении» денотата также не всегда возможно говорить. Как и в предыдущих случаях, обратимся за примерами к словарю эвфемизмов Е.П. Сеничкиной. Ср.: *затруднительное положение / бамбуковое положение, безвозмездный / бесплатный, бомж / бездомный нищий*. Л.А. Сиринова отмечает: «Иногда из-за частого использования эвфемизмов последние принимают на себя роль синонима заменяемого слова и теряют смягчающую силу. В результате эвфемизм отождествляется с высказыванием, на которое наложено табу. Из этого следует, что статус эвфемизма не постоянен». [Сиринова 2017, 137].

На основании анализа изучаемых единиц заключаем, что эвфемизмы не столько улучшают, сколько редуцируют негативный признак, причём степень редукции может быть разной, даже нулевой. В связи с этим данный признак мы также относим к факультативным.

К необлигаторным признакам Е.П. Сеничкина относит «признак специфичности аффиксов эвфемизма и признак косвенности

номинации» [Сеничкина 2008, 7] Действительно, как показал анализ способов формирования эвфемизмов, данные признаки являются необлигаторными, поскольку эвфемизм может быть выражен прямой, заимствованной и др. номинациями: *закуривать / начинать пьянствовать, замечаньице / замечание, инвазия / заражение глистами.*

Полагаем, что при описании эвфемизмов, как и других явлений языковой системы, продуктивен полевой подход, при котором в массиве единиц изучаемого объекта выделяется ядро и периферия. Единицы, включённые в ядро, демонстрируют все облигаторные признаки.

На основании анализа семантики эвфемизмов полагаем, что обязательным является единственный признак соотнесения с значением, денотат которого характеризуется стигматичностью.

К факультативным признакам следует отнести:

- 1) интенцию эвфемизма улучшить интерпретацию денотата, в том числе за счёт редукции сигнификативных признаков;
- 2) наличие положительно маркированного оценочного, экспрессивного компонентов значения;
- 3) уменьшение интенсификации признаков явления;
- 4) повышение стилового регистра функционирования единицы.

Важно заметить, что все названные признаки имеют функциональный характер. Из этого следует вывод, что классификация эвфемизмов должна отражать интенциональные и функциональные аспекты.

Учёные предлагают различные способы определения эвфемизмов, отграничения их от смежных единиц. Е.П. Сеничкина использует следующий приём отграничения эвфемизмов от смежных единиц: «Нужно мысленно представить, что вы применили эту языковую единицу к собеседнику с более высоким социальным статусом. Если собеседник не возмутится, функция смягчения, улучшения денотата есть, это эвфемизм» [Сеничкина 2008, 21]. По нашему мнению, данный

критерий имеет вероятностный характер, поскольку обусловлен индивидуальными качествами личности.

И.А. Солодилова и Т.Ю. Соколова предлагают использовать в качестве критерия отличия эвфемизма от смежных единиц установление «сохранения истинности и информативности высказывания» [Солодилова, Соколова 2017, 76].

М.Л. Ковшова в качестве основного способа выявления эвфемизмов называет анализ контекста: «Главным при идентификации речевых, окказиональных и индивидуально-авторских, особенно в художественном тексте, эвфемизмов представляется контекст, который позволяет понять, какой речевой акт осуществляется говорящим и является ли этот акт смягчением речи» [Ковшова 2007, 144]. Этой же точки зрения придерживается В.П. Москвин, полагающий, что эвфемия имеет строго ситуативный характер [Москвин 20017, 23]. Представляется, что данный приём определения эвфемизма является наиболее верным и объективным. Безусловно, при установлении анализируемых единиц используется приём субституции, то есть замены на другое, нежелательное слово.

В данном исследовании мы трактуем эвфемизм прежде всего как прагматический феномен, призванный заменять коррелирующее наименование. М.Л. Ковшова отмечает: «По своему перлокутивному значению эвфемизм как речевой акт оказывает благоприятное воздействие на слушающего, создаёт эмоциональное сближение собеседников, обеспечивающее успех коммуникации в целом. В другой терминологии, эвфемизм – это коммуникативно настраивающая речевая тактика» [Ковшова 2007, 39]. Но при этом, заметим, что в большинстве употреблений эвфемизмы воспринимаются слушающими нейтрально, скорее, как обычное соблюдение культурной нормы, нежели как средство эмпатии. И.М. Кобозева вводит понятие прагматической функции лексемы, под которой понимает «...речевые действия, которые

говорящий может осуществлять с её помощью» [Кобозева 2000, 90-91]. Эвфемизм выполняет нетривиальные функции, «...т.е. функции, не выводимые непосредственно из её лексического значения...» [Кобозева 2000, 91]. Рассматривая коммуникативную специфику эвфемизмов, И.А. Солодилова и Т.Ю. Соколова отмечают следующую особенность: «Очевидным является тот факт, что с точки зрения психологии человека применение эвфемизма является так называемой защитной реакцией на явления и предметы реальности, которые приходится адресанту «не по душе» [Солодилова, Соколова 2017, 76].

Возможны следующие классификации эвфемизмов:

- по происхождению – исконные и заимствованные. Эвфемизмы-заимствования: адюльтер – супружеская неверность, презент – подношение, промискуитет – неверность, амбре – вонь, аутсайдер – неудачник, бастард – незаконнорождённый, бигамия – двоебрачие и др. Обращение к заимствованию номинации связано с отсутствием у неё прозрачной внутренней формы, что блокирует порождение эмотивно-оценочных сем;
- по функциональному признаку: терминологические и общеупотребительные (*полиандрия – многомужие, полифагия – обжорство*). Эвфемизмы-термины – специальные наименования, которые выступают в роли смягчающего знака: *абсцесс – гнойник, агамия – безбрачие, алопеция – облысение, андрофобия – мужененавистничество, коитус – половой акт*. Следует отметить, что смягчение значения в данном случае осуществляется за счёт, во-первых, ограниченной сферы функционирования специального наименования; во-вторых, не всегда ясной, затрудняющей понимание или вовсе отсутствующей внутренней формы единиц;
- по актуальности: актуальные и устаревшие (*поферлакурничать – поволочиться, приапический – сладострастный*,

преставление – смерть). Устаревшее слово может восприниматься как благозвучное, поскольку лингвокультурной общностью забыта прагматическая история слова: *перси – груди*;

- ещё один тип эвфемизмов мы определяем как дискурсивный, поскольку он генерируется определённым социальным институтом, что также в данном случае ограничивает сферу функционирования эвфемизма: *административная рента – взятка, алчная коса – смерть*. Сюда же мы относим эвфемизмы, образованные на базе литературных источников: *мошенники – дети лейтенанта Шмидта* (из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок»), *любовные похождения – клубничка* (из поэмы «Мёртвые души» Н.В. Гоголя).

Существуют классификации эвфемизмов с точки зрения структуры и частеречной принадлежности. Например, Н.В. Юдина выделяет следующие структурные типы эвфемизмов: «1) эвфемизмы, представляющие собой одну лексему...; 2) эвфемизмы – сочетания слов: а) свободное сочетание слов с подчинительной связью: согласование ...; б) фразеологически связанное сочетание слов ...; в) терминологически связанное сочетание слов...; 3) эвфемизмы, представляющие собой полупредикативные конструкции...; 4) эвфемизмы, соотносимые с предложением...» [Юдина 2016, 609]. Однако, по мнению ряда исследователей, например В.П. Москвина, данные типологии не имеют значительной ценности при рассмотрении явления эвфемии.

В.П. Москин предлагает функционально-семантическую классификацию эвфемизмов, в которой он выделил эротические, маскирующие, этикетные, бытовые, пугающие, модальные (шутливые и иронические) эвфемизмы [Москвин 2017]. Полагаем, что недостатком данной классификации являются её разные основания: семантические и интенциональные.

По отношению к норме эвфемизмы можно разделить на соответствующие нормам культуры и нормам культуры речи. Так,

собственно эвфемизмы и эвфемизмы-аллюзии в большей мере ориентированы на нормы культуры речи, а эвфемизмы-обереги – на нормы культуры, под которым мы, вслед за К.М. Хоруженко, понимаем «формирующиеся тысячелетиями и передающиеся из поколения в поколение образцы и правила поведения или действия, складывающиеся на уровне обыденного сознания общества» [Хоруженко 1997, 345]. Хотя данный аспект классификации не даёт достаточных оснований выделить чёткие группы эвфемизмов.

Важной в когнитивном отношении является тематическая классификация эвфемизмов, отражающая семантические мишени, за которыми стоят нежелательные для лингвокультурного сознания понятийные категории.

Таким образом, эвфемизм обладает обязательным признаком соотношения с стигматично интерпретируемым явлением действительности и факультативными признаками редукции стигматичных семантических признаков, наличия положительно маркированных оценочного, экспрессивного компонентов значения; уменьшения интенсификации; повышения стилового регистра функционирования единицы.

Эвфемизм является сложным многоаспектным явлением, допускающим самые разные классификации: по структуре, категориально-грамматической принадлежности, происхождению, актуальности, семантике, функциям. Рассмотренные классификации носят во многом формальный характер, не отражают признаки эвфемизмов и могут быть экстраполированы и на другие лексические единицы, а следовательно, в должной мере не отражают специфику рассматриваемого явления.

1.5 Интенциональная классификация эвфемизмов

Под интенцией, вслед за Т.Б. Радбилем, мы понимаем «коммуникативное намерение говорящего, основной мотив порождения высказывания» [Радбиль 2006, 11]. Полагаем, что интенции массовой коммуникации культурно маркированы, поскольку отвечают общим коммуникативным принципам, ценностям, актуальным для той или иной лингвокультуры. На основании рассмотренных признаков эвфемизмов и с учётом их интенциональной специфики мы предлагаем выделять следующие виды данных единиц: собственно эвфемизмы, эвфемизмы-обереги, юмористические эвфемизмы. Указанные виды формируют поле, в центре которого располагаются собственно эвфемизмы. Представим нашу модель полевой организации эвфемизмов на схеме.

Собственно эвфемизмы – единицы, коммуникативной интенцией которых является уход от неприличного наименования, соблюдение принципа вежливости.

Юмористические эвфемизмы – единицы, коммуникативной интенцией которых является создание комического эффекта.

Эвфемизмы-обереги – единицы, коммуникативной интенцией которых является замена нежелательного наименования на приемлемое в защитных целях.

Рис. 2

Полевая организация эвфемизмов

Юмористические Эвфемизмы	Собственно эвфемизмы	Эвфемизмы- обереги
-----------------------------	---------------------------------	-----------------------

В центре поля располагаются единицы, демонстрирующие все признаки. Отразим релевантность выделенных ранее признаков эвфемизмов для указанных видов единиц в таблице.

Проявление признаков эвфемизмов

Признак	Собственно Эвфемизмы	Эвфемизмы- обереги	Юмористические эвфемизмы
Стигматичный (неприличный / нежелательный) коррелят	+	+	+
Намерение редуцировать прагматический эффект коррелирующего наименования	+	+	+ —
Наличие в значении положительной оценочности и эмотивности	+ —	—	+ —
Уменьшение интенсивности нежелательного признака	+	+	+ —
Повышение стилового регистра	+ —	—	—

Как видим из таблицы, наиболее близки к ядру поля юмористические эвфемизмы. Эвфемизмы-обереги представляют собой более самобытное явление.

Предложенная нами типология эвфемизмов отражает их основные интенциональные виды:

1) обеспечивающие речевую и культурную норму. Основное назначение эвфемизмов данной группы заключается в том, что они реализуют выражение смысла в соответствии с нормами приличия.

Данную группу по результатам анализа нашей картотеки мы считаем самой многочисленной;

2) используемые в юмористических целях. Основной интенцией данный единиц мы считаем выражение целеустановки рассмешить адресата: *вековые – менструация, второе сердце мужчины – о половом члене, демократка – резиновая дубинка*;

3) используемые как оберег. Основной интенцией данных эвфемизмов является защита участников коммуникации от чего-либо нехорошего.

М.Л. Ковшова разработала прагматический сценарий употребления эвфемизма, используя язык семантических примитивов: «Я говорю эвфемизм / эвфемирую (смягчаю слова и выражения) = предполагая, что слова и выражения, которые я мог бы использовать для описания чего-либо, излишне прямолинейны; грубы; бестактны;

предполагая, что употребление данных слов и выражений нарушает правила речевого этикета, так как их не принято произносить или они могут произвести неприятное впечатление на слушающего, вызвать у него эмоциональный дискомфорт, досаду, раздражение, культурный шок;

предполагая, что тем самым коммуникация не будет успешной;

не желая такого результата,

желая сделать так, чтобы этого не было,

я смягчаю слова и выражения с помощью эвфемизма» [Ковшова 2007, 37].

В целом соглашаясь с предложенным сценарием, мы хотели бы внести некоторые уточнения. Во-первых, говорящий в большинстве случаев не квалифицирует употребляемую единицу как эвфемизм или что-то другое. Во-вторых, говорящий не всегда отдаёт отчёт в том, что он смягчает речь. Учитывая эти соображения, наша трактовка сценария эвфемического речевого акта будет следующей.

Сценарий для собственно эвфемизмов.

Нечто (слово или ситуация) считается неприличным / нежелательным.

Я и мой собеседник знаем это.

Я испытываю нечто плохое, думая об этом.

Я не хочу себе или моему собеседнику чего-то плохого.

Я употребляю приличное / допустимое слово, или я не говорю об этой ситуации прямо.

В предложенной ситуации мы постарались акцентировать то, что, во-первых, эвфемизм является культурным, общественно осознанным, прочитываемым фактом. Во-вторых, употребление эвфемизма отвечает принципу коммуникативной кооперации, направлено на гармонизацию отношений. Данный сценарий применим к собственно эвфемизмам, поэтому мы его считаем основным.

Заметим, что смежные с эвфемизмом явления имеют иные сценарии.

Для юмористических эвфемизмов сценарий будет иметь следующий вид.

Нечто (слово или ситуация) считается неприличным / недопустимым.

Я и мой собеседник знаем это.

Я испытываю нечто хорошее, думая об этом.

Я хочу, чтобы мой собеседник тоже испытывал нечто хорошее.

Я употребляю слово или выражение, которые буквально не соотносятся с данной ситуацией.

Для эвфемизмов-оберегов сценарий имеет следующий вид.

Нечто (слово или ситуация) считается опасным / нежелательным.

Я и мой собеседник знаем это.

Я испытываю нечто плохое, думая об этом.

Я не хочу себе или моему собеседнику чего-то плохого.

Я употребляю другое слово, или я не говорю об этой ситуации прямо.

Таким образом, эвфемия представляет собой сложное неоднородное явление, к описанию которого целесообразно подходить на основе принципа полевой организации. В центре поля находятся собственно эвфемизмы, которым присущи как облигаторный признак: замена нежелательного наименования, так и необлигаторные признаки: интенция улучшения, наличие в составе прагматического блока значения положительных оценочных и эмотивных сем, уменьшение интенсивности, повышение стилового регистра. На периферии поля располагаются юмористические эвфемизмы, эвфемизмы-обереги. В семасиологии разработаны разнообразные классификации эвфемизмов, однако наиболее существенными для данного феномена являются те, в основе которых лежит коммуникативный, когнитивный и культурный аспекты.

Выводы по первой главе

Значение эвфемизма рассматривается в той же семантической системе, что и значение обычного слова. При этом на содержание каждого компонента значения интенции эвфемизма накладывают свой отпечаток. Так, по содержанию денотативного компонента возможно определить мишени эвфемизации. Сигнификативный компонент указывает на признаки, подлежащие смягчению. Образный компонент фиксирует особенности интерпретации того или иного положения дел эвфемизмом.

Эвфемизм может снимать степень интенсивности проявления нежелательного признака, в чём выражается специфика интенсивного компонента. Оценочный и эмотивный компоненты отражают перевод негативного признака в нейтральный или положительный. Эвфемизмы

стилистически маркированы, они призваны изменить стилевой регистр неприемлемого для речевой традиции коррелята.

По структуре эвфемизмы представлены однокорневым и разнокорневым видами. Среди однокорневых продуктивны суффиксальный и сложный типы. Эвфемизмы представляют собой особый неоднородный лексический пласт. Отдельные виды эвфемизмов, а именно: термины, заимствованные слова – демонстрируют абсолютное тождество. Среди эвфемизмов встречаются все виды отношений, свойственных полным синонимам: абсолютные синонимы, эквиваленты, дублеты. Большинство эвфемизмов отличается от своего коррелята, в виду чего эвфемизмы можно охарактеризовать как квазисинонимы. Не все эвфемизмы проявляют признаки, свойственные лексическим синонимам, поэтому отношения лексической синонимии и эвфемии можно характеризовать как эквиполентные.

Эвфемизм может быть рассмотрен в разнообразных аспектах: семиотическом, стилистическом, семантическом, прагматическом, когнитивном, прикладном, лингвокультурологическом. Данное явление имеет комплексный характер, что должно найти отражение в его дефинировании: эвфемизм – разновидность вторичной номинации, служащее целям кодификации речи, интерпретирующее денотативное содержание в соответствии с правилами приличия и являющееся результатом лингвокультурной рефлексии.

Эвфемизмы представляют собой элемент лексико-семантической системы языка. Проявлением системности эвфемизмов является их способность объединяться в цепочки и входить в оппозитивные парадигмы.

В русистике сложился широкий (при котором к эвфемии относятся по сути любые замены) и узкий (при котором эвфемизмом считается только единица, заменяющая нежелательную номинацию) подход определения эвфемизмов. Эвфемизмы неоднородны по своей структуре,

семантике, способам образования, функциям. Основными способами образования эвфемизмов являются лексические, семантические, стилистические, заимствование.

Облигаторным признаком эвфемизма является замена нежелательного по каким-либо причинам наименования. К необлигаторным признакам относится интенция улучшения, наличие в значении положительных оценочных и эмотивных сем, снижение интенсивности, изменение стилового регистра. На основании интенциональной специфики эвфемизмов и проявления признаков установлены следующие разновидности данных единиц: собственно эвфемизмы, юмористические эвфемизмы, эвфемизмы-обереги. Для описания массива эвфемизмов целесообразно использовать полевой принцип.

Эвфемизм можно рассматривать как коммуникативно-прагматический акт и как средство его осуществления. Для каждого выделенного вида эвфемизма могут быть определены свои когнитивно-прагматические сценарии.

Эвфемизмы могут быть охарактеризованы по отношению к норме как соответствующие нормам культуры речи и соответствующие нормам культуры. Для лингвокультурологического освещения эвфемизмов актуальна классификация по характеру семантической мишени.

ГЛАВА 2. ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ВИДЫ ЭВФЕМИЗМОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

2.1 Проблема кодирования культурного знания в свете исследования эвфемии

Новые ориентиры в развитии языкознания начала XXI века, обозначенные Е.С. Кубряковой, к которым относятся экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, экспланаторность [Кубрякова Эволюция..., 208], стали стимулом становления и развития инновационной области языкознания – лингвокультурологии. В.Н. Телия дала следующее определение этому научному направлению: «...научная дисциплина, исследующая воплощённые в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преемственности с языком и культурой этноса» [Телия 1996, 216].

Объектом лингвокультурологии является интеракция языка и культуры, по В.Н. Телия, «... изучение и описание корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии» [Телия 1996, 217]. Предметом – средства и способы вербального воплощения знания.

Лингвокультурология стала бурно развиваться в России. На современном этапе можно говорить, что в научных центрах сформировалось несколько лингвокультурологических школ. Перечислим некоторые из них: московская (В.Н. Телия и др.), нижегородская (Т. Радбиль и др.), курская (А.Т. Хроленко и др.), белгородская (Н.Ф. Алефиренко и др.), волгоградская (В.И. Карасик и др.) и др. В нашем исследовании мы будем основываться на трудах тульской лингвокультурологической школы, представленной работами Г.В. Токарева.

Учёные этой школы рассматривают язык и культуру как две самостоятельные, но тесно взаимодействующие системы. Смежность

данных систем имеет следствием формирование промежуточного, лингвокультурного уровня, на котором функционируют особые, лингвокультурные единицы: слова, фразеологизмы, играющие роль знаков культуры. Культура предстаёт в двух ипостасях – духовной (ментальной) и материальной. Духовная культура представляет систему знаний, порождённых лингвокультурной общностью. В коллективном сознании эти знания существуют не хаотически, а аспектуализируются в виде крупных ментальных категорий, называемых концептами. Г.В. Токарев даёт следующее определение концептам культуры: «глобальная, многомерная ментальная единица, для которой характерны следующие признаки: культурно-историческая обусловленность..., широкий объём, структурированность более простыми в ментальном отношении смыслами..., неоднородность содержания..., разнообразие типов знаковых репрезентаций...» [Токарев 2020, 21]. Данное определение сформулировано в соответствии с понимаем концепта Ю.С. Степановым: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2001, 43].

Для лингвокультурологического исследования эвфемизмов важно, что концепты, являясь принципами культуры, центрируют её ценности, то есть «представление о том, что свято для человека... Ценности не подвергаются сомнению, они служат эталоном, идеалом всех людей» [Хоруженко 1997, 533]. Эвфемизм напрямую связан с понятием ценности. Являясь вторичной номинацией, эвфемизм подчёркивает значимость того или иного знания.

Г.В. Токарев определяет концепты как сложные ментальные макроединицы, включающие более простые знания: представления, наивные понятия, культурные установки и идеологемы, стереотипы. В системе выделенных знаний для исследования лингвокультурных аспектов эвфемизмов особенно важны культурные установки. В.Н.

Телия пишет: «Основным стержнем культуры, организующим её в особую часть картины мира, является совокупность установок, т.е. ментальных образцов, играющих роль прескрипций для социальных и духовных жизненных практик. Эти установки – продукт непрерывного процесса осознания человеком себя как личности в «Я-Ты-Он» соотношении...» [Телия 1999, 18]. Культурная установка связана с выражением нормы, то есть «культурного механизма закрепления и контроля за выполнением определённых функций, значимых с точки зрения удовлетворения жизненно важных потребностей людей или поддержания совместности их существования» [Хоруженко 1997, 344]. Эвфемизмы косвенно объективируют нормы. Причина формирования эвфемизма – требование следования норме. Экспликация выделенных ментальных сущностей возможна с опорой на анализ языка. Т.Б. Радбиль указывает: «...язык – это путеводитель в «социальной действительности» [Радбиль 2010, 30].

Перевод культурного знания в вербальную материю осуществляется с опорой на коды культуры. В.Н. Телия так определяет код культуры: «...совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума...» [Телия 1999, 20]. Г.В. Токарев связывает коды культуры с архетипическими представлениями о мире, восходящими к ранним формам религии: тотемизму, анимизму, фетишизму, магии и др. На этом основании исследователь выделяет следующие коды культуры: анимический, биоморфный, фетишный, акциональный, антропоморфный. Культурный код определяется на основе базового образа, полученного в результате обобщения внутренних форм языковых единиц: природная стихия, животное, растение, предмет, действие, человек. Исследование кодов культуры, которые лежат в основе эвфемизмов, позволяет понять проблему формирования данных единиц. Эвфемия зачастую связана с трансфером кода, то есть изменением кода культуры при передаче знания. Ср.:

амурничать (мифологический код культуры) / *трахаться* (акциональный код культуры). Буквальное прочтение внутренней формы эвфемизма позволяет реконструировать особенности понимания того или иного явления действительности, его интерпретации, которая осмысливается как допустимая, соответствующая культурным нормам.

В.Н. Телия одной из главных задач лингвокультурологии видела изучение средств и способов включения культурной информации в язык. Она писала: «...если единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы её отображения и средства соотнесения с ней...» [Телия 1996, 217]. Т.Б. Радбиль замечает: «Основные свойства любого языка (модальность, персональность, предикативность, дейксис, полисемия и др.) являются антропологически обусловленными» [Радбиль 2010, 44]. На сегодняшнем этапе развития данной области знания указанная проблема нашла достаточное освещение. В нашем исследовании мы рассмотрим только средства и способы включения культурной информации в семантику эвфемизма. Г.В. Токарев установил, что культура может отражаться в компонентах значения и значимости языковой единицы. В этих семантических величинах исследователь видел средства и способы «концептуализации и категоризации культурного знания» [Токарев 2003, 82]. Данные теоретические положения могут быть применены к эвфемизмам.

Во-первых, денотативный компонент значения эвфемизма указывает на явления действительности, которые наделяются для лингвокультурной общности особой значимостью. Ценность вербализованного денотативным компонентом знания проявляется в том, что данный смысл репрезентируется как приличной, так и неприличной номинацией. У говорящего возникает потребность говорить об этом в разных речевых регистрах, что, безусловно, подчёркивает значимость явления.

Во-вторых, сигнификативный компонент эвфемизма отражает иную, приличную интерпретацию того или иного явления. Рамки приличия устанавливает лингвокультурная общность. Сигнификативный компонент отражает лингвокультурные сюжеты, которые интерпретируют неприличное явление в ином, допустимом ракурсе.

В-третьих, прагматический компонент значения отражает условия употребления эвфемизма. Каждый эвфемизм характеризуется своими прагматическими правилами, которые определяют эффект от употребления данной единицы. Прагматический эффект эвфемизма определяется оценочным, эмотивным, интенсивным компонентами значения. В основе оценочности лежат культурные установки. Эмотивность определяется культурными нормами, которые обуславливают типовую рефлексию на то или иное явление действительности. Снижение интенсивности признака диктуется требованиями соответствия культурным нормам. В прагматическое правило также включаются условия употребления эвфемизма, которые полностью определяются традицией. Таким образом, культурная маркированность прагматического компонента определяется нормой и традицией.

В-четвёртых, культурно маркированы отношения эвфемизма и дисфемизма, эвфемизма и нейтрального слова, эвфемизма и эвфемизма. Данные виды отношений позволяют рассмотреть грани интерпретации вербализованного знания, увидеть запретное, нейтральное и допустимое. Значимость эвфемизма в компрессированном виде эксплицирует модель культуры.

Описание эвфемизма в лингвокультурологическом аспекте предполагает следующие аспекты.

1. Изучение мишени эвфемизации с позиции ценностей анализируемой лингвокультуры. Для решения поставленной задачи применяется приём комментирования количественного фактора, то есть

числа единиц, репрезентирующих ту или иную мишень. Чем выше данный показатель, тем больше степень ценности того или иного явления.

2. Определение культурных функций, выполняемых эвфемизмом. При описании данного аспекта внимание обращается на интенции единицы, даются ответы на вопросы, для чего использует единицу лингвокультурная общность, каких целей она хочет достигнуть.

3. Интерпретация внутренней формы эвфемизма, выявление квазистереотипов, с помощью которых осуществляется культурная функция. Т.Ю. Соколова так характеризует когнитивный аспект живой внутренней формы: «Прозрачность (в силу не наступившей еще демотивируемости и лексикализации языкового знака) внутренней формы дает информацию о значимости признаков объекта называния (мотива номинации), положенных в основу формирования новой ЛЕ (ценностный/интерпретативный аспект номинации)» [Соколова 2018, 370]. Данная задача осуществляется путём буквального прочтения образного основания единицы.

4. Экспликация культурных норм и установок, которые детерминируют употребление эвфемизмов. Этот параметр исследуется с опорой на значение эвфемизма, путём описания модели или правила поведения человека в обществе в соответствии с культурными установками.

Культурные аспекты эвфемизмов могут проявляться в следующем.

1. Указание на связь с тем или иным текстом культуры. Так, появление эвфемизма *клубничка* 'о любовных похождениях' связано с поэмой Н.В. Гоголя «Мёртвые души». Например, эвфемизм *буратино* 'глупый, наивный человек' связан с сказкой А.Н. Толстого «Золотой ключик, или приключения Буратино».

2. Описание каких-либо культурно маркированных практик. Так, эвфемизм *сидя на санях* 'в последние годы жизни, перед смертью'

отражает культурную практику захоронения: покойника везли на санях. Ранее не приветствовалось прямое обозначение охоты, поэтому именование данного занятия заменяли на другие обозначения: *полевать*, *польничать*, *лесовать*.

3. Указание на исторические лица, исторические события, получившие широкую известность. Например, эвфемизм *ерофеич* 'водка' связывают с именем известного виноторговца XIX века В. Ерофеева. Эвфемизм *Кондратий* 'смерть' отражает историю Кондратия Булавина, который во время крестьянского восстания одним ударом уничтожил весь отряд князя Долгорукова. Эвфемизм *под Котовского* 'наголо' связан с именем героя гражданской войны Г.И. Котовского, его внешним видом.

Таким образом, эвфемизм является культурно маркированной единицей. Особенности миропонимания отражаются в денотативно-сигнификативном и прагматическом блоках значения, традиции употребления единицы.

2.2 Лингвокультурный потенциал собственно эвфемизмов

Собственно эвфемизмы, то есть слова и выражения, используемые непосредственно в функции смягчения значения, образуют наибольшую часть среди всех эвфемических единиц. В нашей картотеке они представлены около 1 000 номинаций. В зависимости от мишеней эвфемизмы данного типа можно распределить на несколько групп, каждая из которых имеет различную количественную презентацию. В.П. Москвин использует термин *тематическая зона*, под которой он понимает «ряд лексических (прежде всего родо-видовых и синонимических) классов, служащих описанию одной типовой ситуации (фрейма) и, соответственно, связанных ассоциациями по фрейму...» [Москвин 2017, 102]. В нашем исследовании понятия мишени и тематической зоны тождественны. Мы останавливаемся на термине

«мишень» принятом в когнитивной лингвистике, чтобы подчеркнуть процессуальный аспект эвфемизации. В лингвистике обоснована точка зрения о том, что плотность номинации связана с значимостью того или иного явления для лингвокультурной общности [Вежбицкая, 1999, 278; Токарев 2020, 109 и др.]. Применительно к эвфемизмам данное положение можно истолковать следующим образом. Наибольшее число данных единиц объективирует неудобные явления действительности.

В исследованиях эвфемизмов имеются различные тематические классификации. Так, А.С. Мейриева выделяет 15 тематических групп эвфемизации: «наименования физиологических процессов и состояний; обозначения частей тела, связанных с «телесным низом»; названия болезней и объектов, действий, ритуалов, связанных со смертью; обозначения отношений между людьми в быту, на работе; наименования умственных и моральных дефектов; обозначение ситуаций, связанных с наличием или отсутствием финансов; эвфемизация названий проступков, преступлений, последствий преступных деяний, преступных группировок, силовых структур, выполняющих карательные функции; наименования процессов, связанных с дипломатией; наименования государственных и военных тайн и секретов; наименования, используемые в сфере распределения и обслуживания; характеристика межнациональных отношений и отношений между социальными группами; названия профессий, престиж которых может повыситься в результате процессов эвфемизации» [Мейриева, 2015].

Н.В. Юдина приводит результаты собственного исследования тематического распределения эвфемизмов. «Современная дискурсивная практика позволяет выявить следующие наиболее частотные тематические сферы употребления эвфемизмов в русском языке XXI века:

- 1) состояние здоровья (23% от всех употреблений) ...;

- 2) смерть, прекращение существования (21% от всех употреблений)...;
- 3) алкоголь (18% от всех употреблений) ...;
- 4) беременность (12% от всех употреблений) ...;
- 5) действия силовых структур (11% от всех употреблений) ...;
- 6) потеря свободы (5% от всех употреблений) ...;
- 7) изменение социального статуса в связи с потерей трудоспособности по возрасту (3% от всех употреблений) ...;
- 8) экономика (3% от всех употреблений) ...;
- 9) время (2% от всех употреблений) ...;
- 10) оценка (2% от всех употреблений) ... [Юдина Н.В. 2016, 609-611].

В науке известны и другие данные распределения эвфемизмов по тематическим полям. Результаты, по нашему мнению, зависят от культурной ситуации, характерной для той или иной эпохи.

Наши наблюдения дают основания для иного выделения мишеней и распределения в них эвфемизмов. Изложим результаты собственного исследования.

Наиболее представленную группу составляют эвфемизмы, связанные с «человеческим низом»: половая жизнь, субъекты данного вида деятельности, половые органы, место осуществления данного вида деятельности. В нашей картотеке насчитывается около 250 подобных единиц. В культурно-когнитивном аспекте данный факт отражает нетерпимость русского человека к обсуждению данной стороны жизни, крайнюю степень стыдливости. В целом продуктивность эвфемизации данной мишени отражает христианскую культурную установку: не прелюбодействуй. Большинство номинаций характеризуется отрицательной оценочностью, неодобрением, ироничностью.

Значения, внутренние формы данных единиц позволяют реконструировать тактики концептуализации явления. М.Л. Ковшова

отмечает: «...Эвфемизации речи присущи три аспекта – социальный, психологический и собственно лингвистический» [Ковшова 2007, 7]. Из этого наблюдения следует, что интерпретация эвфемизма может осуществляться не только в интралингвистическом, семантическом, но и экстралингвистическом, лингвокультурологическом и когнитивном ключе.

Так, половая жизнь воспринимается как:

- сближение, соединение: сходиться, любовная связь, накоротке, интимная связь, близкие отношения, близость, быть с кем-то, повязаться, путаться с кем-либо, соитие и др.;

Поев и выпив, Элла якобы не отказывалась от близости, но повторные притязания отвергла и сказала, что хочет спать. [С. Любимов «Призрак убитой ошибся адресом»] (НКРЯ).

*Что, впрочем, не мешает олигарху **путаться** с девками, кстати, эти шашни спасают ему жизнь.* [Татьяна Алексеева. «Олигарх» читит Уголовный кодекс // «Финансовая Россия», 2002.09.19] (НКРЯ);

- сон: спать, делить ложе, переспать, провести ночь и др.;

Как в древности Софокл заставлял мать и жену Эдипа, царственную Иокасту, когда она узнает об ужасном деле эока, который заставил её делить ложе с собственным сыном и рожать от него и ему сыновей братьев и сестёр-дочерей, удаляться молча, и только рассказ приносил амфитеатру весть о той ужасной казни, которой она себя подвергала. [И. Ф. Анненский. Книга отражений] (НКРЯ).

*Конечно, есть категория женщин, готовых на всё в первую же минуту, точно так же, как и есть мужчины, которые рады **переспать** с каждой встречной.* [В. Р. Николаевский. Комментарий сексолога // «Даша», 2004] (НКРЯ);

- движение: на сторону ходить, налево, любовные похождения, гулять, далеко зайти, падение, по рукам ходить, сбиться с пути и др.;

Она страстно сжимала в объятиях мужа, но он, понимая, что так можно **далеко зайти**, отстранил её и прошептал на ушко... [А. Грачев «Ярый против видеопиратов» (1999)] (НКРЯ);

- выполнение супружеских обязанностей: супружеский долг и др.; Стало быть, десятки миллионов людей устремляются в домашних очагам именно ради того, чтобы своевременно выполнить **супружеский долг**. [В.В. Овчинников «Размышления странника» (2012)] (НКРЯ);

- осуществление интенсивных действий: таскаться, топтать, багриться, кувыркаться, махаться и др.; Вы в постельке **кувыркаться** будете, а мне на вас, гадов, смотреть попусту? [С. И. Шуляк «Квартира номер девять. Роман с чертовщиной» // «Волга», 2013] (НКРЯ);

- нарушение норм поведения: баловаться, шалость, шалить и др.; Кажется, Ваня где-то в тех краях по юности шалил. [М. Зосимкина «Ты проснешься»] (НКРЯ);

- доминирование: обидеть, обладание, овладеть, отдаться, взять и др.; Он не смог бы обидеть её, но затосковал и поник уже от близости этой не по годам взрослой, странной беспризорной девочки, чувствуя стыд, который пришёл вместе с ней. [О. Павлов «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» // «Октябрь», 2001] (НКРЯ);

- зарабатывание денег: коммерческий секс, натурой расплатиться, интим-сервис, интимные услуги и др.; *Закончив исторический факультет МГУ, Катя работала англоязычной телефонисткой-диспетчером в бюро, поставлявшем интимные услуги иностранцам.* [А. Иличевский. Матисс // «Новый Мир», 2007] (НКРЯ)

- коммуникация: копулятивное общение и др.;

- духовное чувство: любовные отношения, любовные утхи, любить, любить по-французски, любодейние, любострастие, заниматься любовью и др. *Но ещё больше ценилась её способность «возбуждать похоть и любострастие».* [И. Сокольский «Пряности и мировая история» // «Наука и жизнь», 2008] (НКРЯ);

- нечто сладкое: клубничка, земляничка и др. Но местные любители «**клубнички**» разочарованы... [«Вечерняя Москва», 2002] (НКРЯ).

Ещё одной особенностью концептуализации данной области знания является большое количество номинаций женщин, нарушающих указанный выше нравственный императив. Данный языковой факт свидетельствует о тенденции к оправданию поведения мужчины к порицанию поведения женщины. Номинации лиц женского пола передают разнообразную палитру оценочности, от резко негативной до положительно-одобрительной. Ср.: *б/у, продажная женщина, без предрассудков, весёлой жизни девица* и др. При создании эвфемизмов распутной женщины доминируют единицы, указывающие на профессиональные признаки: *массажистка, актриса, певица* и др., на мифологемы: *армида, магдалина, вавилонская блудница, вакханка* и др. Большинство номинаций мужского пола характеризуется положительной оценочностью: *друг дома, близкий человек, фаворит* и др. *Считается, что «хохлов накликал» сюда **фаворит** Елизаветы Петровны...* [«Русский репортёр», 2014]. (НКРЯ) Данная оценочная интерпретация связана также с некоторыми различиями в значении. В составе семем, связанных с обозначением мужчины-партнёра, имеются семы, указывающие на конкретную субъектную ориентированность, постоянство, что можно выразить когнитивными матрицами «Х избран У», «Связь Х и У длительная».

Функциональный признак является доминирующим при формировании номинаций публичного дома: *увеселительное заведение, массажный салон, дом свиданий, дом терпимости, вертеп* и др.

В области эвфемической номинаций полового органа наблюдаются следующие закономерности. Во-первых, прослеживается симметрия в области номинаций женского и мужского органов. Во-вторых, формирование эвфемизмов осуществляется с опорой на функциональный признак (*репродуктивный орган*), особенности формы, расположения, внешнего вида (*лоно, между ног, уд, ниже спины, нижний этаж* и др.).

Вторая по численности группа представлена эвфемическими названиями различных физиологических аспектов жизнедеятельности человека: физиологические отправления (*справить нужду, срочное, стул, урина, авария, облегчиться, облегчить нос, обмачиваться, освободить кишечник, отдать дань природе, отлить, красные дни, критические дни, на двор пойти, на дорожку сходить, на рубаше, делать под себя, дела, детская неожиданность, днюха, дурная болезнь, желудочное расстройство, женское, экскременты, эти дни, очищение, пакостить, пи-пи, плотное, по алой нужде, пойти позвонить, прихватил животик, проблема с желудком, разводить сырость, регулы, рубашечное, сделать лужу*), болезни (*недержание, недоброкачественный, незрячий, французская болезнь, французский насморк, щука*), беременность (*округлился живот, отяжелеть, быть натяжеле*), старость (*бальзаковский возраст*), полнота (*корпуленция, набирать в весе, женщина кустодиевских качеств, избыточный вес*). Для образования данных номинаций в большинстве случаев избираются результативные признаки данных явлений либо используются стратегии гиперонимии или немотивированной номинации.

На основе выделенных мишеней можно указать ценности представителей русской лингвокультурной общности опрятность,

здоровье, молодость. В рассматриваемой группе преобладают единицы, обозначающие физиологические отправления, что косвенно свидетельствует о стыдливости русского характера.

Третья по представленности группа связана со смягчением негативной оценки: небезупречно, небесспорный, двусмысленный, средненький, негативный, не вызывает одобрения, нелестный, не лучший представитель, не очень, неудачный и др. Всё происходило вроде бы правильно, логично, но, как это всегда бывает с политикой, в силу нюансов, контекста, неких внешних и неподвластных тебе обстоятельств, приобретало ненужный оттенок, **двусмысленный** душок. [А. Гаррос, А. Евдокимов «Головоломка»] (НКРЯ).

Объектом оценки может выступать человек, какое-либо явление и их признаки.

Оценка даётся с опорой на следующие признаки.

Вкусовые качества: солёный, соль, не мёд, не сахар, пересоленный и др. Национализм – это радикальное направление (**пересоленный патриотизм**) с навязыванием окружающим национальностям признания своего превосходства (т.е. не гордость, а гордыня). [Национал-анархизм (форум)] (НКРЯ)

Физиологическая реакция: *аллергия* и др. *Аллергия на мир. На людей. На понятие смыслов.* [В. Кузнецов «Часовой» // «Волга», 2013] (НКРЯ).

Размер: невысокий, небольшой и др.

Несмотря на сравнительно **невысокий** уровень компьютеризации в малых городах, постепенно растёт привлекательность специальностей, связанных с компьютерными технологиями. [Ю.Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. «Жизненные планы выпускников школ из малых городов» (2004) // «Человек», 2005] (НКРЯ).

Порядковая характеристика: *последний, сэконд хэнд* и др. *Берта, не лезь к чужому мужу, зачем тебе нужен этот сэконд-хэнд?* [М. Палей «Long Distance, или Славянский акцент»] (НКРЯ)

Аксиологический признак: не подарок, невыгодный, нежелательный и др. Для меня намного важнее, что это либеральная премия, идеологическая, и тем приятнее было её получить, ведь для этой тусовки я персонаж нежелательный. [коллективный. Лодка, дети, музыка, свет и тепло. Как победители премии «НОС» тратили свои выигрыши (2017.06.29)] (НКРЯ)

Принадлежность к социуму, его законам: аутсайдер, не от мира сего, непорядочный, небезгрешный, неблагонравный, неблагородный и др. *А вот по размерам и эргономике салона этот «Рено» – аутсайдер.* [А. Фомин, В. Крючков «Одного поля ягоды?» // «За рулем», 2004.04.15] (ККРЯ).

Влияние на объект: неблагоприятный, небезобидный, небезопасно, неблагоприятный, неблагожелательный, неблагополучный и др.

Обычно я стараюсь скрыть этот, как мне представляется неблагоприятный факт. [Спектр. Face Control (2002)] (НКРЯ)

Насыщенность признака: *небогатый, неброский, негусто* и др. *Он – худенький, **неброский** мужчинка, паренёк в чёрной кожаной курточке.* [В. Голованов «Остров, или оправдание бессмысленных путешествий» (2002)] (НКРЯ).

Внешнюю характеристику: неизысканный, неказистый, некрасивый, непечатный, непрезентабельный и др.

Домик старый, **неказистый**, ни одного прямого угла, но за другим и объедки не собирали. [А. Снегирев «Как же ее звали?..» // «Знамя», 2013] (НКРЯ).

Каждый из выделенных признаков, представленный в образе, позволяет установить основания оценки и её эталоны.

Приятно то, что напоминает сладкий вкус.

Плохо вызывать раздражение.

Хорошо быть заметным, но при этом соразмерным.

Хорошо быть первым.

Нужно быть значимым.

Будь как все.

Учитывай следствия.

Хорошо, если что-то интенсивно себя проявляет.

Нужно производить впечатление.

В соответствии с выделенными основаниями оценки формируются эвфемизмы.

Ещё одной мишенью эвфемизации является смерть. Если ранее использовались эвфемизмы-обереги, не допускающие прямой номинации смерти, то на современном этапе существования лингвокультурные представления сохранились как не осознаваемые рудименты. Если ранее основанием для употребления эвфемизма являлся страх, то на данном этапе этим основанием выступает вежливость, нежелание говорящего оказать негативное воздействие на собеседника.

Для презентации смерти языковое сознание прибегает к следующим образам.

Смерть – это сон: сон, усение, заснуть вечным сном, умолкнуть и др. *Мы прижимались друг к другу, чтобы согреться, и толкали друг друга, чтобы не заснуть вечным сном...* [К. М. Станюкович. Вокруг света на Коршуне (1895)] (НКРЯ).

Смерть – это чужое пространство: *страна теней, уйти в другой мир* и др.

Смерть – это прекращение деятельности: угомониться, упокоиться, обрести вечный покой, отпировать и др. *Перевалив за сорок, я наконец увидел город, где мне жить и в чьей земле упокоиться.*

[Владимир Марамзин. Славотерпец [отрывок из романа «Страна Эмиграция»] (НКРЯ)

Смерть – это утрата ощущения: бесчувственный и др. *Решай сама, – продолжал тем временем **бесчувственный** «гад», я на всё согласен, лишь бы тебе было хорошо.* [Т. Соломатина «Акушер-ХА! Байки» (2009) (НКРЯ)]

Смерть – это уход: *оставить мир, отойти* и др. *Оставшимся Вы предлагаете постепенно **отойти** в лучший мир?* [коллективный Форум: В России нет государства (2011)] (НКРЯ)

Таким образом, в русском языке сознании смерть является антиценностью [термин, используемый Х. Вальтером, В.М. Мокиенко, Л.К. Байрамовой и др.]. Произнесение данного слова осмысливается как нежелательное, негативно влияющее на адресата.

Ориентированность на этические нормы проявляется в эвфемизации представлений о нечестном зарабатывании денег: *статусная рента, административная рента, откат, чёрные деньги, приношение* и др.

Какие деньги действительно будут затрачены на рекламу, а какие на «откат», никто, конечно, не скажет. [«Динозавры радиоэфира» // «Рекламный мир», 2000.03.30] (НКРЯ). Маркируется эвфемизмом отступление от нормы владения деньгами или материальных затрат: *стеснённый в средствах, недёшево, недорогой, ввести в расход* и др. *Плохо, конечно, когда есть только один заказчик, да ещё настолько **стеснённый в средствах**.* [П. Иванов «Акцент на электронику» // «Воздушно-космическая оборона», 2002.10.15] (НКРЯ).

Отрицательно оценивается любовь к деньгам: *сребролюбивый, болеть за свой карман* и др., что отражает ориентацию на христианские императивы. В основе объективации представлений о плате за какие-либо услуги лежит образ благодарности, жертвенности, что, на наш

взгляд, восходит к древним временам русской истории, к практике уплаты дани.

Актуальная мишень для эвфемизации – характеристика отношений между людьми. Эвфемизации подвергаются следующие аспекты.

Конфликты: устроить бенефис, сцена, нелады, не выбирать выражения, не сложились отношения, не сошлись характером, великость духа, прохладные отношения, переходить на личности и др.

На защиту города встали прокуратура области и депутаты регионального парламента, по мнению которых спор носил скорее межличностный характер – в области известны весьма прохладные отношения губернатора Николая Максюты и мэра Романа Гребенникова. [И. Воробьева «Межбюджетный передел» (2008.09.15)] (НКРЯ)

Выражение неуважения: небратский, невежливый, невоздержанный, невменяемый, недоброе, недобропорядочность, некорректный, немилосердный, нелюбезный, непристойный, непотребный, неэтичный. Продуктивной номинативной стратегией эвфемизации здесь является образование единиц с приставкой не-, то есть смягчение осуществляется через отрицание эталонного положительного признака.

Иными словами, провели **некорректный** эксперимент: ведь эликсир готовился под внутримышечную инъекцию, и в вашем варианте половина свойств препарата, на которые мы рассматривали, может просто не проявиться. [А. Валентинов «Операция «власть» // «Наука и религия», 2010] (НКРЯ).

Эвфемизации подвергаются представления о выражении агрессии. Данный когнитивный параметр представлен как коммуникативное действие: *адекватный ответ, пару ласковых* и др., как защита от опасности: *обезвредить* и др., как учение: *учить* и др., как очищение: *чистить, чистка* и др. *Уверяют, что, осознав её приближение,*

Верховный главнокомандующий готовил адекватный ответ...
[Кремлевский звездопад // «Еженедельный журнал», 2003.03.17] (НКРЯ)

Эвфемизм выступает как своего рода средство оправдания, вуалирования агрессии. Эти когнитивные тактики осуществляются через эталоны кооперации общения, очищения, обезвреживания, передачи знаний.

Эвфемизации подвергаются отступления от норм поведения: *неподобающий, неувязка, нештатная ситуация, девиантное поведение. К тому же, нештатная ситуация на орбите – это не эксперимент.* [С. Ивашко «Долететь до Марса – не главное» // «Детали мира», 2011] (НКРЯ). Значение эвфемизмов отражает императивы культурно приемлемого поведения.

Не прелюбодействуй: трепать юбки, озабоченный, ветреничать, адюльтер, неверность и др.

Будь как все: парвеню, вести себя нескромно и др.

Следуй традиции: деструктивный, дестабилизировать и др.

Из логики исследования можно заключить, что эвфемизации подвергается то, что порицается.

Ещё одним общественно порицаемым аспектом является болтливость, лживость: соловей, сочинительство, уклоняться от истины, умывуть, алармист, басня, небылица, не рассказывайте сказки, дезинформация, ввести в заблуждение и др.

Сам Анненков был тип офицера Генерального Штаба, большой болтун и вообще был человеком, любившим умело **уклоняться от истины**. [С.Ю. Витте «Воспоминания» (1911)] (НКРЯ).

Порицается пьянство: тёпленький, употребляющий, бахический, готов, дары Вакха, булавка в голове, в градусе, весёлый, вести нетрудовую жизнь, возливать, хлебнуть лишнее, перебрать, прикладываться к бутылке, принять на грудь и др. Для презентации данной мишени используются стратегии описания употребления

спиртного, следствия данного процесса, обращение к мифологемам. *Папа потерял покой и начал по-серьёзному прикладываться к бутылке.* [Т. Сахарова «Добрая фея с острыми зубками» (2005)] (НКРЯ).

Перечислим менее продуктивные аспекты эвфемизации. К ним относятся следующие: помещение для отправления естественных физиологических потребностей: *солдатик, нужное место, одно место, отхожее место, дамская комната, кабинет* и др. *Там, чёрным ходом, минуя чулан и **отхожее место**, они спустились по узкой лесенке во двор.* [Ю. Н. Тынянов «Малолетный Витушишников» (1933)] (НКРЯ).

Номинация голого человека: *топлес, без ничего, без оных, без всего, неглиже, ню, в дезабилье, в костюме Адама, в костюме Евы, в натуральном виде* и др.

Генералов сообразил наконец, что пребывает в **костюме Адама**, и ойкнув, кабанчиком метнулся за ближайшую дверь. [Т. Сахарова «Добрая фея с острыми зубками» (2005)] (НКРЯ).

Номинация старости: *третий возраст, не первой свежести / молодости, в годах, в возрасте, в гроб глядеть, в летах, возраст* и др. *Выхожу, вижу: стоит интересная женщина, правда, в летах.* [И. Э. Кио «Иллюзии без иллюзий»] (НКРЯ).

Номинации побоев: *угощать, умиротворитель, шлёпать* и др.

*Зайка скачет, беленькая пляшет, а они мороками 10 и по башенке 6 родят, всё трогают, всё нюхают, а то в игры свои играть примутся: либо **угощают** друг дружку мордой об стол, либо в окно выбрасываются, – такие эти были Артамошка с Епифашкой.* [А. М. Ремизов «Зайка» (1905)] (НКРЯ)

Номинации увольнения: *уйти кого-то, указать на дверь, укреплять руководство, депортация* и др.

Чтобы **указать на дверь**, полномочия не нужны. [Д. Быков «Орфография»]

Номинации неприятного запаха: *амбре*, *дух*, *душок* и др. Вскоре они вступили в зону нестерпимого зловония: оказалось, что посреди площади лежитдохлая собака. *Какое амбре!* – *восхитился Скворцов.* – *Эту собачку ещё третьего дня машиной задавило, радостно сообщил Тёткин.* [И. Грекова «На испытаниях» (1967)] (НКРЯ).

Номинация грязного пространства: антисанитария, невымытый, негигиенический, неопрятный, художественный беспорядок и др.

Если же в доме с детьми уже есть собака – это антисанитария, а значит, нарушение права ребенка на здоровье. [М. Разлогова «Детки в клетке» // «Однако», 2010] (НКРЯ).

Номинация глупости: недомыслие, незамысловатый, не блещет знаниями, не семи пядей во лбу, группа коррекции и др.

Существование всей этой чудовищной чертовщины вызывает вопрос: что это – **недомыслие** или умысел? [Л. Пономарёв «Телемистика» // «Наука и жизнь», 2008] (НКРЯ).

Таким образом, складывается следующая картина эвфемизации явлений на современном этапе. Наиболее яркая мишень – половая жизнь человека, далее по убыванию: физиологические аспекты жизнедеятельности, негативная оценка действительности, смерть. К мишеням второго плана на основании результатов анализа мы отнесли: деньги, конфликты, неуважение, агрессия, нарушение норм поведения, пьянство, возраст, неприятный запах, грязь и др.

Рассмотренные тематические группы можно укрупнить. Например, в группу номинаций физиологических аспектов жизнедеятельности можно включить номинации помещения для отправления физиологических потребностей. Можно представить в виде одной группы номинации пьянства и нарушения норм поведения. Представленная нами классификация основана на учёте архисем и наиболее существенных дифференциальных сем. Полученные выводы представим в виде диаграммы.

Тенденции эвфемизации

Т.Ю. Соколова и И.А. Солодилова отмечают: «Социокультурная детерминированность эвфемизмов также имеет большую значимость при изучении явления эвфемии. Применимость и допустимость тех или иных слов или выражений всегда напрямую зависит от социума, от социальных условностей. Иными словами, эвфемизмы всегда несут в себе дополнительную социальную нагрузку, так как их формирование всегда протекает под воздействием социальных условий и условностей, которые, в свою очередь, утверждаются культурой и её нормами в обществе (приемлемость / неприемлемость, корректность / некорректность, пристойность / непристойность слова и выражения). Немаловажную роль в определении допустимости и уместности эвфемистических средств играет такой фактор, как «социальная значимость единицы языка», которая, в свою очередь, определяется такими категориями, как общество, имеющаяся в обществе атмосфера, частота употребления данного слова, а также как экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами». [Солодилова, Соколова 2017, 75]. Из сказанного следует, что на современном этапе развития русской лингвокультуры для её носителей неприемлемым становится прямое обсуждение полового аспекта деятельности человека. Это свидетельствует о влиянии этических

критериев в развитии лингвокультуры. Доминирование эвфемизмов физиологических аспектов свидетельствует о повышенной стыдливости русского человека. Эвфемизмы отрицательной оценки могут говорить о том, что вежливость и толерантность в общении не имеет первоочередной важности. По всей вероятности, факт, что данная группа по своей численности занимает третье место, свидетельствует о тенденциях к доминированию прямолинейности и эмоциональности в коммуникации.

Специфической разновидностью собственно эвфемизмов являются единицы, построенные на основе приёма аллюзии.

Денотативная характеристика мишеней эвфемизмов-аллюзий характеризуется разнообразием. Всё, что осмысливается как неприличное, нежелательное, может быть обозначено эвфемизмами данного вида.

В качестве эвфемизмов-аллюзий могут выступать некоторые прецедентные имена, под которыми мы, вслед за М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудковым, понимаем «воплощённые» имена собственные, связанные с широко известным текстом, ситуацией, и/или фиксированным комплексом определённых качеств, способные регулярно употребляться денотативно (интенционально), выступая в роли семантического предиката» [Ковшова, Гудков 2017, 114]. Как отмечает Н.А. Ванюшина, актуализация смысла в приведённых примерах происходит на основе ассоциативных фоновых знаний» [Ванюшина 2017, 414]. Данная функция может возлагаться на номинации, которые, во-первых, обозначают негативные явления, во-вторых, обозначают их смягчённым способом (например, не являются номинациями одиозных персонажей). Снижение экспрессии может достигаться ввиду недостаточных культурно-исторических знаний. Так, более половины студентов первого и второго курсов факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического

университета им. Л.Н. Толстого затруднились ответить на вопрос, какие исторические события стоят за прецедентными именами *Ледовое побоище*, *Ходынка*, *Кровавое воскресенье*. Эвфемистичность детерминирована традицией употребления номинации: она воспринимается как актуальная, широко распространённая, а значит, допустимая в общем дискурсе.

Употребление прецедентного имени в роли эвфемизма связано с апелляцией к признакам вспомогательного явления и их переносом на мишень. Так, эвфемизм *Салтычиха* основывается на коллективном знании о бесчеловечных деяниях Д.Н. Салтыковой и заменяет экспрессивные номинации *садистка*, *убийца*. *Она кричала на мойщиков как Салтычиха на девок*. [А. Иличевский «Перстень, Мойка, Прорва» (2005)] (НКРЯ). По нашим наблюдениям, эвфемизмы-аллюзии в большинстве случаев используют трансфер культурного кода дисфемизма. Например, перевода акционального кода в антропоморфный. Замена образного основания редуцирует признаки мишени.

Прецедентные имена, выполняющие функцию эвфемизма-аллюзии, восходят к различным источникам.

1. К произведениям устного народного творчества: *Змей Горыныч*, *Кащей Бессмертный* и др.

2. К произведениям художественной литературы: Буратино, Карабас-Барабас, лиса Алиса и кот Базилио, Митрофанушка, Скотинины, Квазимодо, Анна Каренина, Держиморда, Коробочка, Павка Корчагин, унтер Пришибеев, Тартюф, Фигаро, Хлестаков, Молчалин, Скалозуб, Фамусов и др.

3. К фактам истории: Иван Грозный, Иван Сусанин, Павлик Морозов, Мамаево побоище и др.

Декодирование эвфемизма-аллюзии, выраженного прецедентным именем, связано с уровнем развития культурно-языковой компетенции,

под которой мы, по В.Н. Телия, понимаем интерпретацию языковых знаков в категориях культуры [Телия 1996, 227], степенью прецедентности текста. Очевидно, что она выше у произведений русского устного народного творчества, русской литературы.

Эвфемизмы-аллюзии характеризуются структурно-семантической компрессией, высокой степенью идиоматичности. Данный вид эвфемизмов в большей мере, чем другие, обусловлен контекстом. И в то же время эвфемизмы-аллюзии играют на прецедентных феноменах. Так, в роли данных знаков могут выступать прецедентные имена: *папа Карло*, *Павлик Морозов*, *Ходынка*, *Ледовое побоище* и др.

*Вот я один тут с самого утра, как **папа Карло**, – ворота открой, ворота закрой... потом этот прибежал, как его ... ну лысый-то такой!* [А. Волос «Недвижимость» // «Новый Мир», 2001] (НКРЯ)

*А если твой папа твою маму убьёт, ты будешь об этом кричать на каждом углу и требовать, чтобы папу к стенке поставили? Я не **Павлик Морозов**. Повисла пауза. – Я понял, извините.* [А. А. Голицын «Ящик. История одного шоу» // «Волга», 2009] (НКРЯ) *Целая **ходынка** горожан одолевала Ботаническую горку.*

Пешков тоже пошел. Но его бросило в жар после сотни метров. [Б. Е. Клетинич «Моё частное бессмертие» // «Волга», 2016] (НКРЯ)

*После таких слов можно ожидать, что в серии давних и принципиальных соперников хоккей отойдёт на второй план, а и без того далеко не джентельменская игра, демонстрируемая командами, превратится в **ледовое побоище**.* [А. Демин «Полжизни за голову соперника. В первом раунде Кубка Стэнли разгораются нешуточные страсти» // «Известия», 2002.04.26] (НКРЯ) Так, эвфемизм Зоя Космодемьянская формируется на основе фоновых знаний о девушке, которая пожертвовала своей жизнью во имя идеи. *Ты у нас Зоя Космодемьянская, что ли?* [М. Трауб «Ласточ...ка»] (НКРЯ).

Употребление эвфемизма-аллюзии *слово из трёх букв* предполагает знание дисфемизма-матизма. Тем самым данный вид эвфемизмов опирается на общий культурный контекст. Так, употребление эвфемизма *палата № 6* апеллирует к рассказу А.П. Чехова, а также к интерпретации данного символа в русском лингвокультурном пространстве.

Эвфемизмы-аллюзии могут формироваться следующими способами:

- 1) на основе использования купюр (*на букву б*);
- 2) на основе употребления номинаций местоименного характера (*определённые отношения 'о половой связи' и др.*);
- 3) на основе использования перифраза (*послать на три буквы*), описания чего-либо.

На основе перечисленных приёмов можно сделать вывод, что эвфемизмы данного типа могут формироваться как с сохранением того же культурного кода, так и с его изменением. Так, эвфемизм-аллюзия *на вторую букву 'о женщине лёгкого поведения'* не отражает смены культурного кода, поскольку указывает на формальный признак соответствующего дисфемизма. Эвфемизм-аллюзия *дело молодое 'о половых отношениях'* связан с изменением акционального кода дисфемизма на временной (возрастной).

Угостил винцом, сам с нею выпил. **Дело молодое**, содвинулись. Утром разошлись, адреса-то у него не спросила, в затмении была. [И. Грекова «Перелом» (1987)] (НКРЯ).

В роли эвфемизмов-аллюзий могут употребляться указательные и определительные местоимения, местоименные наречия, например, *он, сам 'о хозяине', того 'о сумасшедшем'* и др. Эвфемистическая функция в этом случае формируется на основе индексальности семантики местоимения.

Эвфемизмы-аллюзии могут выполнять функцию ухода от прямой неприличной номинации: *на букву ж*.

Итак, культурной интенцией собственно эвфемизмов является выражение вежливости, соблюдение норм приличия, которые по сути являются выражением культурных норм, нежелание отрицательно воздействовать на человека.

2.3 Лингвокультурный потенциал эвфемизмов-оберегов

Особую разновидность эвфемизмов составляют единицы, выступающие в функции оберега, то есть культурного знака, наделённого функцией защиты. Данный аспект эвфемизмов в той или иной степени освещался в трудах Дж. Фрейзера, А. Мейе, Д.К. Зеленина, Л.А. Булаховского, А.А. Реформатского, О.М. Трубачёва и др. В нашей картотеке насчитывается около ста подобных единиц. О.Д. Пастухова так объясняет появление эвфемизмов этого вида: «Из-за веры древних племен в то, что в словах есть сила, они старались избегать наименований хищников, врагов или злых сил. Они не использовали сами запретные слова, а употребляли заменяющие их. Эти слова считались безопасными. Как и современные эвфемизмы, они давали возможность племенам почувствовать себя более уверенными в своей безопасности. Так, используя слова-замены в речи, люди осознали свою способность создавать слова и употреблять их. Чем лучше это у людей получалось, тем больше они старались избегать прямых наименований, которые могли стать причиной опасности, страха или оскорбления. Здесь и начали появляться эвфемизмы – ключевые индикаторы возрастающей сложности речи. Сказать то, что мы хотим сказать, – это высший уровень мастерства, т.к. нам нужно передать смысл и при этом использовать нужную лексику» [Пастухова 2017, 142].

Оберег является инструментом материальной культуры, поскольку представляет объект, защищающий человека от чего-либо плохого,

нежелательного. В.Н. Телия замечает: «Естественный язык, когда он выполняет по отношению к культуре орудийную функцию, обретает роль языка культуры: двусторонние единицы естественного языка становятся «телами» культурных знаков. [Телия 1996, 226-227]. Из этой мысли следует, что лексическая единица может выступать в роли знака культуры. Г.В. Токарев выделяет особую группу лингвокультурных единиц, то есть вербальных знаков, которые выполняют культурные функции: «Языковые единицы наделяются особой ценностью, номинативная функция трансформируется в когнитивно-коммулирующую, поскольку данные знаки соотносятся с культурно значимым миром идей, а не предметов». [Токарев 2020, 65-66]. В нашем случае эвфемизм также выступает в культурной функции – в роли апотропейного знака. Г.В. Токарев отмечает: «Языковой оберег лингвокультурная единица, которая выполняет защитную функцию» [Токарев 2020, 66]. Сходные мысли находим в исследованиях других лингвистов.

Важно наблюдение Д.К. Зеленина над причинами появления эвфемизмов-оберегов: «...именно женщины начали применять табу для разных категорий духов – к духам болезней, мёртвых, к духам животных, в частности волка и змеи, которые были особенно опасны для скотоводов» [Зеленин 1929-1930, с. 3]. Отсюда следует вывод, что эвфемизмы-обереги, так же, как и собственно эвфемизмы, являются признаком женской речи.

Е.Е. Левкиевская пишет о разной семиотической природе оберега, отдельно выделяя вербальные апотропеи: «Слово, заговор, обряд, действие, жест, предмет, музыка – вот далеко не полный перечень текстов, которые могут выступать в качестве апотропеев» [Левкиевская 2004, 7]. Считаем приведённые точки зрения справедливыми, поскольку вербальный знак нередко выступает в коммуникативно-прагматических ситуациях в качестве оберега.

М.Л. Ковшова отмечает: «На ранних стадиях развития культуры человек отождествлял вещь и слово, испытывал веру в магию вещи и слова, осознавал природную связь между ними. Запрет на прямое называние определённых предметов и явлений ... требовал лексической замены...» [Ковшова 2007, 60]. Тонкое замечание М.Л. Ковшовой выражает семиотический подход к квалификации единиц, позволяющий рассматривать в одном аспекте единицы с разной знаковой природой.

Л.Ю. Моргоева среди вербальных оберегов выделяет воспроизводимые единицы: «В системе устойчивых выражений особое место занимает класс формул, выполняющих оградительную функцию. Основной целью произнесения таких формул является ограждение говорящего (т.е. самого себя или себя вместе с близкими) от напастей, бед и невзгод, и вообще того негатива, который может исходить от информанта или самой информации на ментальном и подсознательном уровне. Прагматика рассматриваемых формул резко отличается от остальных типов устойчивых выражений. Главной отличительной их чертой является целеустановочная мотивация, продиктованная подсознательной потребностью обеспечить защиту от внешнего ментального воздействия. В известной степени формулы-обереги можно отнести к перформативам и иллокутивам» [Моргоева 2014, 1127]. В данном определении важно рассмотрение оберегов в прагматической плоскости, отдельно оформленная номинация отождествляется с речевым действием, поведенческим актом. Произнося эвфемизм-оберег, говорящий защищает себя от воздействия чего-либо нехорошего.

В.И. Дынин называет следующие функции оберега:

«1) профилактические (предохранительные) мероприятия против вероятной (потенциальной) угрозы, осуществляющиеся задолго до ее актуализации;

2) профилактические (предохранительные) мероприятия, упреждающие актуальную угрозу, исполняющиеся в самый момент ее возникновения;

3) нейтрализующие (уничтожающие) вредоносное влияние мероприятия, которые совершаются в условиях уже реализовавшейся угрозы и направлены на то, чтобы прекратить губительное воздействие, не дать ему довершиться окончательно; меры такого рода «предохраняют» уже не от самой угрозы как таковой, а скорее от ее неминуемых последствий» [Дынин 2013, 92].

Эвфемизмы-обереги с точки зрения актуальности можно представить в виде двух групп: устаревшие и актуальные единицы. Мысль о дифференциации эвфемизмов по хронологическому признаку находим у Б.А. Ларина [Ларин, 1977]. Устаревшие эвфемизмы-обереги имеют мишени, которые современной лингвокультурной общностью не осознаются как опасные (например, названия тотемных животных). Актуальные эвфемизмы-обереги, хотя и не всегда осознанно, но используются представителями современной русской лингвокультурной общности для защиты от чего-либо плохого (например, смерть, болезнь).

Использование эвфемизма-оберега основано на переводе репрезентации мишени в другой код культуры. Ср.: *волк / серый* и др. Характерно, что эвфемизмы-обереги направлены не столько на смягчение нежелательной номинации, сколько на её замену. Нежелательная номинация наделяется негативными магическими свойствами, ввиду чего лингвокультурная общность вводит запрет на её употребление. На эвфемизм накладывается защитная культурная функция. М.Л. Ковшова указывает: «Эвфемизмы-табу приносили спасение; их изобретение свидетельствует о действенном сопротивлении опасностям и осознании мира в процессе такого сопротивления, об активном овладении миром путём образного, творческого, художественного его переназывания, создания параллельных

наименований. В эвфемизме-табу, не этикетном, а ритуальном речевом акте заклинания, сплелись, с одной стороны, обиходная потребность человека обезопасить себя от неурядиц повседневности, от всевозможных зол гибельного мира – и с другой, поэтическое творчество народа; быт, магия и поэзия соединялись в древнем эвфемизме-табу» [Ковшова 2006, 66].

Самым простым и универсальным способом ухода от непосредственной номинации нежелательного явления становится употребление личного местоимения в указательном значении. В русской лингвокультуре данный способ используется довольно широко. Апотропеические значения данного местоимения в целом охватывают всю палитру нежелательных мишеней.

Итак, личные местоимения третьего лица единственного и множественного числа с дейктической семантикой: *он, она, оно, они* – могут указывать на:

- 1) Бога;
- 2) чёрта,
- 3) медведя, зверя вообще,
- 4) мертвеца,
- 5) врага,
- 6) смерть,
- 7) чудовище.

Основным прагматическим объяснением употребления эвфемизма-оберега является желание говорящего не прогнозировать встречу с нежелательным объектом, что основано на вере в магическую силу слова. О.Г. Твердохлеб отмечает: «Прямо называть на охоте животных, птиц, пресмыкающихся боялись из опасения неудачи» [Твердохлеб 2016, 64]. В этимологическом изучении индоевропейских названий животных и птиц исследователь показал, что слова *волк, лиса, олень, бык, сорока, овца, мышь* и др. являются номинациями,

заменяющими прямые названия данных существ, каждое из которых имело опасное влияние на человека: связь с потусторонним миром, злыми силами. Наша работа посвящена анализу более позднего этапа развития русского языка, поэтому данный аспект в ней не рассматривается.

Указанные мишени могут быть объективированы и другими номинациями.

А.М. Кацев отмечает: «Ход мысли первобытного человека прост: тотем не хочет быть названным. Если его назовешь, навлечешь на себя беду, ибо слово обладает магической силой. Животное нападет на тебя или причинит какое-то иное зло. Поскольку тотемы исчислялись десятками, а то и сотнями, то, естественно, список наименований животных, подлежащих запрету, чрезвычайно велик» [Кацев 1988, 12]. В русской народной культуре к таким животным относятся медведь и волк.

Одной из устаревших мишеней-эвфемизмов является медведь. «Медведя часто опасаются упоминать вслух...» [Славянские, т. 3, 215]. В народных поверьях «медведь близко знается с нечистой силой, что лешему он родной брат. Иногда самого медведя называют лешим или лесным чёртом. Некоторые лесные духи имеют облик медведя» [Славянские, т. 3, 212]. Медведь был самым страшным для человека обитателем леса. Встреча с ним была весьма нежелательна для человека. Формирование эвфемизмов-оберегов основано на использовании следующих номинативных стратегий.

Описание внешнего вида: *грязной*.

Употребление гиперонимической номинации: *зверь*.

Акцентирование внимания на акциональных признаках: *ломака*, *Топтыгин*, *лесник*.

Применение процедуры антропонимии: Михаил Иванович, Мишутка, Потапыч, дядя Миша.

Прономинализация (замена на местоимение): *сам, он*.

Ещё одной нежелательной мишенью является *волк*. «Запреты упоминать волка относятся чаще всего к вечеру или к ночи... Считается, что упоминание волка накликает его...» [Славянские, 1995, т. 1, 415]. Волк «...посредник между этим и тем светом, между людьми и Богом, между людьми и нечистой силой...» [Славянские, 1995, т.1, 411]. Формирование эвфемизмов было связано с восприятием волка как атрибута чужого мира. «Определяющим в символике волка является признак «чужой». Поэтому волк может соотноситься с «чужими», приходящими извне: с женихом, с мертвым, предком, ходячим покойником-вампиром... Волк нередко воспринимается как нехристь». [Славянские, т. 1, 411]. Эвфемизмы-обереги заменяют основную номинацию на лексемы, образные основания которых указывают на отношение к чёрту (*лысак*: данная номинации основана на аллюзии к чёрту, который представлялся лысым. Существовало поверье, что чёрт создал волка. Интересно, что номинация *волк* могла выступать в роли синонима для лексемы *чёрт*), на цвет (*серый*), на особенности восприятия животного, его характер (*лютый*), употребления немотивированного эвфемизма-оберега *бирюк* или гиперонимической номинации: *зверь*.

Этот бирюк был исполином. Серебряная шкура, мощный загривок, могучая ожесточенность морды. [А. Иличевский «Ай-Петри» // «Октябрь», 2006] (НКРЯ)

Могло навлечь беду прямое упоминание смерти, а также всё, что было непосредственно с ней связано, поэтому использовались эвфемизмы.

Лексема *смерть* заменялась эвфемизмом-оберегом *безнося* с визуальным антропоморфным образным основанием. Апотропеи нежелательной мишени *покойник* – *гость, новопреставленный, умереть* – *отгостить, преставиться* – основаны на использовании

акционального кода культуры, *гроб – деревянный тулуп, деревянная шуба, домовина – фетишного.*

*Когда же пришло время её благостной кончины, умолили бога сей князь и княгиня **преставиться** им в един день.* [И. А. Бунин «Чистый понедельник»] (НКРЯ).

*Покойнику же отдать последнюю честь, и пристроите его к месту, то есть отвести ему земли косую сажень, выкопать землянку, снять с него мерку, да сшить на него **деревянный тулуп**, и дать знак отличия, крест во весь рост.* [В. И. Даль. Сказка о Шемякином суде и о воеводстве, и о прочем] (НКРЯ)

Несчастье, смерть представлены эвфемизмами-оберегами в ритуальных фольклорных текстах.

Наиболее продуктивным способом формирования эвфемизма-оберега является перенос, основанный на сходстве. Узуальными метафорами смерти являются сон, переход в чужое пространство.

Крепко спишь-то ты теперь да не прохватишься
(«Обрядовая поэзия», № 750)

Ты моя да государынька!
Ты куда да сподобляешься?
Ты куда снаряжаешься? («Обрядовая поэзия» № 609)

Отлетел ты, маленькая пташечка,
Ты от батюшки, от матушки,
Ты на чужу-дальню сторонушку,
Ты на веки-то вековечные. («Обрядовая поэзия» № 752)

На полёте лебедь белая,
Ой, куда летишь, косатушка? («Обрядовая поэзия» № 753)

Презентация нежелательных ситуаций объективируется номинациями аллегорического характера. Например, появление ворона, коршуна во дворе, бегущего зайца.

Залетела ворона в чужие ворота. («Обрядовая поэзия» №149)

Летел коршун с чужой стороны. («Обрядовая поэзия» № 150)

Бежит заяц по рощице. («Обрядовая поэзия» № 152)

Культурным фоном приведённых примеров являются приметы, зафиксированные в словаре В.И. Даля: Заяц дорогу перебежит, к несчастью. Ворон каркает на церкви, к покойнику на селе; каркает на избе, к покойнику во дворе. Через который двор ворона перелетела, каркая, там будет покойник.

Эвфемизмы-обереги могут быть основаны на приметах, которые сулят приближение смерти:

Покатился венок с кута в порог. («Обрядовая поэзия» № 161)

В представлениях русской лингвокультурной общности порог был границей между своим и чужим пространством, сакральным местом, которое обладало негативной энергией: считалось плохим предзнаменованием передавать что-либо через порог, стоять у порога и т.д.

Мышь пищит, каравай тащит. («Обрядовая поэзия» № 165)

Объективируют коннотации приметы, записанные В.И. Далем: Если мышь попадёт за пазуху, то быть большой беде. Мыши изгрызут одежду, к смерти.

Потусторонний мир и его основной представитель – чёрт – также производили устрашающее впечатление на представителей лингвокультурной общности. «В суеверных рассказах это злокозненный дух..., который преследует человека, вредит ему, пугает, сбивает с пути,

вступает в сделку с колдунами и ведьмами...» [Славянские, т. 5, 1995, 519].

Прямое упоминанием чёрта могло, по мнению говорящих, привлечь его внимание, поэтому в качестве эвфемизмов-оберегов использовались номинации с следующими ономаσιологическими признаками:

- эмоциональной оценки: *окаянный, поганный*;
- зооморфным: *нѣс*;
- пространственным: *друга половина, овинник, овинный*;
- антропоморфным: *дядя, дед*;
- основанным на оппозиции свой / чужой: *другие, враг, вражий дух, вражья сила, не наша сила, не наш, не свой дух, неверная сила, неверный*;
- акциональным: *пастух, проклятый, лихорад, упасибог*;
- внешнего вида и его оценки: *нечистая сила, лысый, беспятник, некошной, неумытик*.

К эвфемизмам-оберегам чёрта относятся имена собственные, перешедшие в разряд нарицательных: *сысой, гнатко беспятый, ничипор, демешка, епишка* и др. В.П. Москвин, наряду с другими учёными, называет этот способ образования единиц прономинацией [Москвин, 2017, 171].

Как видно из содержания ономаσιологических признаков, формирование эвфемизмов-оберегов было основано на представлениях о внешности (лысый, с копытом вместо ступни, грязный), месте его обитания, а главное – на осознании чуждости чёрта.

Как было сказано выше, некоторые речевые жанры имеют апотропеическую функцию, в частности это касается заговоров. В них как конструкт, как ключевой знак может быть использован эвфемизм-оберег. Приведём ряд примеров. Так, в заговорах на остановку

кровотечения используются эвфемизмы *руда, иголка* и др.: *Стань, руда, не кань*. («Русские заговоры», № 46). *...держит булатную иголку, шёлковую нитку, шьёт она, пошивает...* («Русские заговоры», № 58). *Игла, иголка, стальное твоё тело, знай своё дело, полезай в моё тело*. («Русские заговоры», № 73). Как видно из примеров, эвфемизм строится на основе переноса по сходству. Ожог, например, замещается по сходству огненной рекой, искрами, пламенем, калёной сковородой: *Идёт красная девка с мокрым веником, тушить, гасить огненную реку, огненные искры, огненное пламя*. («Русские заговоры», № 77), *...на синем камню сидит баба Рюха на калёной сковороде...* («Русские заговоры», № 75), грыжа – мясом *...Попрошу я, раб такой-то, здоровья, об такой-то болезни, об наличном мясе...* (о грыже) («Русские заговоры», № 104), чирый – огнём: *Огонь, огонь, возьми свой огник...* («Русские заговоры», № 124), ячмень на глазу – сучком: *Солнце на запад, день на восход, сучок на глазу на извод...* («Русские заговоры», № 128), лихорадка – тряской: *Осина, осина, возьми мою трясину...* («Русские заговоры» №137) и др. Н.А. Красовская отмечает: «...в говорах тенденция к именованию болезней и их симптомов иносказательно довольно последовательна, так, ряд заболеваний не просто именуется метафорически через сходство в каком-то внешнем проявлении, а через связь с иными началами, в которых проявляется либо что-то божественное, положительное...» [Красовская 2016, 111]. Исследователь приводит эвфемистические наименования болезней: *благой час, благая минута, благое время, божье время* и др.

Апотропейный знак становится востребован в некоторых коммуникативных ситуациях. Например, русские воспринимают в качестве нежелательных вопросы о жизни, здоровье. Собеседник уходит от прямого ответа, считая, что констатация реального положения дел может ухудшить ситуацию. В качестве ответных реплик используются

эвфемизмы-обереги. Их внутренние формы характеризуются разнообразием.

Они могут отражать обращение к Богу: Бога гневить нечего. Бог милует. Слава Богу. Бог милует. Бог грехам терпит. Тем самым человек снимает с себя ответственность за происходящее. Вашими молитвами. Слава Богу.

Ответные эвфемизмы-обереги могут указывать на темпоральные и локальные признаки: Временами. Местами. Бывало и лучше.

Они могут называть способ действия: По-разному. Так себе. Лучше всех (да только никто не завидует). Лучше некуда. Надо бы лучше, да некуда. Лучше не бывает. Лучше не придумаешь. Ничего себе. По-всякому. Помаленьку. По-разному. Потихоньку. С переменным успехом. Терпимо.

Они могут указывать на прототипические ситуации: Дела идут, контора пишет. Как в Польше: тот пан, у кого денег больше. Дела у прокурора, а у нас делишки. Дела все в папках. Мыль верёвку. Ничего идут дела, голова пока цела. Пока не родила. Живём да хлеб жуём. Живём – покашливаем, ходим – похрамываем. Живём в лесу, молимся колесу. От зарплаты до зарплаты.

Они могут указывать на свойства предметов, например, их неоднородность, противоречивость: *В полоску. Как сажка, бела. Кручусь, как юла. Как пирог: слоями.* (Примеры взяты из словаря «Ответных реплик в русской диалогической речи» В.Т. Бондаренко).

Важно отметить, что номинации, выступающие в эвфемистической функции, обозначают реалии, подсказанные национально-культурным опытом. Они выступают в роли эталонов хорошего, удовлетворительного или плохого положения дел. Так, эталоном меняющейся ситуации становится матрас, слоёный пирог, плохого положения дел – сажка, человека, который имеет много забот – белка, юла.

Особую разновидность эвфемизмов-оберегов представляют собой единицы, построенные на основе аллюзии, то есть на намёке на что-либо, осмысливаемое лингвокультурной общностью как опасное. Аллюзия представляет собой некую загадку, ответ на которую знают посвящённые, свои. М.Л. Ковшова отмечает: «Декодировать имплицитный смысл, или, в другой терминологии, информацию эвфемизма способен каждый кооперативный, т.е. включённый или включающийся в происходящее собеседник...» [Ковшова 2012, 365]. В этом заключается культурная специфика эвфемизмов данного вида. Некое сообщество знает, что для обозначения какого-либо явления используется не прямое его наименование, это же сообщество может адекватно декодировать его. Употребление эвфемизма-аллюзии осуществляется с опорой на национально-культурную когнитивную базу, под которой мы, вслед за Д. Гудковым и М. Ковшовой, понимаем «совокупность знаний и представлений, которыми обладают все или подавляющее большинство социализированных представителей этого сообщества» [Гудков, Ковшова 2007, 27]. Именно эта база позволяет членам лингвокультурной общности адекватно прочитывать намёки. Эвфемизмы-аллюзии могут быть основаны на свойстве индексальности знака, заключающемся в опоре на импликациональные связи: если → то, на смежность (например, на описании какого-либо ритуального действия) либо на свойстве эквивалентности семантических или формальных признаков разных знаков (*ВМ – высшая мера*). Так, смерть объективируется с опорой на описательные, индексальные, то есть основанные на смежности, номинации: копанье могилы, погребение.

Идут мужики горбатые.

Гребут землю лопатами. («Обрядовая поэзия» № 154)

Везут бревно на семи лошадях («Обрядовая поэзия» № 156)

Образные основания эвфемизмов-аллюзий могут освещать одну из сторон явления. Например, *обагрить руки* – совершая убийство другого человека, запачкать руки кровью, *на солёненькое потянуло* – во время беременности тянет в том числе и на солёную еду, *бряцать оружием* – человек, желающий доминировать, в том числе бряцает оружием. *Убей его прежде, чем он успеет обагрить руки твоей кровью.* [Д. Рубина «Русская канарейка. Блудный сын»] (НКРЯ) *Становится понятным, что, хотя США обладают сильнейшей военной мощью, но бряцать оружием по любому поводу больше не станут.* [А. Яценюк «Украина оказалась среди тех, кого делят» // «Однако», 2009] (НКРЯ)

Эвфемизмы-аллюзии предусматривают следующие этапы работы языкового сознания: 1) знание знака, обозначающего мишень, 2) понимание, что некая номинация выступает в качестве эвфемизма-аллюзии. Так, использование номинации *Галина Борисовна* в эвфемистическом значении ‘государственная безопасность’ предполагает знание номинации *КГБ*, а также понимание, что в некоем контексте номинация *Галина Борисовна* обозначает не лицо женского пола, а государственную структуру. Г.В. Токарев отмечает: «Аббревиатурный знак является по природе иконическим, поскольку он находится в смежных отношениях с составной номинацией» [Токарев 2019, 395]. Данное наблюдение вполне приложимо для описания эвфемизмов-аллюзий аббревиатурного типа.

Эвфемизм-аллюзия предполагает достраивание положения дел. Так, ответ на вопрос: *Как дела? Как здоровье?* – *Не дождётся.* Допускает экспликацию следующих пропозиций: Некто хочет мне плохого. Некто хочет, чтобы со мной произошло нечто плохое: чтобы я откуда-то ушёл, чтобы я заболел, умер.

Ответ на вопрос: *Как дела? – Жизнь как у седьмой жены в гареме.*
Предполагает следующее достраивание положения дел: В гареме много жён. Седьмая жена получает мало внимания от мужа.

Эвфемизмы-аллюзии, выступающие в роли оберегов, могут формироваться следующими способами:

- 1) на основе использования купюр (*на букву х, но не подумай, что хорошо* и др.);
- 2) на основе формального соответствия (*Вера Михайловна – ‘высшая мера’* и др.);
- 3) на основе употребления номинаций местоименного характера (*сам ‘о ком-либо, внушающем страх’* и др.);
- 4) на основе использования перифраза, описания чего-либо.

Так, эвфемизмы-обереги могут быть построены на основе описания атрибутов погребального обряда: убранство похоронного поезда чёрной материей:

За гумном стоят коники все запряжённые,
Чёрным сукном позастланные. («Обрядовая поэзия» №157)
Подготовка воды и полотенцев для омоновения рук после
похорон:

По погосту хожу,
Полотенце стелю. («Обрядовая поэзия» №158).
Висит рушничок на воротах. («Обрядовая поэзия» № 159).

Эвфемизмы-аллюзии, кроме обереговой интенции, выступают в роли пароля для посвящённых: *Софья Васильевна ‘советская власть’, соответствующие инстанции ‘органы власти’* и др.

Таким образом, лингвокультурная специфика эвфемизмов-оберегов обусловлена следующими факторами. Первый: выбор мишени. Для русской лингвокультурной общности к таким мишеням относятся тотемическое животное, злые силы, представляющие иной мир, смерть. Второй: отбор номинаций для выполнения эвфемистической функции,

который обусловлен культурно маркированными фоновыми знаниями, представлениями, типичными практиками. Коммуникативно-прагматической платформой употребления эвфемизмов-оберегов становится вера в магическую силу слова, в то, что использование запретного слова может привести к негативным последствиям (в частности, обусловить появление чего-то опасного, нежелательного). Очевидно, что выявленные культурные факторы являются универсальными, основанными на общечеловеческих архетипах: своё / чужое, можно / нельзя, жизнь / смерть. При этом факт появления эвфемизма-оберега (вместо, например, молчания), выбор его внутренней формы детерминирован национально-культурными факторами. Группу эвфемизмов-оберегов можно охарактеризовать как непродуктивную, что связано с ослаблением веры в магическую силу слова. В.П. Москвин называет процессы редуцирования эвфемизации процессом износа, амелиорации, деградации, девальвации. [Москвин 2017, 244]. Особым видом эвфемизмов-оберегов являются эвфемизмы-аллюзии, выражающие намёк на что-либо. Эвфемизмы-аллюзии характеризуются разнообразием способов формирования. Кроме обереговой интенции данные единицы используются как лингвокультурный пароль, дифференцируя своих и чужих.

2.4 Лингвокультурный потенциал юмористических эвфемизмов

Особый вид рассматриваемых единиц составляют юмористические эвфемизмы. В нашей картотеке около трёхсот эвфемизмов данного вида. В.П. Москвин называет эту группу эвфемизмов ироническими [Москвин, 2017]. Главная цель их употребления заключается не в смягчении «неудобного» значения, а в желании говорящего пошутить. М. Суй и Д.А. Осильбекова отмечают: «...В юмористическом дискурсе эвфемизмы утрачивают свою основную функцию – придать

положительную оценочную направленность номинируемому ими явлению. Здесь, напротив, с помощью эвфемизма явление ещё более выделяется, сильнее высмеивается, привлекает к себе внимание адресата речи. Усилие, приложенное адресатом для того, чтобы раскодировать заложенный в эвфемизме скрытый смысл, делает этот смысл ещё более ценным в восприятии читателя или слушателя юмористического текста, а значит, усиливает воздействующую силу шутки. С помощью эвфемизмов табуированный элемент не утрачивается в высказывании, а приобретает законное, допустимое, этически и этикетно разрешённое звучание». [Сюй, Осильбекова 2017, 79]. А.Г. Козинцев отмечает: «Суть юмора – в одной единственной оппозиции: серьезность / несерьезность». [Козинцев 2008, 59]. В.Т. Бондаренко в ходе анализа разных теорий смеха приходит к выводу: «Общим моментом во многих теориях является признание того факта, что в основе языкового изображения комического лежит сочетание несходного, контраст двух планов (противоположность, противоречие, отклонение от нормы). С позиции теории фреймов образование языковой шутки как словесной формы комического объясняется действием механизма, основанного на неожиданной смене фреймов... В результате произвольного объединения в рамках одного текста разного материала происходит «короткое замыкание», приводящее сначала к недоумению вследствие непонимания, а затем – к внезапному распознаванию нового (шуточного) содержания» [Бондаренко, 2021]. Для данной коммуникативной ситуации характерен игровой элемент, поэтому юмористические эвфемизмы особенно распространены в сфере молодёжного жаргона. Мишени собственно эвфемизмов, имеющих широкое распространение, в большинстве своём тождественны мишеням юмористических эвфемизмов. Большинство юмористических эвфемизмов являются жаргонизмами. В.А. Козырев и В.Д. Черняк отмечают: «Многие исследователи жаргонной лексики подчёркивают

творческий характер жаргона и рассматривают его как важный источник обновления экспрессивных средств языка» [Козырев, Черняк 2009, 52]. Л.В. Порохницкая пишет: «одна из причин использования сленга – это желание смягчить трагичное, облегчить неотвратимость смерти или замаскировать человеческую низость» [Порохницкая 2013, 100]. В.П. Москвин указывает: «...стимул для иронической эвфемии – использование эвфемизмов в социально симметричной ситуации...» [Москвин 2017, 161]. Совпадение мишеней собственно эвфемизмов и юмористических эвфемизмов свидетельствует о том, что поведенческие модели и ценности общенародной культуры и молодёжной субкультуры в целом совпадают: одни и те же сущности осознаются как неприличные. Большинство юмористических эвфемизмов затрагивает сферу половых отношений людей и человеческого низа: *биржа* ‘зад’, *ванька-встанька* ‘мужской половой орган’, *дождевик* ‘презерватив’ и др. Большое количество юмористических эвфемизмов связано с номинацией мужского полового органа и названием мужчин с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Мы предполагаем, что это определено доминированием женского гендерного языкового сознания. Человек, выполняющий женскую роль, стремится завуалировать что-то неприличное, в том числе сделать это в юмористическом ключе. Дж. Коатс приходит к выводу: «...женщины более вежливы, чем мужчины...» [Коатс 2005, 163]. Языковая личность отказывается от употребления собственно эвфемизма. Перед ней стоит задача реализации комической интенции. В некоторых случаях это приводит не столько к замене на приличное наименование, а на интенсификацию значения путём эмоциональной смеховой аранжировки. Так, при употреблении юмористического эвфемизма *ватерлоо* ‘общественный туалет’ в сознании актуализируется фрейм битвы при Ватерлоо с участием большого количества людей, что влияет на интенсификацию значения. Юмористические эвфемизмы формируются на основе

трансформации кода мишени. Так, неудобная номинация *взятка* заменяется на комическое в данной ситуации слово *вазелин*. При этом происходит трансфер акционального кода в предметный.

В целях создания комического эффекта осуществляется не нейтрализация неприличной номинации, а представление смысла в неожиданном, новом, неподходящем номинативном формате. Например, обозначение женской груди юмористическим эвфемизмом *витрина* предполагает прочтение «то, на что смотрят», «то, что показывают».

Юмористические номинации всегда имеют живую внутреннюю форму: *влага* ‘спиртное’, *вломинадзе* ‘драка’, *возыметь* ‘избить’, *галифе* ‘широкие женские бёдра’. Образное основание единицы отражает новое, неожиданное, противоречащее общепринятому восприятие явления. Например, номинация *полицейская резиновая дубинка* заменена юмористическим эвфемизмом *воспитатель, посудомойщик – диск-жокей*.

Используя юмористический эвфемизм, адресант рассчитывает на языковую догадку адресата. В этом отношении нужно отметить особый креативный потенциал юмористического эвфемизма. Юмористический эвфемизм может остаться непрочтённым. В этом случае прагматический расчёт останется нереализованным. Например, адресат может не понять эвфемистического значения фразы *кушать мороженое* ‘совершать половой акт’. Для успешного декодирования требуется не только контекст, но и языковая догадка, совпадение коммуникативных кодов адресанта и адресата.

Юмористические эвфемизмы характеризуются иными интенциями, нежели собственно эвфемизмы. К основным можно отнести следующие:

1) стремление доминировать, контролировать коммуникативно-прагматическую ситуацию. Тот, кто шутит,

контролирует ситуацию. Реакция на шутку является демонстрацией подчинения;

2) выражение коммуникативной агрессии. Данная интенция тесно связана с первой. Употреблением юмористического эвфемизма возможно выразить насмешку, неодобрение;

3) стремление снять психологическое напряжение. В этом случае юмористический эвфемизм выступает своего рода оберегом.

К основным способам образования юмористических эвфемизмов можно отнести следующие.

1. Метафоризация. Эвфемистические номинации появляются на основе сходства признаков различных явлений: *забемолеть* ‘забеременеть’, *каравай* ‘зад человека’, *карандаш* ‘мужской половой орган’ и др.

2. Символизация. Условное соединение лексемы с нежелательным значением. При этом семантическая связь между значением вспомогательного слова и нежелательной семемой отсутствует, устанавливается условно. Например: *запротоколировать* ‘избить’, *ильич*, *Рахметов*, *артикуль* ‘мужской половой орган’, *Самарканд* ‘коллективная пьянка’, *хохлома* ‘чушь’ и др.

3. Каламбур: *ротердам* ‘оральный секс’, *антисемит* ‘презерватив’ (слово образовано на основе игры слов *анти* + *семья*) и др.

4. Формирование эвфемической номинации на основе на основе противоположного значения или ассоциации, антифразиса: *золото* ‘экскременты’, *аромат* ‘вонь’ и др.

5. Трансформация узуального устойчивого сочетания слова: *дышать на ладан* / *дышать на автоген*.

6. Оказиональное словообразование: *бесчерёмуха* ‘совокупление без романтики’, *антифейс* ‘зад человека’ и др.

7. Звуковые ассоциации: *фридрих-хераус*, *вызывать Ватсона* ‘рваться’ и др.

В основе каждого из названных способов лежит один и тот же механизм: «Категория комического – явление амбивалентное, в основе которого лежат два онтологических начала: противоречие и игра (игра слов, игра воображения и т.д.). [Ширяева 2015, 178].

Юмористический эвфемизм связан с актуализацией в сознании языковой личности культурно маркированных представлений. Так, образное основание эвфемизма *гегемонить* ‘работать простым рабочим’ апеллирует к теории революционного движения, в котором главную движущую роль отводили пролетариату, эвфемизма *спиионерить*, *скоммуниздить* ‘украсть’ – с идеологемой, отрицающей частную собственность, *джентльмен* ‘импотент’ – с представлением о поведении воспитанного мужчины, который обходителен с женщинами.

Запихнул я его в шкаф, в том же шкафу костюмчик понаряднее нашел, рубашечку, галстук, который завязывать не надо, штиблеты по ноге, макинтош, шляпу на глаза надвинул, сигару в зубы – я видел, начальник так ходил, – бумажник не забыл спиионерить: и в коридор. [А. Лазарчук, М. Успенский «Посмотри в глаза чудовищ» (1996)] (НКРЯ)

Юмористические эвфемизмы отражают особенности национального менталитета: оптимизм русского народа. Д.М. Гайнуллина указывает: «...в лингвистике изучение смеха и смеховых номинаций помогает лучше понять особенности национально-обусловленного менталитета различных народностей и культур...». [Гайнуллина 2013, 37]. Юмор выступает в роли защиты от негативного воздействия. Для примера приведём иронические ответы на нежелательные вопросы. *Где? В бане не гвозде, в гнезде, в Караганде где был, там уже меня нет, далеко, отсюда не видать, у тебя на бороде. Как дела? Как в танке. Где работаешь? Работаю по монтажу: где посижу, где полежу. Долго? От забора до обеда. Как здоровье? Вскрытие покажет. Остываем понемножку.*

Юмористические эвфемизмы отражают различные виды смеха: от доброго, лёгкого до хулиганского, чёрного, пошлого. Ср.: *благовестить* 'сплетничать', *вакантное место* 'туалет', *широкий пробор* 'лысина', *шоколадница* 'анальное отверстие' и др.

Юмористические эвфемизмы в большей степени, чем другие разряды эвфемизмов, случайны, непредсказуемы, ситуативны и ввиду этого недолговечны. Д.М. Гайнуллина указывает на три функции смеха: социализирующую, санкционирующую, компенсаторную [Гайнуллина 2013, 37]. Социализирующая функция заключается в процессах интеграции человеческих сообществ. Её можно объяснить так: смеются вместе свои. Ю.В. Игошева так описывает реализацию этой функции: «Декодируя полученную информацию, человек принимает сигнал (декодировка: «я понял, что ты видишь смешное, готов оценить его и принять или не принять твоё сообщение, то есть засмеяться тоже, в случае, если объект смеха действительно заслуживает смеховой реакции, или не засмеяться»)). [Игошева 2015, 127].

Санкционирующая функция проявляется в оценке действий человека средствами смеха. Компенсаторная функция заключается в том, что смех является способом снятия эмоционального напряжения. Мы полагаем, что употребление юмористических эвфемизмов связано с реализацией социализирующей и компенсаторной функций. Очевидно, что декодировать шутку может человек, включённый в одно семиотическое пространство. Юмористические эвфемизмы употребляются в целях создания смеховой ситуации, и уже вторично в качестве смягчающих номинаций.

В филологии принято классифицировать смех на злой и добрый. Эта же тенденция прослеживается в сфере юмористических эвфемизмов. Злые эвфемизмы связаны с реализацией высмеивания, злой иронии или сарказма: *братская помощь* 'о военных действиях', *гостинец* 'о наказании', *нарядный* 'пьяный'. *Насколько я помню, «братская*

помощь» танками, оказанная СССР Чехословакии, застала Освальда на стажировке в Ленинграде. [Б. Кушнер «Учитель» // «Вестник США», 2003.10.01] (НКРЯ) Добрые эвфемизмы имеют целью развеселить собеседника: вакантное место 'туалет', благовестить 'сплетничать', пугать снегурочку 'рваться' и др.

Таким образом, лингвокультурная специфика юмористических эвфемизмов заключается прежде всего в тождестве коммуникативных кодов адресанта и адресата, позволяющее адекватно прочитывать семантику эвфемизма и прагматические задачи, которые он призван решить. Юмористические эвфемизмы характеризуются разнообразными способами образования. Отличительной чертой их семантики является живая внутренняя форма, которая позволяет эвфемизмам этой группы реализовывать разнообразные интенции.

Выводы по второй главе

1. Лингвокультурологический аспект эвфемизмов предполагает описание их семантики в категориях культуры, а именно в контексте репрезентируемых ценностей и норм поведения. Лингвокультурологический аспект описания эвфемизма заключается в изучении мишени эвфемизации с позиции ценностей анализируемой лингвокультуры, определение культурных функций, выполняемых эвфемизмом, интерпретацию внутренней формы эвфемизма, выявление квазистереотипов, с помощью которых осуществляется культурная функция, экспликацию культурных норм и установок, которые детерминируют употребление эвфемизмов (этот параметр исследуется с опорой на значение эвфемизма, путём описания модели или правила поведения человека в обществе в соответствии с культурными установками).

2. Собственно эвфемизмы, то есть слова и выражения, используемые непосредственно в функции смягчения значения,

являются наиболее распространённой группой в поле единиц данного типа. На основе анализа мишеней эвфемизации выявлены ценности представителей русской лингвокультурной общности: следование этическим нормам, опрятность, здоровье, молодость. Преобладание эвфемизмов «человеческого низа» и физиологических аспектов свидетельствует о повышенной стыдливости русского человека. Этот вид эвфемизмов следует рассматривать как проявление вежливости, соблюдение норм приличия, которые по сути являются выражением культурных норм. Группа эвфемизмов с мишенью «Отрицательная оценка» демонстрирует такие признаки русской коммуникации, как прямолинейность и эмоциональность.

3. Эвфемизмы-обереги связаны с культурной интенцией защиты. Они непродуктивны, что связано с ослаблением веры в магическую силу слова. Данный вид оберегов представлен актуальной и неактуальной разновидностями. Устаревшие эвфемизмы-обереги связаны с представлением явлений, которые осознавались людьми как опасные. Актуальные эвфемизмы-обереги используются не всегда осознанно как вербальное средство защиты от чего-то плохого. Формирование эвфемизма-оберега связано с трансфером нежелательной репрезентации мишени в другой код культуры. Эвфемизмы-обереги связаны с заменой нежелательной номинации, наделённой негативными магическими свойствами. Лингвокультурная специфика эвфемизмов-оберегов выражается в выборе мишени и в отборе номинаций для выполнения эвфемистической функции. Данные культурные факторы являются универсальными, основанными на общечеловеческих архетипах: своё / чужое, можно / нельзя, жизнь / смерть. При этом факт появления эвфемизма-оберега (вместо, например, молчания), выбор его внутренней формы детерминирован национально-культурными причинами.

4. Эвфемизмы-аллюзии основаны на намёке на то, что осмысливается лингвокультурной общностью как неприличное. Культурная специфика эвфемизмов-аллюзий заключается в том, что прочесть их значение могут представители одной лингвокультурной общности. Формирование эвфемизмов-аллюзий может осуществляться на основе принципов индексальности или эквивалентности. Эвфемизмы-аллюзии характеризуются структурно-семантической компрессией, высокой степенью идиоматичности. С одной стороны, они обусловлены контекстом, с другой – характеризуются парадигматичностью семантики, поскольку в их функции выступают прецедентные имена. Эвфемизмы-аллюзии могут выступать в качестве средств выражения вежливости и лингвокультурного пароля для своих.

5. Интенциональную специфику юмористических эвфемизмов определяет намерение говорящего пошутить с добрыми или злыми намерениями. Использование юмористических эвфемизмов связано с реализацией языковой игры. Широкий интенциональный спектр (стремление доминировать, выразить агрессию, снять напряжение) юмористических эвфемизмов обусловлен живой внутренней формой данных единиц. Образное основание единицы отражает новое, неожиданное, противоречащее общепринятому восприятие явления. Данный вид эвфемизмов характеризуется теми же мишенями, что и собственно эвфемизмы. Этот факт подчёркивает их иную интенциональную направленность. Большинство юмористических эвфемизмов затрагивает сферу половых отношений людей и человеческого низа. Используя юмористический эвфемизм, адресант рассчитывает на языковую догадку адресата. Юмористические эвфемизмы выполняют санкционирующую и компенсаторную функцию.

ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЭВФЕМИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

3.1 Понятие прагматической категории

Каждая парадигма языкознания использовала различные принципы категоризации языковых единиц. Данный факт объясняется тем, что научный поиск связан с процедурами анализа, синтеза, которые предполагают выделение в том или ином явлении обязательные и второстепенные признаки, обобщение сходных явлений, объединение их в группы, идентификацию того или иного явления определённой совокупностью.

Е.С. Кубрякова под категоризацией предлагает понимать «в узком смысле подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определённую рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории, но в более широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т.п., а также – результат классификационной (таксономической) деятельности» [Кубрякова и др. 1996, 42].

В ходе изучения исследования ментального процесса категоризации были определены два основных подхода к осуществлению сортировки. Первый подход, восходящий к трудам Аристотеля, основан на учёте существенных признаков явлений, которые формируют ту или иную категорию. Этот подход получил определение традиционного, поскольку широко использовался в науке. Категорию при таком подходе образуют однотипные явления, обладающие одинаковым набором существенных признаков, положенных в основу распределения. В результате применения данного

подхода стали появляться многоуровневые классификации, отражающие гиперо-гипонимические отношения между единицами.

Иной подход – категоризация по принципу фамильного сходства–, отражён в трудах Л. Витгенштейна и Э Рош. В основе представлений о категории положено понимание семьи, члены которой обладают по-разному варьируемыми и проявляющими себя признаками. Категория, сформированная по такому принципу, больше напоминает поле, центр которого репрезентирован типичным представителем – прототипом. Периферию поля образуют единицы более общего порядка, формирующие суперординатный уровень, и частного порядка, конструирующие субординатный уровень. Данный принцип категоризации используется в наивном осмыслении мира.

Безусловно, можно наблюдать и переходные случаи, совмещающие принципы выше названных подходов. Результатом процесса сортировки является категория, «одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [Кубрякова 1986, 45].

В языкознании под категорией понимается «...в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства, в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака...» [Лингвистический 1990, 215].

Наибольшую проработку получили грамматические категории, которые представлены классификационными и словоизменительными типами. А.А. Камынина под грамматической категорией предлагает трактовать «...совокупность противопоставленных друг другу морфологических форм с общим грамматическим содержанием» [Камынина 1999, 14]. Л.А. Новиков под грамматической категорией

понимает «...единство (совокупность) определённых грамматических значений и выражающих их форм в отвлечении от конкретных значений языковых единиц... Именно грамматические категории, например, числа и падежа у существительных, вида, времени, наклонения и залога у глагола и т.п., обладающие определённым инвариантным значением, формой (структурой) и функциями, и позволяют подводить грамматические единицы под определённые классы слов (части речи)» [Новиков 1982, 187].

В грамматике категория должна удовлетворять трём условиям:

- формальному (то есть иметь одинаковый набор средств выражения);
- семантическому (то иметь типовое содержание);
- функциональному (выполнять сходные роли).

Этот же принцип выделения категории был перенесён и на лексико-семантическую систему. В ней принято выделять такие категории, как антонимия, конверсия, полисемия и др. Л.А. Новиков пишет: «Лексико-семантическую категорию можно определить как единство обобщённого лексического значения и соответствующих форм выражения, проявляющееся в характерных функциях, которые свойственны единицам, подводимым под эту категорию» [Новиков 1982, 189]. Рассматриваемый нами объект – эвфемизмы – традиционно описывают в рамках категории синонимов. Из этого следует, что признаки синонимов могут быть экстраполированы и на эвфемизмы. Данная категория выражена однокоренными или разнокоренными словами. Она обладает типовым содержанием, характеризующимся близостью значения, и функциями: замещения, уточнения, эмотивно-оценочной, стилевой организации текста. О.В. Вострикова называет следующие функции эвфемизмов: «смягчающую, замещающую, защитную, этическую, оценивающую, эстетическую / орнаментальную,

текстообразующую, стилеорганизующую, характеризующую, превентивную, контактоустанавливающую / кооперирующую, вуалирующую / маскирующую» [Вострикова 2008, 17]. Как показало наше исследование, для эвфемизмов присуща интенция смягчения, создания комического эффекта, намёка, защиты.

Научные вызовы современной эпохи ставят задачу рассмотрения языковых явлений не только в рамках той или иной системы, но и в более широком аспекте, предполагающем изучение их влияния на человека, который использует данные феномены. Этот аспект изучается прагматикой. Мы полагаем, что прагматические исследования имеют в том числе и лингвокультурологическую направленность. В основе законов развития культуры лежат процессы коммуникации с другими культурами или с самой собой [Лотман 2000, 163]. Коммуникация предполагает наличие общего кода для коммуникантов. Процессы адекватного кодирования и декодирования информации основаны на понимании иллокуции и перлокуции речевых единиц всеми членами лингвокультурной общности. Вслед за Т.Б. Радбилом под иллокуцией мы понимаем «компонент речевого акта, отражающий его интенциональность, мотивационно-прагматические установки говорящего» [Радбиль 2006, 8], под перлокуцией – воздействующий эффект [Радбиль 2006, 22]. Прагматические правила, которыми пользуются члены одной лингвокультуры, по своей сути являются правилами лингвокультурной интерпретации.

В исследованиях последних лет появились гипотезы существования прагматических категорий, которые выделяются по аналогии с грамматическими и лексико-семантическими.

Обзор зарубежных теорий коммуникации сделан в работе Е.А. Любимцевой и Рубена Анхеля Лопеза Яньеса [2015]. Не ставя перед собой задачу повторять известное, отметим, что фундаментальными для развития учения о прагматических категориях стали:

- теория Д. Хаймса о коммуникативной компетенции,
- мысли Г.П. Грайса о принципе кооперации в общении,
- условия эффективного общения: вежливости и ясности, сформулированные Р. Лакофф,
- положения о принципе вежливости, сформулированном Дж. Личем,
- идеи Э. Хофмана о социальном лице [Любимцева, Лопез Яньес, 2015].

Н.А. Карабань предлагает понимать под коммуникативной категорией: «...обобщённые коммуникативные единицы, участвующие в организации и/или регулировании коммуникативного процесса» [Карабань, 2009]. Как видно из приведённого определения, в коммуникативную категорию включаются единицы разной семиотической природы, которые выполняют роль регулятора в процессе обмена информацией.

Е.П. Захарова разделяет коммуникативные категории на две группы: обязательные (собственно коммуникативные) и необязательные (сопутствующие) – регулятивные и квалификативные категории. Первые выполняют функцию организации коммуникации (например, речевой жанр, локальность, темпоральность, тональность, чуждость и др.), вторые призваны регулировать общение (вежливость, успешность, категоричность, оптимальность, нормативность и др.). Каждая коммуникативная категория занимает определённое положение в коммуникативной структуре дискурса, и все они так или иначе связаны с речевой деятельностью говорящего [Захарова 1998, 87-88].

С опорой на коммуникативные постулаты, сформулированные Г.П. Грайсом:

- качества речи (говори правду);

- количества речи (будь достаточен, говори информативно, но кратко);
- релевантности речи (говори по существу);
- способа речи (говори понятно) –

мы предлагаем выделить в качестве основных следующие прагматические категории:

- правдивость / лживость;
- достаточность / недостаточность;
- существенность / несущественность;
- ясность / неясность, вежливость / грубость.

Безусловно, спектр прагматических категорий не ограничивается предложенными нами. Вопрос о перечне прагматических категорий пока остаётся открытым в лингвистике.

Среди многообразия прагматических категорий одно из центральных мест занимает категория вежливости.

В.В. Волкодав отмечает: «...Явление эвфемии может существовать только на прагматическом уровне, в коммуникативном измерении языка, так как эвфемистичность не является собственной характеристикой слова...» [Волкодав 2015, 111]. Изучение эвфемии в прагматическом аспекте предполагает рассмотрение такой категории, как вежливость. Она не нашла полного изучения в русистике на современном этапе её развития. Л.А. Хесед в этой связи подчёркивает: «...До сих пор не сформулировано достаточно полного определения понятия «вежливость» и не описан целый пласт лексики, который отражает разные типы и инструменты вежливого поведения человека» [Хесед 2013, 195]. Из выше перечисленных установленных нами функций эвфемизмов в выражении категории вежливости принимают участие функция смягчения и намёка, присущие собственно эвфемизмам и эвфемизмам-аллюзиям.

Итак, лингвокультурологический аспект рассмотрения эвфемизмов предполагает их исследование в прагматическом ключе. Собственно эвфемизмы выступают средствами выражения категории вежливости. Перейдём к её рассмотрению.

3.2 Вежливость как прагматическая категория

Как было сказано выше, вежливость является прагматической категорией. Л.А. Хесед делает важное замечание: «Категория вежливости (и вежливого поведения) является ситуативно обусловленной» [Хесед 2013, 197]. Это наблюдение подчёркивает прагматический характер вежливости. Её сущность заключается в обеспечении кооперации в общении, защите интересов адресата и адресанта, проявлении толерантности к точке зрения собеседника. И.В. Винантова, Г.Р. Власян отмечают: «Принцип вежливости в наиболее общем виде можно определить как тип социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности партнера. Следование этому принципу накладывает определенные требования на поведение членов общества, которые заключаются в том, чтобы учитывать интересы партнера, считаться с его мнением и желаниями, облегчать по возможности возлагаемые на него задачи» [Винантова, Власян 2008, 39].

Слово *вежливость* восходит к глаголу *ведать*. Это означает, что древнерусский социум понимал вежливость как знание правил поведения, обхождения с людьми.

Е.Ю. Шенберг отмечает, что вежливость «...чрезвычайно трудно, если не невозможно, описать в рамках других категорий, отличных от такта, учтивости, скромности и т. п.» [Шенберг 2013, 129]. Из данного замечания следует, что вежливость – категория синкретичная, включающая в себя поведенческий, психологический аспекты. Мы отчасти разделяем точку зрения Г.Р. Шамьеновой о том, что «...вежливость ... показатель официальности отношений...»

[Шамьенова 2000, 148]. Исследователь связывает данную категорию с статусностью. «Вежливость в большей степени зависит от статусных различий и по-разному проявляется в речи каждого из коммуникантов» [Шамьенова 2000, 149]. На наш взгляд, данная категория проявляет себя и в обыденном дискурсе, в частности в общении с близкими людьми.

Ж.Р. Сладкевич даёт определение вежливости в прагматическом ключе: «...Вежливость понимается как стратегия речевого поведения, уместного в соответствии с прагматическими ситуациями, нормами, ценностями и культурными особенностями определённого речевого сообщества...» [Сладкевич 2020, 60]. В данном определении важно рассмотрение категории вежливости в культурном контексте.

В.В. Леонтьев считает, что «...лингвистическая (не)вежливость реализуется в вербальном и невербальном выражении личного отношения адресанта к адресату, в принятии во внимание адресантом или, наоборот, игнорировании им социального лица адресата, его уникальной личности, его потребностей именно в данный момент. На когнитивном уровне это означает подтверждение ожиданий адресата, связанных с морально правильным поведением адресанта по отношению к нему (в случае оценки им поведения адресанта как вежливого) или не подтверждение этих ожиданий (в случае оценки им поведения адресанта как невежливого, грубого» [Леонтьев 2016, 72-73]. Из данного замечания учёного следует, что вежливость обусловлена культурными стереотипами, нормами, установками. Быть вежливым – значит следовать данным культурным категориям. Как известно, они объективированы в виде моральных прескрипций. В.В. Леонтьев отмечает: «Лингвистическая (не)вежливость связана с моральным аспектом общения, с коммуникативной этикой как национально-специфичной системой правил и норм поведения, аккумулирующей человеческий опыт в области морали общения и предписывающей нормы поведения в процессе коммуникации» [Леонтьев 2016, 73].

Вежливость может быть разной. И.В. Винантова и Г.Р. Власян пишут: «Вежливость является относительным понятием в количественном и качественном отношении. Качество определяет то, что можно считать вежливым, количество же – в какой степени принцип вежливости реализуется той или иной языковой формой» [Винантова, Власян 2008, 40]. Данную категорию можно представить в виде шкалы, в основе которой может быть положена степень эмпатии, то есть целеустановки введения в фокус интересов собеседника. А.А. Анищенко и Р.А. Газизов понимают под эмпатией «...способность воспринимать эмоциональное состояние другого человека как свое собственное, когнитивную осведомленность и понимание эмоций и чувств другого человека, т.е. интеллектуальное или концептуальное понимание аффектов другого, идентификацию говорящего с участником или объектом сообщаемого события» [Анищенко, Газизов 2015, 1348]. Ввиду этого можно говорить о вежливости с низкой степенью эмпатии, не принимающей во внимание интересов собеседника, и с высокой степенью эмпатии, принимающей во внимание интересы собеседника. Условно эти два вида вежливости охарактеризуем как недружественную и дружелюбную.

Е.С. Кузина, вслед за другими учёными, характеризует два вида вежливости. «Позитивная вежливость служит для усиления положительного имиджа собеседника: говорящий выражает свою симпатию и солидарность с адресатом. Основные параметры позитивной вежливости – это проявление внимания, комплименты, создание атмосферы внутригрупповой идентичности, стремление избежать разногласий. Негативная вежливость служит для сохранения независимости личности, потребности в неприкосновенности её территории и границ. Основные параметры негативной вежливости – это сдержанность, официальность и выражение уважения» [Кузина 2017, 147].

Являясь прагматической категорией, вежливость должна обладать типичным содержанием, средствами выражения, функциями.

Категория вежливости должна рассматриваться на семиотической основе, то есть в её реализации могут принимать участие средства разной знаковой природы, как вербальные, так и невербальные.

Комплексное описание категории вежливости не входит в наши задачи.

Н.А. Карабань считает, что лексические средства занимают периферийное положение в категории вежливости [Карабань, 2010]. Мы не согласны с данной точкой зрения, полагая, что лексика выступает ведущим номинативным и суггестивным средством в процессе коммуникации. Слово, как основной элемент высказывания, объективирует те же поведенческие стратегии, что и невербальный поступок.

Определим соотношение категории вежливости и эвфемии. Е.А. Любимцева и Р. Яньес отмечают одну из особенностей семантического проявления вежливости: «смягчение высказывания, передающего неприятное для собеседника сообщение» [Любимцева, Лопез Яньес 2015, 204]. Из данного тезиса можно сделать вывод, что эвфемизмы выступают одним из инструментов вежливости.

Среди рассмотренных видов эвфемизмов: собственно эвфемизмы, эвфемизмы-обереги, юмористические эвфемизмы – непосредственное отношение к категории вежливости имеют собственно эвфемизмы, поскольку их основной интенцией является смягчение способа информирования о негативном, нежелательном, неприличном явлении.

С помощью собственно эвфемизмов возможно выражение уважения к адресату путём следования нормам и установкам культуры. Так, употребление эвфемизма *бастард* отражает следование культурной установке *дети должны появляться в браке* и вуалирование нарушения этой установки. Е. В. Ключев отмечает: «все, что формулируется

слишком 'в лоб', едва ли не рискует в настоящее время подвергнуться социальному осуждению» [Клюев 1998: 213] Употребление эвфемизмов позволяет реализовать такую интенцию вежливости, как соблюдение субординации в общении, сохранении комфортной коммуникативной дистанции, уважение социального статуса адресата, его интересов. Так, употребление эвфемизма *бережливость* вместо слова *жадность* связано с более мягким иллокутивным воздействием. Таким образом, собственно эвфемизм можно охарактеризовать как лексико-семантическое средство выражения отдельных коммуникативно-прагматических стратегий категории вежливости, некоторых её содержательных аспектов.

Категория вежливости культурно маркирована. Так, эвфемизм *откат* 'взятка за оказание финансовых услуг' отражает реалии жизни российского общества начала XX века. Культурную обусловленность вежливости подчёркивает Т.В. Ларина: «Наиболее традиционное определение вежливости как проявления уважения, внимания к другим представляется неприемлемым в межкультурном аспекте, поскольку даже такие универсальные, на первый взгляд, понятия, как уважение и внимание различны в разных культурах...» [Ларина 2009, 129]. Этой же точки зрения придерживается и Е.С. Кузина, которая характеризует вежливость как «...категорию коммуникативного сознания», отражающую национальный менталитет [Кузина 2017, 147]. О.С. Иссерс определяет вежливость как «национально-специфическую коммуникативную категорию, содержанием которой является система ритуальных стратегий коммуникативного поведения, направленных на гармоничное бесконфликтное общение при соблюдении общественно-принятых норм и ожиданий партнёра» [Иссерс 2006, 102]. В данном наблюдении весьма ценно является рассмотрение вежливости как проявления ритуала. Из этого следует, что употребление эвфемизма возможно рассмотреть как проявление ритуального действия. Так,

смерть осмысляется русской лингвокультурной общностью как нечто нежелательное, страшное, неизбежное. Напоминание об этом человеку нежелательно, в связи с чем прямая номинация заменяется на эвфемизмы: *уйти, уснуть, отдать дань природе* и др. Сходные мысли высказывают А.А. Джигоева и В.С. Соседова: «...Есть существенные различия в том, каким образом она [вежливость – С.Р.] выражается в национальных языках и как интерпретируются собеседниками те или иные формулы языкового поведения» [Джигоева, Соседова 2014, 85]. Это проявляется, во-первых, в выборе средств её выражения. Набор данных средств условен, установлен лингвокультурной традицией слово- и формоупотребления. Во-вторых, он проявляется в содержании коммуникативно-прагматических тактик. И.В. Винантова, Г.Р. Власян отмечают: «Большие различия существуют в выражении интенций у разных культур». [Винантова, Власян 2008, 39]. Так, эвфемизмы *гражданский брак, гражданский муж* связаны с интенциями смягчения нарушения русской культурной установки, что совместное проживание мужчины и женщины должно быть зарегистрировано. Эта интенция является маркированной на фоне, например, аналогичных ситуаций в американской или европейских культурах.

Этой же точки зрения придерживается Л.М. Бахаева: «...концепт вежливость имеет разное содержание и исходит из различных представлений о вежливости и невежливости» [Бахаева 2020, 54]. Это означает, что реализация каких-либо практик, в том числе и вербальных, в одних культурах может прочитываться как проявление вежливости, в других – нейтрально, в третьих – как выражение бестактности. Так, многочисленные русские эвфемизмы, связанные с пьянством, в мусульманских культурах ввиду негативного отношения к данному явлению не могут быть приняты даже в смягчённом виде.

Таким образом, вежливость является прагматической категорией, одним из формально-функциональных средств которой выступает

собственно эвфемизм. Употребление эвфемизмов выражает определённые ритуалы вежливого поведения, что направлено на сохранение отношений кооперации между коммуникантами. Эвфемизм включает в свою прагматическую историю информацию, которая прочитывается членами лингвокультурной общности как следование культурным установкам и стереотипам, соблюдение культурных норм. В этом проявляется лингвокультурный потенциал эвфемизма, объективирующий культурное содержание категории вежливости.

3.3 Проблемные точки эвфемизации в современном русском дискурсе

В данной параграфе мы рассмотрим эвфемические номинации, которые в настоящее время считаются спорными, то есть их степень толерантности, политкорректности не всеми членами русской лингвокультурной общности признаётся однозначно. К данным номинациям мы отнесли единицы *человек с ограниченными возможностями, лицо кавказской национальности, человек с нетрадиционной сексуальной ориентацией, женщина с низкой социальной ответственностью*. Список номинаций был составлен с учётом следующих критериев: 1) фоновых знаний автора диссертации, 2) анализа современного информационного пространства, 3) опроса людей, относящихся к разным социумам.

Исследование осуществлялось путём анализа значений указанных единиц, а также эксплицированных в контекстах коннотаций. Е.В. Бурыкина пишет: «Эвфемизмы обладают коннотативными значениями аффективного и аксиологического свойства в рамках текста» [Бурыкина 2009, 110]. Из этого следует необходимость выявления коннотаций данных единиц. По каждой из них было проанализировано около ста контекстов, извлечённых из Национального корпуса русского языка и сети интернет. Е.В. Бурыкина справедливо замечает: «Один и тот же

эвфемизм в разных условиях контекста в неодинаковой мере реализует свой эвфемистический потенциал» [Бурыкина 2009, 111]. В диссертации приведены наиболее типичные или, напротив, необычные употребления.

«Болевой» точкой коммуникации в начале XXI века является обозначение людей с физическими недугами. В русской речи XX века в качестве основного номинативного средства использовалось слово *инвалид*. В XXI веке коннотации основного значения данного слова: 'неполноценность', 'ущербность' – прочитываются представителями лингвокультурной общности как интолерантные, ущемляющие достоинство человека.

Вместе с тем о том, что появившийся на свет ребенок-инвалид не должен

жить, не может быть и речи, подчеркнул политик. [Жириновский вступился за сына после его слов о бессмысленности жизни инвалида // lenta.ru, 2017.09.13 НКРЯ] В данном контексте актуализируются такие коннотации слова инвалид, как 'слабость', 'нежизнеспособность'.

Инвалид! Козёл сраный! Ты чего/ вчера права что ли купил? [Авдотья Смирнова, Алексей Учитель. Прогулка, к/ф (2003) НКРЯ] В приведённом контексте слово *инвалид* используется в инвективной функции, реализация которой основана на актуализации коннотаций ущербности. Этот же семантико-прагматический эффект можем наблюдать с следующим примером.

Ну-ка давай / ты / инвалид с ножкой / что будем покупать? [Домашний разговор (2006) // Из коллекции НКРЯ. НКРЯ]. Как видно, употребление номинации связано с выражением уничижительной эмотивности. Данные коннотации находят свою объективацию в переносном значении 'нечто слабое, неполноценное, нежизнеспособное', что отражено в следующем примере. *Данные коннотации объективируются в переносном значении слова инвалид: Конечно, может, но это будет государство-инвалид, который будет*

*натывать, делать ошибки и тратить колоссальные деньги», – пояснил ветеран. [Дмитрий Музалевский. Ветеран разведки: НАТО хотело развалить СССР до размеров Московского княжества // Московский комсомолец, 2017.06.24. НКРЯ]. Данные коннотации осознаются не только лингвистами. Слово *инвалид* осмысливается как нежелательное.*

Комитет ООН по правам людей с инвалидностью неоднократно напоминал России о том, что от понятия «**инвалид**» в законодательстве нужно отказаться. [Минтруд не откажется от термина «инвалид» в законодательстве // Коммерсант, 2018.09.27 НКРЯ]

Ср.: с коннотациями начала XIX века:

*Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забытых в хижине своей.*

(А.С. Пушкин «Евгений Онегин»)

В данном контексте инвалид употребляется в значении 'ветеран' и имеет положительные коннотации.

В деловом дискурсе не наблюдается полного отказа от данного слова, которое широко используется в составных номинациях, например: *инвалид второй группы, инвалид детства* и др. Также высока частотность использования термина *инвалидность*.

*Суд арестовал его до 20 сентября, несмотря на то, что его жена – **инвалид** третьей группы, за которой требуется постоянный уход.* [Елизавета Кирпанова. Восемь плюс четыре. Число арестованных сотрудников ФСИН по делу о пытках в ярославской колонии достигло 12 // Новая газета, 2018.08.03 НКРЯ]

*Минтруд не откажется от термина «**инвалид**» в законодательстве* Министерство труда опровергло информацию «Известий» об отказе от применения в законодательстве термина

«*инвалид*». [Минтруд не откажется от термина «инвалид» в законодательстве // Коммерсант, 2018.09.27 НКРЯ]

«В соответствии с рекомендациями Комитета ООН по правам инвалидов будет проводиться проработка вопроса об уточнении определения понятия «инвалид» без намерения отказаться от применения термина «инвалид» в законодательстве», - уточнили в министерстве. [Минтруд не откажется от термина «инвалид» в законодательстве // Коммерсант, 2018.09.27 НКРЯ].

В то же время в деловом, общественно-политическом дискурсах стала активно использоваться составная номинация: *человек / люди с ограниченными возможностями (здоровья)* и её аббревиация: *ОВЗ*, которые прочитываются как эвфемистические.

Политкорректный эвфемизм «люди с ограниченными возможностями» («с особыми потребностями») фальшив, он накрывает общим одеялом всех – и интеллектуала, лишившегося ног в аварии, и тяжелого олиговрена, и одарённого аутиста, и человека с пограничными проблемами, – не пора ли искать новые дефиниции?» [Евгения Долгинова. Пленный дух // «Русская жизнь», 2012. НКРЯ]

Инвалиды или, в соответствии с одной из гладких официальных формулировок, «люди с ограниченными возможностями» – категория социально незащищённая. [Глеб Столяров. Будьте здоровы // «Дело» (Самара), 2002.06.17 НКРЯ].

При этом наблюдается параллельное, контактное употребление номинаций *инвалид* и *(лицо) с ограниченными возможностями (здоровья)*: *Точно такого же уважительного отношения заслуживают люди, попавшие в сложную жизненную ситуацию: инвалиды; люди с ограниченными возможностями; граждане, ставшие жертвами тяжёлых и неизлечимых недугов.* [Ксения А. Собчак. Правда?! // lenta.ru, 2018.02.22 НКРЯ] Мы объясняем такое употребление влиянием экстралингвистических факторов. В данных контекстах слово *инвалид*

подчёркивает документально подтверждённый статус здоровья человека.

Контактное использование рассматриваемых единиц объективирует нейтральность составной номинации в сравнении с «прямолинейным» синонимом: *Инвалиды-колясочники хоть и величаются теперь «люди с ограниченными возможностями», но всё равно не могут свободно гулять по улицам, молодёжь не может устроиться на работу, пенсионеры не могут отдыхать даже в Крыму.* [Дарья Завгородняя. Женщина, тебя зовут Заткнись! // Комсомольская правда, 2014.06.10 НКРЯ].

На мое замечание о том, что там есть пенсионеры, которые по закону Украины заработали свою пенсию, там есть люди с ограниченными возможностями, инвалиды, которые не воюют ни с кем, они просто жертвы этой ситуации, о том, что если вы считаете их своими гражданами, то должны о них позаботиться, ответ простой: у нас денег нет, ничего платить не будем. [«Я хотел работать в КГБ» // lenta.ru, 2017.09.16 НКРЯ]

Составная эвфемическая номинация может использоваться в качестве гиперонима: *Сегодня в нашей стране немало так называемых «особых театров», в которых играют люди с ограниченными возможностями: инвалиды-колясочники, больные ДЦП, глухонемые.* [Алсу Гузаирова. А говорят, простачки... // lenta.ru, 2015.10.31 НКРЯ]. Такая номинативная тактика способствует редукции негативных коннотаций.

Контексты с рассматриваемыми номинациями характеризуются эмотивно-оценочной нейтральностью, отсутствием указанных выше коннотаций слова *инвалид*.

Впервые в истории прошёл Кибатлон – чемпионат, в котором участвуют люди с ограниченными возможностями, использующие механизированные протезы рук или ног, манипуляторы с

нейрокомпьютерным интерфейсом и экоскелеты. [Как мы приближали будущее // «Кот Шрёдингера», 2017. НКРЯ]

Практически все люди с ограниченными возможностями отмечают: важен не только досуг, но и элементарное удобство передвижения по городу, та самая доступность среды в её бытовом понимании. [Ольга Лиханова. Сквозь барьеры (2012.11.24) // «Новгородские ведомости», 2012 НКРЯ]

Парадоксально, но в стране, где люди с ограниченными возможностями не могут самостоятельно выйти из дома, собралась одна из самых сильных параолимпийских сборных в мире. [10 поводов для гордости // «Русский репортер», 2012 НКРЯ]

Мы не отказываем вообще никаким организациям, где есть люди с ограниченными возможностями. [Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования (2011) НКРЯ].

Наблюдается тенденция к негативному маркированию эвфемистического выражения *человек с ограниченными возможностями*. Это возникает в результате контактного употребления данного выражения со словами, обладающими уничижительными коннотациями. Так, в приведённом ниже примере слово *пенсионер* имеет коннотации 'бедность', 'незащищённость', которые в контексте переносятся на выше названное эвфемистическое выражение.

Например, проводимая корректировка социальной политики может привести к тому, что многие пенсионеры и люди с ограниченными возможностями будут стремиться получать на рынке труда адекватную работу. [Дискриминация при приеме на работу // «Управление персоналом», 2004.11.15 НКРЯ]. Реализации данных коннотаций способствует контактное употребление со словом *пенсионер*, которое в свою очередь включает в своё значение коннотации 'бедность', 'незащищённость'.

Таким образом, номинация *человек с ограниченными возможностями (здоровья)* на данном этапе развития русской лексической системы является эвфемизмов к слову *инвалид* и другим «прямолинейным» синонимам: *колясочник, слепой, глухой, хромой* и др. При этом намечаются тенденция к коннотативному негативному эмотивно-оценочному окрашиванию данного эвфемизма. Особенности функционирования данного эвфемизма отражают болезненную реакцию русского языкового сознания на отступления от норм здоровья. Номинативные стратегии пытаются сгладить ситуацию, вводя в оборот эвфемизмы, однако культурные стереотипы, отличающиеся интолерантностью, объективируют своё влияние в отрицательных коннотациях.

Существует ряд номинаций для детей с задержкой психического развития. Они связаны с прямым обозначением заболеваний: *даун, аутист, олигофрен*. В строгом, терминологическом смысле данные единицы не являются синонимами. Однако в обыденном дискурсе они единицы нейтрализуют свои значения, часто взаимозаменяются, обозначая интеллектуальную неполноценность человека.

Номинации *даун* и *олигофрен* характеризуются наличием в значении негативных коннотаций.

Пусть он даун, у него заячья губа, он дистрофик, но он мой брат – и я люблю его. [Герман Садулаев. Когда проснулись танки (2010) НКРЯ]. В приведённом контексте слово *даун*, во-первых, употребляется контактно с отрицательными наименованиями, обозначающими физические уродства (*заячья губа, дистрофик*), во-вторых, выступает в роли оппозитива к положительно окрашенным словозначениям, что подчёркивает отрицательную оценочность описываемого слова. Данные коннотации объективируются в развившихся переносных значениях данных слов. Приведём несколько примеров.

Эта попытка сдающего убедить комиссию, что он не полный даун. [коллективный. Форум: Школа или универ где легче?)) (2006) НКРЯ].

Беги с работы прямиком домой, наскоро сметай приготовленную любимой жаренку, мой посуду и садись напротив поганого ящика смотреть семейное даун-шоу «Поле чудес» [Как стать рабом // «Хулиган», 2003.12.15 НКРЯ].

– Нет, ты не просто дурак. Ты даун, – смеется мать. [Галина Щербакова. Мальчик и девочка (2001) НКРЯ].

Откуда тебе знать, олигофрен, - сказала я, села на нижнюю полку и заплакала. [Екатерина Завершнева. Высотка (2012) НКРЯ].

И она радовалась, что от нее не родился ни Гитлер, ни Сталин, ни наркоман, ни какой-нибудь олигофрен. [Марина Вишневецкая. Из книги «О природе вещей» (1999) НКРЯ].

Не понимаю, какой олигофрен формировал здешние фонды! [Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997) НКРЯ]. В приведённых контекстах слова даун, олигофрен реализуют значение 'очень глупый человек'.

Как показывает анализ контекстов, номинация аутист сохраняет свободное от коннотаций значений. Приведём некоторые примеры. У нее есть сын Ральф (Райли Б. Смит), юный гений-аутист, так что героиня представляет, как вести себя и с необычными людьми, и с самыми обычными, как она сама. [Умники начинают и выигрывают // Новая газета, 2015.07.06 НКРЯ]

В качестве эвфемизма данных номинаций в настоящее время используется составная номинация *ребёнок с задержкой психического развития*.

Проведённое авторами исследование показало неоднородность особенностей развития высших психических функций у детей 6-7 лет с задержкой психического развития (ЗПР), имевших перинатальную

патологию ЦНС, с учётом характера внутрисемейных отношений. [Л. А. Захирина, Н. Ф. Бережная. Особенности развития старших дошкольников при перинатальной патологии ЦНС // «Вопросы психологии», 2004 НКРЯ].

Однако, по нашим наблюдениям, данная номинация также развивает негативные коннотации ‘ущербность’, ‘отсталость’, ‘неполноценность’. Этому способствует контактное употребление выражение с словами, имеющими негативный смысл.

Никогда не была замужем, но взяла четверых детей из детдома, все – с задержкой психического развития, двое – инвалиды. [Нина Петлянова. Черепашка-мама. Приемная семья в эпоху выживания // Новая газета, 2016.08.10 НКРЯ]. Слово *детдом*, а также, как было показано выше, *инвалид*, включают с свои семемы отрицательные коннотации.

«Грабитель, бродяжка и токсикоман с задержкой психического развития – да пропади ты пропадом, все одно под забором или в колонии пропадешь», – махнул бы рукой иной затурканный хозяйственными нуждами директор и тайне понадеялся на скорое избавление от такого «квартиранта». [Е. Жиборт, Е. Колядина. Женька чуть не прохлопал ушами светлое будущее // Комсомольская правда, 2001.02.27 НКРЯ]. В приведённом контексте употребление анализируемой номинации с единицами *грабитель, бродяжка, токсикоман* эксплицирует её отрицательную коннотативную оценочность.

Хотя дети были сложные: трое с задержкой психического развития, одна девочка – с эпилепсией. [Кудряшов А. Щами из крапивы сыт не будешь // Труд-7, 2000.11.23 НКРЯ]

То же наблюдаем в фразе: *Ребята приходят разные, с тяжёлой наследственностью, социально запущенные, больные, с задержкой психического развития.* [Негомодзянов А. Серёжа – крестник плотника

// Труд-7, 2000.08.09 НКРЯ]. Номинации *тяжёлая наследственность*, *социальная запущенность* способствуют объективации негативной оценочности у анализируемого эвфемизма.

Таким образом, номинация *ребёнок с задержкой психического развития* постепенно утрачивает эвфемическую функцию, на что, по нашему мнению, влияет культурный стереотип *хорошо быть, как все*; а также культурная норма быть здоровым. Тенденция к толерантному отношению к данному явлению актуализирует в настоящий момент номинацию *особенные дети*.

Одним из противоречивых эвфемизмов современного этапа развития языка является выражение *лицо кавказской национальности*. Как отмечают источники, выражение создано по аналогии с выражением *лицо еврейской национальности*, которое заменяло дисфемизм *ж...довская морда*. «Термин «Лицо кавказской национальности» был использован газетой «Коммерсант» в номере от 22 октября 1990 года» [<http://traditio.wiki/>].

Выражение *лицо кавказской национальности*, задуманное как эвфемизм, в настоящее время используется в различных эмотивно-оценочных регистрах, начиная с нейтрального и заканчивая резко отрицательным.

Данное выражение в современной языковой картине мира соотносится с концептом «Чужой», вследствие чего порождает негативные коннотации. По своему денотативно-сигнификативному содержанию это выражение указывает на группу народов, проживающих на Кавказе, обладающих рядом интегральных этнических, социокультурных признаков. Для образования смягчающей номинации используется приём расширения, абстрагирования значения. Данная номинация соотносится с названиями народов Кавказа: *армян, грузин, чеченцев, ингушей* и др. Основной интенцией является замена неприличных, неполиткорректных номинаций. Эвфемизм имеет

выраженную стилевую маркированность: соотносится с официально-деловым стилем. Обратимся к анализу контекстов употребления данного выражения.

К их разговору прислушивалась, затем внезапно вмешалась девочка-подросток, внешне похожая на «лицо кавказской национальности». [Майя Король. Имейте меня следующим // «Вечерняя Москва», 2002.03.14 НКРЯ]. Данный контекст демонстрирует нейтральное употребление выражения. В приведённой фразе акцентируется смысл, отражающий представления о внешних признаках кавказцев. Ввиду этого анализируемая номинация не совсем уместна в приведённом контексте. В публицистическом тексте это выражение придаёт ему признак канцелярита.

Может, наши радикалы его уже убивали на рынке, приняв за лицо кавказской национальности. [И. Свиноаренко «Умытая Россия» // «Коммерсантъ-Власть», 1999 НКРЯ] В данном выражении актуализируется когнитивный признак «чужой». Это определяет отрицательную оценочность номинации. Эмотивность выражения в данном контексте сдержанная.

У меня есть друг – «лицо кавказской национальности», хотя по половому органу и не скажешь» [Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)]. В данном выражении актуализируется признак национальной принадлежности, который получает шутливую прагматическую интерпретацию. Негативно-неодобрительные семы в данном контексте редуцируются за счёт контактного использования анализируемой составной номинации со словом *друг*.

«Вот «лицо кавказской национальности» в Сочи сжигает лицо кислотой русской красавице только за то, что она отвергла его желания». [Петров В. // «Завтра», 2003. 02.2018 НКРЯ]. // «Например, в метро её буквально на каждом шагу хватали бдительные милиционеры как «лицо кавказской национальности» и требовали предъявить паспорт, видимо,

принимая за чеченскую террористку» [Городницкий А. «И жить ещё надежде» 2001 НКРЯ]. В данных контекстах анализируемое выражение актуализирует смысл «преступник», ввиду чего оно сопровождается негативной оценочностью и неодобрительностью. В сравнении с номинацией преступник выражение имеет большую иллокутивную инвективную силу, апеллируя к интолерантному, неpolitкорректному стереотипу «если человек относится к некому народу, он является преступником».

Выражение «лицо кавказской национальности» стало расширять своё значение, в частности обозначать выходцев из Средней Азии, а также лиц, нарушающих правовые нормы. Перлокутивный эффект, который может вызвать данное выражение, подтверждается инициативой депутата Государственной Думы И. Савиди о введении штрафных санкций за употребление данного выражения в СМИ.

Восприятие данной фразы как имеющей отрицательную оценочность, эмотивность неодобрения и уничижения подтверждают её многообразные вербальные оценки. Приведём несколько примеров.

*Как явствует из первых фотороботов, в Сергея Юшенкова стреляло некое молодое **лицо кавказской национальности**.* [С. Митрофанов. Либерализм, насилие и «новый класс» // «ПОЛИТКОМ. РУ», 2003.04.23]

*В связи с этим обращаюсь к средствам массовой информации с просьбой перестать применять оскорбительное выражение **«лицо кавказской национальности»**.* [Нашему общему дому нужен мир // «Весть» (Калуга), 2002.11.21]

*С принципами государственной национальной политики несовместимы противопоставления людей по национальным признакам, унижающие человеческое достоинство термины типа **«лицо кавказской национальности»**.* [Слагаемые равноправия // «Жизнь национальностей», 2000.06.23].

Таким образом, фраза *лицо кавказской национальности* характеризуется неоднозначной оценочностью: от нейтральной до отрицательной, эмотивностью: нейтральной, шутливой до уничижительной. Неоднородная эмотивно-оценочная интерпретация связана с варьированием денотативно-сигнификативного содержания выражения: обозначение 1) человека, проживающего на Кавказе, 2) человека, имеющего внешние признаки народов Кавказа, 3) чужого, 4) человека, нарушающего правовые нормы. Совершенно очевидно, что эвфемическая функция изначально была искусственно приписана данному выражению, которое в настоящее время сформировало конфликтогенный потенциал.

Ещё одним острым углом в современной российской коммуникации является номинация лиц, отличающихся в сексуальной идентификации. В лексиконе начала XXI века имеется немало слов, в большинстве своём дисфемизмов, обозначающих указанный денотат. Номинации: *гомосексуалист*, *лесбиянка* – занимающие промежуточное место между эвфемизмами и дисфемизмами, в составе значения имеют ряд негативных коннотативных сем: 'неодобрение', 'отвращение', 'не такой, как все'. *Внук, я тебя никогда не видел с девушкой. Почему? Я надеюсь, Ты не гомосексуалист? Извини за такие слова, но тебе скоро тридцать, а ты всё не женишься.* [А. И. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010 НКРЯ]. В данном контексте неодобрение подчёркивается выражением *извини за такие слова*.

Дочь – шлюха. Сын – гомосексуалист. Домработница каждый день выносит из дома по одной вещи. [Г. Щербакова «Подробности мелких чувств» (2000) НКРЯ]. Отрицательную оценочность слова *гомосексуалист* подчёркивает употребление его в одном ряду с негативно маркированным *шлюха*. *В моем сознании гомосексуалист, педик, педераст – это что-то ужасное,*

отвратительное, дикое. [В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 501-1001) (1999) НКРЯ]. Приведённая фраза отражает эксплицитную оценку слова *гомосексуалист* прилагательными *ужасный, отвратительный, дикий*. Но не исключено, что та была *лесбиянка*, и с Рахманиновым ее связывала бескорыстная и преданная мужская дружба. [Ю. М. Нагибин. Дневник (1982) НКРЯ]. В приведённой фразе отражена ирония, построенная на нарушении логического соответствия упоминания лица женского пола и его характеристики с опорой на аллюзию к действиям, характеризующим мужчин.

– Она замужем? – Нет, она тоже *лесбиянка*. – Что значит тоже? Маша, ты нормальная, ты не *лесбиянка*! [Д. С. Филиппов «Билет в Катманду» (2009) // «Волга», 2012 НКРЯ]. В данной контексте оценка даётся за счёт имплицитной оценки, указывающей на несоответствие норме.

Мало того, что лесбиянка, еще и травка! [Ольга Некрасова. Платит последний (2000) НКРЯ]. Приведённая фраза содержит аллюзию на наркоманию, отрицательно интерпретируемое явление.

Негативная оценочность связана с традиционностью русского общества, противоречием поведенческих практик, закреплённых в значении данных лексем, сложившимся культурным установкам.

Наряду с лексемой *гомосексуалист*, используются и другие эвфемизмы: *мужеложник, мужеложец, голубой, гей*. Лексемы *мужеложник, мужеложец* характеризуются в данный момент как устаревающие либо используемые в религиозном дискурсе (<https://kartaslov.ru/>). Эвфемизм *голубой* получил распространение в русской речи с 80-х годов двадцатого века. Изначально он характеризовался нейтральной семантикой, что определялось неясностью этимологии и отсутствием нейтральных коннотаций, закреплённых за прилагательным *голубой*. Однако анализируемый эвфемизм также быстро включил в своё значение неодобрительные

коннотативные семы. Сходной историей употребления обладает слово *гей*, заимствованное из английского языка и не имеющее внутренней формы. *«Молодой гей, очень приятной наружности, мечтает познакомиться с единомышленниками с целью проведения досуга и создания клуба» ...* [Максим Милованов. Естественный отбор (2000) НКРЯ].

В настоящее время данное слово также характеризуется присутствием в значении неодобрительных коннотаций.

Как бы Кудимов-старшенький ни относился к некоторой странности в отношениях полов, как бы он ни считал Гошу (Жору) семейным несчастьем, но убийство младшенького – большее несчастье, чем гей в семье. [Андрей Измайлов. Трюкач (2001) НКРЯ]

Слово *лесбиянка* получило эвфемизм *розовая*, также заимствованный из английского языка и употребляемый в английской лингвокультуре в том числе и для обозначения мужчин. Закрепление данной номинации за женщинами в русской лингвокультуре, вероятно, связано со стереотипным распределением цвета: с детства цвет мальчика – голубой, девочки – розовый.

Число эвфемических номинаций описываемого денотата с архисемой 'мужчина' больше, чем с архисемой 'женщина'. Данный факт мы объясняем большей степенью значимости для языкового сознания поведения мужчины. По всей вероятности, отступление от традиционной роли мужчины имеет более экспрессивную оценочность. Этот вывод подтверждается тем, что рассматриваемые номинации лиц мужского пола, помимо номинативной, могут употребляться в инвективной функции. Пропустите Шахиджания. ***Гомосексуалист проклятый.*** [Владимир Шахиджаниян. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 1-500) (1999) НКРЯ].

*Ведь знаешь, ты собираешься его брать на работу, а он голубой, педераст, он **гей**, гомик, сексменьшинство...* [Владимир Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 1-500) (1999) НКРЯ]

Употребление номинации *розовая* в данной функции, по нашим данным, не наблюдается. Эвфемическое выражение *нетрадиционная сексуальная ориентация* построено на принципе расширения объёма понятия. Оно охватывает лиц обоих полов. В настоящее время данная номинация в большинстве своих употреблений сохраняет нейтральное значение. Приведём ряд примеров, подтверждающих этот вывод.

*Бывший голкипер «Ак Барса» Андерс Нильссон, ныне защищающий цвета «Ванкувер Кэнакс», заявил о важности поддержки людей с **нетрадиционной сексуальной ориентацией** в хоккее, передает «Советский спорт».* [Отдел «Спорт». Экс-вратарь «Ак Барса» призвал поддерживать геев в хоккее // gazeta.ru, 2018.08.05 НКРЯ]

*Некоторые представляются членами Коммунистической партии Украины и беженцами с Донбасса, а другие просят убежища в ЕС как лица с **нетрадиционной сексуальной ориентацией**, притесняемые на родине.* [Андрей Манчук, украинский политолог. Плата за вход // lenta.ru, 2018.03.15 НКРЯ]

Кроме нейтрального употребления, существует немало примеров, в которых анализируемое выражение сопровождается негативными коннотациями 'отчуждённость', 'уничижительность', 'нежелательность', 'маргинальность'.

*На ролике видно, как Донской выходит из лавки Германа Стерлигова, который, как известно, запрещает людям с **нетрадиционной сексуальной ориентацией** посещать свои магазины.* [Антон Болотов. «Узаконить гей-браки, проституток, казино и эвтаназию» // lenta.ru, 2017.10.26 НКРЯ]

Булатов лично выслеживает аккаунты представителей ЛГБТ-сообщества, хвастается увольнением 67 школьных учителей и детских

докторов с нетрадиционной сексуальной ориентацией. [Беседовал Антон Болотов. «Через неделю я наточу нож, и джихад выйдет за рамки закона» // lenta.ru, 2017.05.16 НКРЯ]

Отмечается, что персонажи с нетрадиционной сексуальной ориентацией появились в сериалах «Чокнутая бывшая», «Брод Сити», «Бруклин 9-9», «Повзрослевшие» и «Девственница». [Массовое появление бисексуалов в сериалах взволновало зрителей // lenta.ru, 2018.03.01 НКРЯ].

Член синодальной библейско-богословской комиссии РПЦ, настоятель храма Живоначальной Троицы на Воробьевых горах в Москве протоиерей Андрей Новиков увидел в новой серии «Симпсонов» пропаганду «ложных моральных ценностей» и посетовал также на появление в кино и телепродукции героев с нетрадиционной сексуальной ориентацией. [В РПЦ призвали запретить показ «Симпсонов» детям и подросткам из-за покемонов // lenta.ru, 2017.05.03. НКРЯ].

Во многом этому способствует контактное употребление номинации *лицо с нетрадиционной сексуальной ориентацией* с ярко оценочными словами. Например: *Они с завидным рвением выискивают в сети богохульников и людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, борются с «мракобесием» и шлют жалобы в различные судебные инстанции.* [Беседовал Антон Болотов. «Через неделю я наточу нож, и джихад выйдет за рамки закона» // lenta.ru, 2017.05.16 НКРЯ]. В приведённом контексте рассматриваемая составная номинация употребляется в одном смысловом ряду с отрицательно маркированным словом *богохульник*.

Кроме того, анализируемая эвфемическая номинация употребляется в иронических контекстах, что также способствует появлению в её значении негативных коннотаций.

*Для тех, кто решил поменять кому-то окорока, или, как говорится, замесить в чёрный месяц, иначе говоря, для людей с **нетрадиционной сексуальной ориентацией** существуют презервативы из высокопрочной резины, используемой в ракетостроении. [За торговлю презервативами в столице можно загреметь в тюрьму // Комсомольская правда, 2001.07.16 НКРЯ].*

На наш взгляд, внутренняя форма данной номинации, включающей компонент *нетрадиционная*, содержит потенциальные семантические условия для формирования отрицательной оценочности: отклоняться от традиции плохо. Таким образом, номинация, задуманная как эвфемизм, также отражает тенденцию к утрате смягчающего, редуцирующего значения. Данный пример также подтверждает роль культурных установок и стереотипов на эвфемическую функцию.

Ещё одной напряжённой точкой русского дискурсивного пространства является обозначение женщины, занимающейся проституцией. Как показало наше исследование, данный аспект был всегда актуален для процесса эвфемизации в русском речевом пространстве. Стратегии эвфемизации заключались в ироническом представлении явления, аллюзиях или перифразах (примеры см. в главе 2). В начале XXI века в речевой оборот было введено выражение *женщина (девушка) с низкой социальной ответственностью*. Данное выражение построено на принципе совмещения стратегий абстрагирования и аллюзии. Внутренняя форма данного выражения указывает на то, что лицо женского пола не отвечает нормам, выдвинутому обществом. Следует заметить, что данное выражение изначально использовалось с некой долей иронии. *Между бурными романами гаишник еще успевал навещать девушек с низкой социальной ответственностью – и ни одну из них не обидел, в отличие от своих жертв.* [Владимир Шарапов. Мордастый, на выход! // lenta.ru, 2018.03.13 НКРЯ].

*Здесь девушка с **пониженной социальной ответственностью** заманивала «руско туристо облик морале» знаменитой фразой «цигель, цигель, ай лю-лю».* [Екатерина Петухова. Мерси, Баку! // lenta.ru, 2017.03.29 НКРЯ]

В рамках данной номинации также осуществляется попытка для эвфемизации следующей ступени. Прилагательное *низкий* заменяется на дериват *пониженный* с эвфемичной приставкой *по-*:

*Творческий псевдоним «**девушки с пониженной социальной ответственностью**» Анастасии Вашукевич, разоблачившей Олега Дерипаску, оказался благодатной почвой для упражнений в словообразовании.* [Ксения Туркова. Токсичный рыбагейт и ихтамнет-2 (2018.02.16) // «Сноб», 2018 НКРЯ].

Фразеологическое выражение может сопровождаться словами, уменьшающими интенсивность признака: например, *несколько*.

*Как жаловались потерпевшие, группа аферистов лишила жилплощади гражданку с **несколько пониженной социальной ответственностью**, предварительно задержав ее в незнакомой квартире.* [Ирина Тумакова. Рецидив гуманизма. Получив удивительно мягкие сроки в Петербурге, члены банды черных риелторов перебрались в Москву? // Новая газета, 2018.09.04 НКРЯ]

Семантика данного выражения развивается по линии дальнейшего расширения. Человеком с низкой социальной ответственностью может называться лицо, злоупотребляющее алкоголем, употребляющее наркотики и подобное: *Где-то через год папа решил покупать квартиру – надоел, как он выразился, «этот гадюшник» - пятиэтажный панельный дом со зловонными подъездами и соседями-алкоголиками, которых сегодня принято называть людьми «с **низкой социальной ответственностью**».* [«Я рассчитывала, что квартира достанется мне» // lenta.ru, 2017.05.22 НКРЯ]

В целом же следует отметить, что рассматриваемое выражение сохраняет отрицательную оценочность, что подтверждает его использование в оценочных суждениях: *«Этот твой «Дом-2» уже всем надоел, ты... девушка с пониженной*

социальной ответственностью» (подстрочник)». [А. Мельман «Дебаты кандидатов в президенты по Жванецкому: «Где начальник транспортного цеха?»» // Московский комсомолец, 2018.03.01НКРЯ]

Наблюдение за эвфемизмом *женщина/девушка с низкой/пониженной социальной ответственностью* позволяет сделать вывод о том, что выражение сохраняет смягчающую функцию, объективируя при этом отрицательную эмотивно-оценочную семантику.

Таким образом, для современного языкового сознания оказываются неоднозначно прочитываемыми аспекты физического здоровья, этнической принадлежности, сексуальной идентификации, отношения к морали. Причём первые три воспринимаются более остро. В дискурсивном пространстве наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, стремление обеспечить толерантную, основанную на принципе кооперации, отвечающую критерию вежливости коммуникацию, с другой – влияние культурных установок, стереотипов, норм на процессы эвфемизации. Как показали проанализированные примеры, культурный фактор сильнее, что объясняется влиянием архетипов «Свой / чужой», «Полноценный член рода / Неполноценный члену рода», «Продолжение рода». Употребление данных выражений отражает проявление недружественной, негативной вежливости, поскольку все номинации выражают, хотя в некоторых случаях и сдержанно, негативную оценку явления, эмотивность неодобрения. Более того, такая номинация, как *лицо кавказской национальности* может прочитываться как невежливая, нарушающая принцип кооперации.

3.4 Экспериментальный метод изучения семантико-прагматического потенциала эвфемизмов

В предыдущей главе мы проанализировали единицы, которые можно отнести к проблемной части современной российской коммуникации, поскольку данные номинации имеют неоднозначную семантико-прагматическую интерпретацию. В этом параграфе мы отразим результаты психолингвистического эксперимента, цель которого заключалась в подтверждении или опровержении сделанных выше выводов об особенностях семантики и выполняемых функциях данных единиц. Если на предыдущем этапе исследования релевантным был контекст, то на данной ступени исследования будут рассмотрены результаты языкового опыта личности. Полученные результаты позволяют осмыслить особенности лингвистической объективации категории вежливости. В качестве реципиентов выступило 50 студентов первого курса факультета русской филологии и документоведения в возрасте 17-18 лет обоих полов. Испытуемым было предложено ответить на вопросы анкеты:

Х называет У (лицо с нетрадиционной сексуальной ориентацией / девушка с пониженной социальной ответственностью / человек с ограниченными возможностями здоровья / ребёнок с задержкой психического развития / лицо кавказской национальности).

1. Как Х оценивает У:
 - а) хорошо,
 - б) плохо,
 - в) никак не оценивает.
2. Что Х чувствует к У:
 - а) одобрение,
 - б) неодобрение,
 - в) ничего.

3. Что чувствует У:
 - а) обиду,
 - б) ничего,
 - в) другое: (уточните, что).
4. Имеет ли право Х так называть У:
 - а) да,
 - б) нет.
5. Как Х должен назвать У, чтобы У не испытывал чего-то плохого?
6. Как обычно называют таких, как У, в официальной речевой ситуации.

В ходе эксперимента были поставлены следующие задачи:

- 1) установить содержание эмотивно-оценочного компонента эвфемизма,
- 2) определение перлокутивного потенциала эвфемизма,
- 3) подтверждение эвфемической функции у рассматриваемой единицы.

На основе полученных результатов возможно верифицировать гипотезу о включении в состав категории вежливости эмотивно-оценочной составляющей, ей связи с эвфемической функцией. Кроме того, будут получены сведения об особенностях эвфемизации наиболее острых в номинативном отношении аспектов на современном этапе развития языка.

Таблица 2

Результаты анкетирования

Лицо с ограниченными возможностями

Параметр	Положительная интерпретация	Отрицательная интерпретация	Нейтральная интерпретация
Оценочность	15	31	54
Эмотивность	15	31	54
Перлокутивный эффект	Отсутствует	Обида	Отсутствует

Отношение к культурной норме	Не нарушена	Нарушена	Не нарушена
Традиция словоупотребления	Соответствует	Не фиксируется	Не фиксируется

Как видно из таблицы, данная номинация может быть охарактеризована как эвфемическая. Большинство реципиентов не фиксирует закреплённой за значением этого выражения оценочности, эмотивности, перлокутивного эффекта. Тем не менее 31 процент респондентов отметил, что данная номинация имеет отрицательную оценочность, эмотивность, установил, что перлокутивный эффект обиды, а также нарушение культурной нормы. Из этого следует, что данная эвфемическая номинация со временем может перейти в разряд дисфемизмов. Характерно, что все реципиенты отметили, что употребление данной номинации не связано с нарушением культурной нормы. Из ответов респондентов следует, что, ввиду нейтральной оценочности данной номинации, она воспринимается в целом как вежливая, допустимая в официальной речи.

Таблица 3

Результаты анкетирования

Девушка с низкой социальной ответственностью

Параметр	Положительная интерпретация	Отрицательная интерпретация	Нейтральная интерпретация
Оценочность	0	100 %	0
Эмотивность	0	100 %	0
Перлокутивный эффект	-	Обида	-
Отношение к культурной норме	-	Нарушена	-
Традиция словоупотребления	-	Не соответствует	-

В анкетах по данному вопросу отражено единство мнений: все респонденты считают, что анализируемая номинация включает в состав своего значения отрицательную оценочность, эмотивность неодобрения. Употребление языковой единицы вызывает у слушателя чувство обиды, оскорбления. Испытуемые считают, что употребление номинации недопустимо в официальной среде и полагают, что о данном явлении вообще нужно умолчать либо использовать другие наименования: *слабохарактерная, раскрепощённая, безответственная*. Таким образом, составная номинация *девушка с низкой социальной ответственностью* воспринимается говорящими как дисфемизм, как невежливое выражение.

Таблица 4

Результаты анкетирования

Лицо с нетрадиционной сексуальной ориентацией

Параметр	Положительная интерпретация	Отрицательная интерпретация	Нейтральная интерпретация
Оценочность	-	29	71
Эмотивность	-	29	71
Перлокутивный эффект	-	Обида	Отсутствует
Отношение к культурной норме	-	Нарушена	Не нарушена
Традиция словоупотребления	-	Не соответствует	Не фиксируется

Анализ результатов ответов, связанных с восприятием данного выражения, показал, что данное выражение воспринимается большинством реципиентов (71 %) как нейтральное, а следовательно, вполне эвфемичное. Значение единицы эмотивно-оценочно не маркируется. Испытуемые отмечают, что употребление данного выражения нейтрально, не вызывает никакой реакции, не нарушает культурной нормы. Данная группа анкетированных считает, что именно

эта номинация должна использоваться в официальном общении. 29 % респондентов отмечают присутствие отрицательного эмотивно-оценочностного компонента в составе значения. Указывают, что употребление данной номинации вызывает чувство обиды. Характерно, что среди испытуемых в данной группе имеются лица мужского пола, в отличие от первой группы. Считают, что единица должна быть заменена на другие, например на *человек, придерживающийся других взглядов, представитель ЛГБТ-сообщества*. Приведённые факты означают, что в настоящее время номинация *лицо с нетрадиционной сексуальной ориентацией* используется как эвфемизм, при этом формируются тенденции к прочтению данной единицы как дисфемичной. Как показывают ответы, единица не идентифицируется говорящими как однозначно вежливая.

Таблица 5

Результаты анкетирования
Лицо кавказской национальности

Параметр	Положительная интерпретация	Отрицательная интерпретация	Нейтральная интерпретация
Оценочность	-	23	77
Эмотивность	-	23	77
Перлокутивный эффект	-	Обида	Отсутствует
Отношение к культурной норме	-	Нарушена	Не нарушена
Традиция словоупотребления	-	Не соответствует	Соответствует

Большинство реципиентов (77 %) в своих ответах по вопросу о семантико-прагматических особенностях значения выражения *лицо*

кавказской национальности указали на то, что выражение не имеет в составе своего значения негативной эмотивно-оценочностной окраски. По их мнению, номинация нейтральна, не нарушает культурную норму. Данную номинацию группа испытуемых оценивает как допустимую для употребления в официальной коммуникации. Небольшой процент реципиентов (23 %) определяет данную номинацию как имеющую эмотивно-оценочностную окрашенность. Из их ответов следует, что номинация может вызывать чувство обиды, противоречит культурной норме. Данная номинация не может быть использована в официальной ситуации. Реципиенты предлагают её заменить на такие единицы, как *гражданин ближнего зарубежья, кавказец, иностранец* и др. Таким образом, из ответов следуют следующие выводы: номинация *гражданин ближнего зарубежья* выступает как эвфемическая, отражающая принципы вежливости. В то же время анкеты отражают тенденцию к утрате данным выражением эвфемической функции.

Таблица 6

Результаты анкетирования
Ребёнок с задержкой психического развития

Параметр	Положительная интерпретация	Отрицательная интерпретация	Нейтральная интерпретация
Оценочность	-	69	31
Эмотивность	-	69	31
Перлокутивный эффект	-	Обида	Отсутствует
Отношение к культурной норме	-	Нарушена	Не нарушена
Традиция словоупотребления	-	Не соответствует	Не фиксируется

Как показывают ответы, большинство респондентов отмечают в значении номинации *ребёнок с задержкой психического развития* присутствие негативных эмотивно-оценочных элементов значения. Испытуемые отмечают, что данная номинация способна вызывать чувство обиды, нарушает культурные нормы. По мнению анкетированных, данная номинация не может быть использована в официальной обстановке и должна быть заменена на другие наименования, например на *дети с особенностями развития*. Значительно меньшая часть испытуемых указывает на нейтральность семантики рассматриваемого выражения, которое соответствует культурным нормам и вполне может использоваться в эвфемической функции. Подводя итоги, заключаем, что, по результатам эксперимента, данное выражение воспринимается как невежливое, не выполняющее эвфемическую функцию.

Проведённый эксперимент в целом подтвердил осуществлённый нами семантико-прагматический анализ контекстов употребления эвфемизмов. Единицы *человек с ограниченными возможностями здоровья, лицо с нетрадиционной сексуальной ориентацией, девушка с низкой социальной ответственностью*, играя в контекстах смягчающую роль, отражают тенденции к утрате эвфемической функции. По данным эксперимента, единица *человек с задержкой психического развития* не является эвфемизмом, а *лицо кавказской национальности*, напротив, характеризуется нейтральным значением. Противоречие в полученных данных мы объясняем спецификой экспериментальной группы. Современная молодёжь в большинстве своём аполитична, замкнута коммуникативным пространством социальных сетей, что отражается в нечувствительности к процессам, происходящим в обществе. В целом, рассматриваемые единицы находятся в той или иной точке процесса пейоративации. Наглядным оказывается тот факт, что причиной дисфемизации нейтральной номинации становится влияние культурных установок и эталонов: плохо быть больным, плохо отличаться от других,

плохо вести аморальный образ жизни, нужно быть осторожным с чужими. Культурные установки и нормы становятся катализаторами процесса утраты эвфемического потенциала языковой единицы.

Эксперимент продемонстрировал, что категория вежливости, в её лингвистическом проявлении, включает в себя оценочность, эмотивность языковых единиц.

Выводы по третьей главе

1. По аналогии с грамматическими и лексико-семантическими категориями возможно выделение прагматических категорий. С опорой на коммуникативные постулаты Г.П. Грайса допустимо выделить такие коммуникативно-прагматические категории, как истинность / ложность; информационная достаточность / недостаточность; информационная существенность / несущественность; ясность / неясность, вежливость / грубость и др. Коммуникативно-прагматическая категория должна обладать типичными способами своего выражения, семантикой и функциями. Эвфемизмы являются средством выражения категории вежливости. Они в смягчённой или завуалированной форме репрезентируют нежелательный денотат, выполняют функцию смягчения или намёка.

2. В основе категории вежливости лежит принцип кооперации. Характер и степень вежливости зависит от эмпатии высказывания. Использование эвфемизмов в речи объективирует ритуалы вежливого поведения. Прагматическое правило эвфемизма включает в свой состав информацию, которая прочитывается всеми членами лингвокультурной общности и реализуется в следовании культурным установкам и стереотипам, в соблюдении культурных норм.

3. Для определения роли эвфемизмов для категории вежливости, влияния культурных факторов их на значение и употребление были

проанализированы единицы с неоднозначным семантико-функциональным статусом: *человек с ограниченными возможностями, лицо кавказской национальности, человек с нетрадиционной сексуальной ориентацией, женщина с низкой социальной ответственностью*. В ходе исследования было установлено, что современным языковым сознанием неоднозначно прочитываются аспекты физического здоровья, этнической принадлежности, сексуальной идентификации, отношения к морали. Употребление эвфемизмов открывает противоречивые тенденции. С одной стороны, стремление обеспечить толерантную, основанную на принципе кооперации, отвечающую критерию вежливости коммуникацию, с другой – влияние культурных установок, стереотипов, норм на процессы эвфемизации. Исследование показало, что употребление эвфемизмов детерминировано культурным фактором, а именно влиянием архетипов «Свой / чужой», «Полноценный член рода / Неполноценный член рода», «Продолжение рода». Употребление данных выражений отражает проявление недружественной, негативной вежливости, поскольку все номинации выражают, хотя в некоторых случаях и сдержанно, негативную оценку явления, эмотивность неодобрения.

4. Для подтверждения результатов анализа контекстов неоднозначно трактуемых единиц был проведён эксперимент, который показал, что рассматриваемые единицы находятся в той или иной точке процесса пейоративации. Причиной дисфемизации нейтральной номинации становится влияние культурных установок и эталонов: плохо быть больным, плохо отличаться от других, плохо вести аморальный образ жизни, нужно быть осторожным с чужими. Культурные установки и нормы становятся катализаторами процесса утраты эвфемического потенциала языковой единицы. Эксперимент продемонстрировал, что категория вежливости, в её лингвистическом проявлении, включает в себя оценочность, эмотивность языковых единиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению лингвокультурных особенностей эвфемизмов и осуществлено в соответствии с принципами антропоцентрической парадигмы языкознания.

В работе предложено оригинальное определение эвфемизма как разновидности вторичной номинации, служащей целям кодификации речи, интерпретирующей денотативное содержание в соответствии с культурными нормами (основной из которых является соблюдение приличия) и являющейся результатом лингвокультурной рефлексии.

В ходе изучения лингвокультурологической специфики эвфемизма были рассмотрены мишени эвфемизации с позиции ценностей русской лингвокультуры, описаны культурные функции, выполняемые эвфемизмами, интерпретированы внутренние формы эвфемизмов, эксплицированы культурные нормы и установки, которые детерминируют употребление эвфемизмов.

Значение эвфемизма рассмотрено в системе семантических координат обычного слова. Выявлена специфика каждого компонента семемы эвфемизма. Денотативный компонент указывает на мишень эвфемизации, на явления действительности, которые наделяются для лингвокультурной общности особой значимостью. Сигнификативный компонент репрезентирует признаки, подлежащие смягчению. Он отражает иную, например, приличную интерпретацию того или иного явления. Сигнификативный компонент объективирует лингвокультурные сюжеты, которые интерпретируют неприличное / нежелательное явление в ином, допустимом ракурсе. Образный – отражает новую интерпретацию явления, интенсивный – понижает степень проявления нежелательного признака, оценочный и эмотивный компоненты манифестируют перевод негативного признака в нейтральный или положительный.

Прагматический компонент значения отражает условия употребления эвфемизма. Культурная маркированность прагматического компонента определяется нормой и традицией.

Выяснено, что эвфемизмы представляют собой неоднородный вербально-семантический пласт. Традиционно эвфемии рассматривают как одну из функций синонимов. При таком подходе эвфемизмы демонстрируют все виды отношений, свойственные полным синонимам: абсолютные синонимы, эквиваленты, дублеты. Большинство эвфемизмов отличается от своего коррелята, ввиду чего эвфемизмы можно охарактеризовать как квазисинонимы. Эвфемизм может быть охарактеризован как самобытное явление. В этом случае эвфемизмы вступают в эквивалентные отношения с лексическими синонимами. Проявлением системности эвфемизмов является их способность объединяться в цепочки и входить в оппозитивные парадигмы.

Для определения сущности эвфемии установлены её обязательные и необязательные признаки. Облигаторным признаком эвфемизма является замена нежелательного по каким-либо причинам наименования. К необлигаторным признакам относится интенция улучшения, наличие в значении положительных оценочных и эмотивных сем, снижение интенсивности, изменение стилового регистра. На основании интенциональной специфики эвфемизмов и проявления признаков установлены следующие разновидности данных единиц: собственно эвфемизмы, юмористические эвфемизмы, эвфемизмы-обереги. При рассмотрении эвфемизмов использован полевой принцип.

Лингвокультурологический аспект рассмотрения эвфемизмов актуализирует такие их классификационные признаки, как отношение к норме: соответствие нормам культуры речи или нормам культуры; характер семантической мишени.

На основе анализа мишеней эвфемизации выявлены ценности представителей русской лингвокультурной общности: следование этическим нормам, опрятность, здоровье, молодость. Преобладание эвфемизмов «человеческого низа» и физиологических аспектов свидетельствует о повышенной стыдливости русского человека. Собственно эвфемизмы объективируют реализацию принципа вежливости, соблюдение норм приличия, которые по сути являются выражением культурных норм.

Лингвокультурная специфика эвфемизмов-оберегов обусловлена выбором мишени и отбором номинаций для выполнения эвфемистической функции, который обусловлен культурно маркированными фоновыми знаниями, представлениями, типичными практиками. Для русской лингвокультурной общности к таким мишеням относятся тотемическое животное, злые силы, представляющие иной мир, смерть. Коммуникативно-прагматической платформой употребления эвфемизмов-оберегов становится вера в магическую силу слова, в то, что использование запретного слова может привести к негативным последствиям. Группу эвфемизмов-оберегов можно охарактеризовать как непродуктивную, что связано с ослаблением веры в магическую силу слова.

Лингвокультурная специфика юмористических эвфемизмов проявляется в реализации санкционирующей и компенсаторной функций. Данный вид эвфемизмов характеризуется теми же мишенями, что и собственно эвфемизмы. Большинство юмористических эвфемизмов затрагивает сферу половых отношений людей и человеческого низа. Используя юмористический эвфемизм, адресант рассчитывает на языковую догадку адресата.

Культурные аспекты эвфемизмов проявляются в указании на связь с тем или иным текстом культуры; описании каких-либо культурно маркированных практик, обращении к историческим лицам, событиям.

Исследование эвфемизмов в лингвокультурологическом аспекте способствует разработке коммуникативно-прагматических категорий, в частности категории вежливости. В основе категории вежливости лежит принцип кооперации. Характер и степень вежливости зависит от эмпатии высказывания. Преимущественно собственно эвфемизмы являются лексико-семантическим средством её выражения. Использование эвфемизмов в речи объективирует ритуалы вежливого поведения. Прагматическое правило эвфемизма включает в свой состав информацию, которая прочитывается всеми членами лингвокультурной общности и реализуется в следовании культурным установкам и стереотипам, в соблюдении культурных норм.

Для русского языка являются регулярными и продуктивными процессы пейорации эвфемизмов, то есть их перехода в дисфемизмы. В ходе исследования было установлено, что современным русским языковым сознанием неоднозначно прочитываются аспекты физического здоровья, этнической принадлежности, сексуальной идентификации, отношения к морали. С одной стороны, употребление эвфемизмов отражает тенденцию к обеспечению толерантной, основанной на принципе кооперации, отвечающей критерию вежливости коммуникации, с другой – влияние культурных установок, стереотипов, норм на процессы эвфемизации. Исследование показало, что употребление эвфемизмов детерминировано культурным фактором, а именно влиянием архетипов «Свой / чужой», «Полноценный член рода / Неполноценный член рода», «Продолжение рода». Причиной дисфемизации нейтральной номинации становится влияние культурных установок и эталонов: плохо быть больным, плохо отличаться от других, плохо вести аморальный образ жизни, нужно быть осторожным с чужими. Культурные установки и нормы становятся катализаторами процесса дисфемизации эвфемизма.

Перспективы исследования эвфемизмов в
лингвокультурологическом аспекте мы видим:

- в изучении эвфемизмов отдельной культурной парадигмы, реконструкции модели культуры на определённом этапе её развития;
- в проведении сравнительно-сопоставительных исследований эвфемизмов в разных лингвокультурах;
- составлении словарей собственно-эвфемизмов, эвфемизмов-оберегов, юмористических эвфемизмов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акбилек Е.А. К вопросу об эвфемизмах в лингвистике // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. – 2015. – № 2 (10). – С. 7-13.
2. Александров П.С. О понятии синонима // Лексическая синонимия. – М.: «Наука», 1967. – С. 38-42.
3. Алексеева О.С. Использование эвфемизмов в различных общественных сферах деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 10. – С. 147-149.
4. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – Волгоград: «Перемена», 1999. – 274 с.
5. Анищенко А.А., Газизов Р.А. Способы функционирования категории вежливости в эмпатийном речевом акте понимания (на материале французского языка) // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 4. – С. 1348-1351.
6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Т. 1. – М: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
7. Араева Л.А., Волкова К.С. Функционирование эвфемизмов в разговорной речи // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – С. 10-12.
8. Арнольд И.В. Семантика, стилистика, интертекстуальность. – М.: Флинта, 2019. – 448 с.
9. Бабаева М.А. Эвфемизм как явление языка и речи // Новые информационные технологии в науке. – Уфа: Омега Сайнс, 2017. – С. 76-78.

10. Базжина Т.В., Басалаева П.В., Северская О.И. Эвфемизмы в публичном дискурсе и восприятии наивных носителей языка // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 2(4). – С. 33-46.

11. Байрамова Л.К. Аксиологический фразеологический словарь. «Родина» и «Чужбина» как ценность и антиценность в фразеологической парадигме русского, татарского, английского, немецкого, французского языков. – Казань: ФЭН, 2018. – 156 с.

12. Барзбиев Т.А. Основные теоретические положения в исследовании проблемы эвфемизмов // Традиции в системе образования. Материалы Седьмой Международной научно-практической конференции. – Карачаевск: Изд-во КГУ им. У.Д. Алиева. – 2017. – С. 63-67.

13. Баскова Ю.С. К вопросу об определении термина «эвфемизм» // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2007. – № 1-3. – С. 94-97.

14. Бахаева Л.М. Изучение категории вежливости как регулятор поведения различных лингвокультур // Рефлексия. – № 2. – 2020. – С. 53-57.

15. Беглова Е.И. Эвфемизмы как средство речевого воздействия // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2013. – № 11. – С. 97-101.

16. Беликова О.В. Способы формальной репрезентации эвфемизмов // Вопросы лингводидактики и межкультурной коммуникации. – Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2015. – С. 228-233.

17. Белова Е.Е. О наличии отношений семантически независимых слов между эвфемизмами и табу // Языки и этнокультуры Европы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции

с международным участием. – Глазов: Изд-во ГГПИ им. В.Г. Короленко, 2015. – С. 12.

18. Белова Н.А., Вержинская И.В. Лингвистическая природа эвфемизмов на материале английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 3 ч. Ч. 3. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 10 (76). – С. 65-68.

19. Белоусова А.В., Бойко Л.Л. Эвфемизмы и сфера их употребления // Роль фундаментальной и прикладной науки социально-экономическом развитии общества. – М., 2018. – С. 56-59.

20. Беляева И.В., Куликова Э.Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 22 (160). – С. 15-20.

21. Бережан С.Г. К семасиологической интерпретации явления синонимии // Лексическая синонимия. – М.: «Наука», 1967. – С. 43-55.

22. Биткеева Г.С. Роль эвфемизмов в историческом развитии языка // Проблемы исторического развития монгольских языков. Материалы международной научной конференции. – СПб: ИЛИ, 2007. – С. 32-35.

23. Биткеева Г.С. Образование эвфемизмов на основе табу названий животных // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве. Материалы Международной научно-практической конференции. – Элиста: КГУ им. Б.Б. Городовикова, 2009. – С. 35-38.

24. Биткеева Г.С. Эвфемизм как уникальный аспект функционирования языка // Научные труды учёных и специалистов Республики Калмыкии. – Элиста: КГУ им. Б.Б. Городовикова, 1999. – С. 82-85.

25. Бойко Т.В. Эвфемизм и дисфемизм как члены дихотомической парадигмы // Studia Linguistica. – 2005. – № 13. – С. 266-270.

26. Болотина Ю.П. Реализация категории вежливости как способ репрезентации лингвокультурного типажа // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. – 2018. Т. 17. – № 3. – С. 158-165.
27. Бондаренко В.Т. О смехе в русской фразеологии [Электронный ресурс] // Тульский научный вестник. – № 1. – 2021. <http://tula-vestnik.ru> (дата обращения – 03.03.2021).
28. Борисенко В.А. Эвфемизмы в диалогической речи интервьюируемого политика: социальное лицо, категория вежливости, воздействие на адресата // Общественные науки. – 2016. – № 6-2. – С. 21-26.
29. Бородина А.Н., Черникова Н.В. Функции эвфемизмов в современной речи // Перспективы науки-2017. Материалы Шестого международного заочного конкурса научно-исследовательских работ. 2017. – Казань: «Рокета Союз», 2017. – С. 260-264.
30. Бурыкина Е.В. Интерпретация коннотативных значений эвфемизмов на уровне текста // Иностранные языки в высшей школе. – 2009. – № 2(9). – С. 110-118.
31. Ванюшина Н.А. Прецедентные имена в качестве эвфемизмов // Бюллетень науки и практики, 2017. – №11 (24). – С. 413-417.
32. Ванюшина Н.А. Эвфемизмы как объект изучения // Антропологическая лингвистика. Сборник научных трудов. – Волгоград, 2009. – С. 225-234. Васильев Л.М. Проблема лексического значения и вопросы синонимии // Лексическая синонимия. – М.: «Наука», 1967. – С. 16-25.
33. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: «Высшая школа», 1990. – 176 с.
34. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: «Русские словари», 1997. – 416 с.
35. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.

36. Вильданова Г.А., Кудисова Е.А. Зооморфные пейоративы и эвфемизмы в гендерном дискурсе: психолингвистический аспект // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2016. – № 2(36). – С. 139-143.

37. Винантова И.В., Власян Г.Р. Категория вежливости в косвенных речевых актах // Грамота, 2008. – № 8 (15): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 39-40.

38. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. <http://philology.ru/linguistics2/vinogradov-77a.htm> (дата обращения 01.09.2020).

39. Вострикова О.В. О комической функции эвфемизмов // Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. – № 1(9). – С. 17-23. Власян Г.Р. Коммуникативная категория вежливости: проблема интерпретации // Вестник ЧГУ. 2011. – № 33 (248). – С. 36–38.

40. Волкодав Н.Н. Прагматическая дифференциация эвфемизмов // Альманах мировой науки. – 2015. – № 1. – С. 110-114.

41. Волошин Ю.К. Фразеологизмы-эвфемизмы // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе. – Оренбург: ОГПУ, 2016. – С. 30-33.

42. Волошин Ю.К. Семантика эвфемизмов // Исследования по семантике. – Уфа: 2016. – С. 77-82.

43. Вострикова О.В. К вопросу о систематизации лексических эвфемизмов // Вестник МГПУ. Серия филология. Теория языка. Языковое образование. – 2008. – № 1. – С. 41-47.

44. Гайнуллина Д.М. Смех как физиологическая, социальная и лингвистическая составляющая нашей жизни // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 85. – 2013. – № 35 (326). – С. 34-39.

45. Головинчер М.Д. Литота и мейозис как механизмы образования эвфемизмов // Вторые фирсовские чтения. Современная филология и методика преподавания иностранных языков: основные тенденции и перспективы развития. – М.: Изд-во РУДН, 2016. – С. 112-115.
46. Громенко М.В., Святченко Е.А. Эвфемизмы как фактор эстетической речи // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики. – Курск: КГМУ, 2010. – С. 53-57.
47. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
48. Гу Ш. Эвфемизмы как феномен языка и культуры // Научный поиск. – 2015. – № 3-4. – С. 54-55.
49. Дегтярёва А.Р. Экспериментальная верификация иллокутивной силы функциональных типов эвфемизмов современного русского языка // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – С. 1168.
50. Дегтярёва А.Р., Осадчий М.А. Классификация эвфемизмов с функциональных позиций // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов. – Кемерово: КГУ, 2010. – С. 76-80.
51. Дегтярёва А.Р., Осадчий М.А. Эвфемизмы как вторичная номинация (к вопросу о функциональной классификации) // Актуальные проблемы современного словообразования. – Кемерово, 2011. – С. 405-408.
52. Долженко В.Г., Прозорова В.О. Эвфемизм как выразительное средство языка // Вестник Югорского государственного университета. № 1 (4). – 2016. – С. 19-22.
53. Джигоева А.А. Соседова В.С. Конструэнты категории вежливости: концепты *stiff upper lip* // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. № 4. – 2014. – С. 85-100.

54. Долженко Н.Г., Прозорова В.О. Эвфемизм как выразительное средство языка // Вестник Югорского государственного университета. – 2016. – № 1(40). – С. 19-22.
55. Доронкина Ю.В., Моисеев М.В. Лингвокультурный аспект формирования эвфемизмов в английском и русском языках // Молодёжь третьего тысячелетия. Сборник научных статей. – Омск: ОГУ им. Ф.М. Достоевского, 2017. – С. 838-847.
56. Дынин В.И. О понятии апотропея, или оберега // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 90-94.
57. Жеребило Т.В., Мейриева А.С. Классификация эвфемизмов, используемых в современном русском языке // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-5. – С. 1107-1110.
58. Иванов И.Д. Эвфемизмы политкорректности // Язык и личность в поликультурном пространстве / Под ред. И.Н. Авдеевой, 2017. – С. 114-119.
59. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: КомКнига, 2006. – 284 с.
60. История. Политология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 90-94.
61. Захарова Е.П. Коммуникативная категория чуждости и её роль в организации речевого общения // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – С. 87-94.
62. Зверева М.И. История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-4. (78). – С. 86-90.
63. Зверева М.И. Эвфемизмы нашего времени и их коммуникативно-прагматический потенциал // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. – 2015. – С. 104-108.

64. Зверева И.М. Эвфемизмы как разноаспектное понятие // Филология: научные исследования. – 2018. – № 3. – С. 13-18.
65. Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. – Л., 1929-1930. – Т. 8-9. – С. 1-167.
66. Золотарёва Н.В. Об эвфемизмах и их использовании // Лингвометодические чтения. Материалы региональной межвузовской научно-методической конференции (с международным участием). – Екатеринбург: Изд-во УГЭУ, 2012. – С. 40-43.
67. Иванникова Е.А. О роли мотивированности значения в синонимических отношениях слов // Лексическая синонимия. – М.: «Наука», 1967. – С. 104-120.
68. Игошина Ю.В. Смех как форма коммуникативного процесса (на примере юмористических программ) // Международный журнал исследований культуры. – № 2(19) – 2015. – С. 119-128.
69. Кагилева А.О. Семантика эвфемизмов. Компонентный анализ. Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2016. – № 12. – С. 139-142.
70. Кагилева А.О. Семантические изменения: причины образования эвфемизмов // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы Седьмой международной конференции. – М., 2016. – С. 109-111.
71. Камынина А.А Современный русский язык. Морфология. – М.: МГУ, 1999. – 240 с.
72. Карабань Н.А. Взаимодействие категории вежливости с другими коммуникативными категориями (на материале деловых писем) // «Грани познания». – №1(2). – 2009. (www.grani.vspu.ru. – дата обращения 20.12.2019).

73. Карабань Н.А. Содержание и структура коммуникативной категории вежливости // «Грани познания». №1 (6). 2010. (www.grani.vspu.ru. – дата обращения 20.12.2019).
74. Касатова И.А. Лингвистические и экстралингвистические причины пейорации эвфемизмов // Вестник МГЛУ, 2013. – № 20 (680). – С. 237-242.
75. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. – Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. – 88 с.
76. Киреева Е.З. Эвфемизм как речевой акт (на материале документов регионального законодательства) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2013. – № 1(17). – С. 11-14.
77. Кирилова Н.Ф., Салмина Д.В. О степени субстандартности одного эвфемизма // Проблемы формирования лингвокультурной компетенции. – СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. – С. 27-31.
78. Ключев Е. В. Речевая коммуникация. – М.: ПРИОР, 1998. – 320 с.
79. Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык // Гендер и язык – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 33-234.
80. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
81. Коваль В.И. К вопросу об эвфемизмах в женской и мужской речи // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2010. – № 2(59). – С. 143-146.
82. Ковшова М.Л., Нистратов А.А. Критерии восприятия эвфемизмов: экспериментальное исследование языкового сознания // Жизнь языка в культуре и социуме. – М., 2017. – С. 329-332.
83. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

84. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. – М.: Книжный дом: «Либроком», 2012. – 456 с.
85. Козинцев А.Г. Смеховая культура: поздние этапы // Вестник РГНФ. – № 4. – 2008. – С. 57-66.
86. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация и речевая культура: лингвистические аспекты гуманитарных технологий. – СПб: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 147 с.
87. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: КомКнига, 2006. – 192 с.
88. Коромысленко Е.Г. К проблеме изучения комических эвфемизмов русского языка // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 1 (10). – С. 41-43.
89. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: «Гнозис», 2002. – 284 с.
90. Красовская Н.А. Эвфемизмы в названиях болезней в Тульских говорах // Первые Щеулинские чтения. – Липецк, 2016. – С. 110-114.
91. Кронгауз М.А. Семантика. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
92. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русское слово, своё и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 262-286.
93. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт – парадигмального анализа) [Электронный ресурс] // <https://studfile.net/preview/3302168/> (Дата обращения 02.01.2021).
94. Кузина Е.С. К вопросу об определении понятия «категория вежливости» // Язык: категории, функции, речевое действие. Материалы

Десятой юбилейной международной научной конференции к 75-летию В.С. Борисова. – М.: Изд-во МПГУ ГСГУ 2017. – С. 146-148.

95. Куприянычева Е.А. Мишланова С.Л., Химинец Е.М. Особенности идентификации гиперболы и эвфемизма // Историческая и социально-образовательная мысль. – Т. 8. – № 4-2. – Краснодар, 2016. – С. 136-140.

96. Курделяс А.А. Лингвистический анализ эвфемизмов в русскоязычных СМИ // Актуальные проблемы филологии. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2016. – С. 21-23.

97. Куртай А. Эвфемизмы и дисфемизмы в современном русском языке // Актуальные вопросы описания и преподавания русского языка как иностранного / неродного. – М.: Изд-во ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2018. – С. 70-75.

98. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание: избранные работы. – М.: Просвещение, 1977. – С. 110-111.

99. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники древней Руси, 2009. – 512 с.

100. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег: семантика и структура. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.

101. Леонтьев В.В. Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме определения категории // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1. – С. 70–83.

102. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. – М.: Культурная революция, 2016. – 500 с.

103. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб: «Искусство СПб», 2000. – 704 с.

Любимцева Е.А., Лопез Яньес Р.А. Категория вежливости и анализ языковых средств смягчения категоричности высказывания в

современном испанском языке // [Древняя и Новая Романия](#). – 2015. – № 15. – С. 199-209.

104. Маматова Ф.Б. Определение и классификация эвфемизмов // Знание. – 2016. – № 1-2 (30). – С. 71-74.

105. Мамиева З.М. Иноязычные эвфемизмы и их роль в языке // *Lingua-universum*. – 2006. – № 5. – С. 82-83.

106. Мейриева А.С. Отграничение эвфемизмов от других видов иносказаний // Сборник научных трудов ИГУ. – Магас, 2014. – С. 256-263.

107. Мейриева А.С. Эвфемизмы как объект комплексного исследования // *Lingua-universum*, 2006. – № 2. – С. 48-51.

108. Мейриева А.С. Эвфемизмы в традиционном языкознании // *Lingua-universum*. – 2015. – № 1. – С. 57-62.

109. Мейриева А.С. Прагматические функции эвфемизмов // *Lingua-universum*. – 2009. – № 5. – С. 15-22.

110. Миронина А.Ю. Эвфемизм как явления языка и культуры (лингвистический и лингвокультурологический анализ) // Вестник ВГГУ. – № 1-2 – 2010. – С. 85-89.

111. Мишутинская Е.А., Злобина И.С., Свинцова А.А. Семантическая деривация как один из основополагающих способов создания эвфемизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7-2 (61). – С. 141-144.

112. Моргоева Л.Б. Формулы-обереги как особый тип устойчивых выражений // *Fundamental research*. – № 9. – 2014. – С. 1126-1130.

113. Морозов М.А. Социально-политический эвфемизм как стереотип и символ в современном публицистическом тексте // Наука и мир. – Т. 2. – 2016. – № 9(37). – С. 51-56.

114. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58-70.

115. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 262 с.
116. Мэй Вэньчжан Языковое табу: эвфемизм в современном русском языке // Гуманитарные исследования, 2012. – № 3(43) – С. 49-57.
117. Назирова М.А., Хакимова М.М. Реализация эвфемического потенциала. Эвфемизмы стёртые и истинные // Вестник ТГУ. Серия филологических наук. – 2014. – № 4-5 (143). – С. 41-44.
118. Нежурина Д.А., Корнейчук Ю.В. Темы эвфемизмов и сферы их употребления // Двадцатая студенческая научно-практическая конференция НГУ. – Нижневартовск: Изд-во НГУ, 2018. – С. 375-378.
119. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – Санкт-Петербург: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
120. Никитина И.М. Эвфемизмы в художественном тексте // Современная наука: теоретический и практический взгляд. – Челябинск: Омега Сайнс, 2015. – С. 272-274.
121. Никитина И.Н. Эвфемизмы как объект исследования в зарубежной лингвистике // Вестник РГТЭУ. – 2008. – № 1 (22). – С. 233-237.
122. Никитина А.М. Эвфемизмы как речевой поступок // Вопросы культурологии. – 2014. – № 7. – С. 18-21.
123. Никитина А.М. К вопросу об эвфемизмах: «мягко говоря» как иллокутивное самоубийство // Вопросы культурологии. – 2014. – № 11. – С. 84-89.
124. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: «Высшая школа», 1982. – 272 с.
125. Обрядовая поэзия. – М.: «Современник», 1989. – 735 с.
126. Орлова С.Н. К проблеме статуса эвфемизма // Вопросы прикладной лингвистики. – 2011. – № 4. – С. 89-91.

127. Осипова Ю.А., Веденская Т.Е. Эвфемизмы как средство политически корректной лексики // Научно-методический семинар кафедр факультета иностранных языков. – М., 2016. – С. 213-219.

128. Осипова Ю.А., Веденская Т.Е. Место эвфемизмов в лексической системе языка // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания. – М., 2015. – С. 164-170.

129. Павлова А.В. О некоторых особенностях категории «вежливость» в разных лингвокультурах // Известия Юго-западного университета. Серия Лингвистика и педагогика. – Т. 9. – № 2(31). – № 2019. – С. 82-87.

130. Паняхина А.Н. Теория и практика исследования эвфемизмов и современной речи // Социальные варианты языка. – 2009. – № 6. – С. 252-254.

131. Пастухова О.Д. Об эвфемизмах и табу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 3 ч. Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 11 (77). – С. 141-144.

132. Пастухова О.Д. От эвфемизма к дисфемизму // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы Восьмой международной конференции. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2016. – С. 329-331.

133. Пестова М.С., Кагилева А.О. Компонентный анализ эвфемизмов // Высшая школа, 2017. – № 1. – С. 54-55.

134. Пилюгина М.В. Эвфемизм как языковое средство // Актуальные вопросы гуманитарных, правовых и социально-экономических исследований. М.: Изд-во МГГЭУ – 2013. – С. 58-64.

135. Порохницкая Л.В. Языковые контакты как источник эвфемизмов и языковой системе // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 603. – С. 111-125.

136. Прядильщикова Н.В. Эвфемизмы в аспекте языковой толерантности // Электронный вестник центра переподготовки и

повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. – Самара: Изд-во 2006. – № 2. – С. 24.

137. Погодина И.А. Зависимость воспроизведения эвфемизмов от функционального стиля // Евразийский союз учёных. – 2014. – №8-7. – С. 107-108.

138. Полянская К.С. Магическая функция языка: табу и эвфемизмы // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. – Краснодар: Изд-во КГУ, 2016. – С. 13-16.

139. Порохницкая Л.В. Эвфемистический потенциал в парадигматике: к вопросу о разграничении эвфемизмов и смежных языковых явлений // Вестник МГЛУ. – 2013. – № 1(661) – С. 98-106.

140. Потапова Н.М. Краткий обзор исследований эвфемизмов // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2007. – С. 27-37.

141. Потапова Н.М. Особенности семантики эвфемизмов в языке делового общения // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2007. – С. 71-79.

142. Потапова Н.М. Влияние социальных факторов на употребление эвфемизмов // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2009. – С. 41-49.

143. Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

144. Потёмкина А.Ю. Изучение особенностей эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник современных исследований. – 2018. – № 12.1(27). – С. 183-184.

145. Похилюк Е.Н. Проблема изучения эвфемизмов в русском языкознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3-1 (21). – С. 138-141.

146. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 285 с.

147. Пылакина В.В. Проблема замены эвфемизмами названий животных // Вестник МГЛУ. – 2013. – № 10(670). – С. 167-171.
148. Радбиль Т.Б. Человеческий фактор в языке: лингвистическая прагматика и теория речевых актов (основные термины и понятия). – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2006. – 60 с.
149. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. – М.: Флинта-Наука, 2010. – 328 с.
150. Радыгина Т.В. Прагматическая природа эвфемизма // Англистика XXI века. Сборник материалов Четвёртой всероссийской научной конференции. – СПб., 2008. – С. 122-123.
151. Радыгина Т.В. Особенности эвфемизмов и дисфемизмов как результирующих наименований по отношению к исходной номинации // Studia Linguistica – 2008. – № 17. – С. 95-99.
152. Реброва Н.Е. Стилистический статус эвфемизмов в аспекте лексикографического описания // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 5 (66). – С. 61-65.
153. Реброва Н.Е. Реальные, потенциальные и окказиональные эвфемизмы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 4. – С. 121-124.
154. Реброва Н.Е. Дифференциация эвфемизмов от смежных языковых явлений // Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом. – Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2013. – С. 152-156.
155. Реброва Н.Е. Способы описания эвфемизмов и их функциональные характеристики // Вестник Рыбинской государственной авиационной технологической академии им. П.А. Соловьёва. – 2013. – № 1(24). – С. 160-165.
156. Рогозина Т.М. Определение термина эвфемизм // Язык, история, общество. – 2018. – С. 93-95.
157. Русские заговоры. – М.: Пресса, 1993. – 368 с.

158. Руженцева Н.Б. Рекламные эвфемизмы как форма текстовой адаптации к категории вежливости в рекламных изданиях // Уральский филологический вестник. – № 2. – 2012. – С. 26-32.
159. Рузиева Л.Т. Использование эвфемизмов и табу в речи // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2014. – № 4-3(137). – С. 134-136.
160. Рустамова П.А. Некоторые размышления об эвфемизмах // Знание. – № 12-2 (52). – 2017. – С. 98-103.
161. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 320 с.
162. Рябова М.Ю. Эвфемизмы в современной медиакommunikации // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. – Кемерово: Изд-во КГУ, 2014. – С. 250-252.
163. Сакиева Р.С. Ещё раз об эвфемизмах: семантика и прагматика // Образование. Наука. Творчество. – 2012. – № 6. – С. 32-34.
164. Селезнёва Г.Я. Эвфемизмы в современном дискурсе // Культура общения и её формирование. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2017. – С. 31-32.
165. Сиринова Л.А. Способы выражения негативных эмоций: сниженная лексика, фразеологизмы, эвфемизмы // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – № 5. – 2017. – С. 133-140.
166. Сладкевич Ж.Р. К вопросу о разграничении понятий диалогичность, фатика, вежливость и речевой этикет // Перспективные направления современной лингвистики. Сборник научных трудов Международной научно-теоретической конференции. – М.: Изд-во РУДН, 2020. – С. 53-71.

167. Соколова Т.Ю. К вопросу о дискурсивности термина эвфемизм // Научные исследования: от теории к практике. – 2017. – № 1-2 (11). – С. 81-85.

168. Соколова Т.Ю. Когнитивная лингвистика: основные положения в свете исследования эвфемизмов // Вестник современных исследований. – 2018. – № 8.3 (23). – С. 369-371.

169. Солодилова И.А., Соколова Т.Ю. Критерии идентификации эвфемизмов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 11 (211) – С. 73-78.

170. Сон Х.И., Михайлова Е.А. Роль эвфемизмов в процессе формирования общественного мнения // Социолингвистические исследования. – 2017. – № 2(394). – С. 96-102.

171. Степанова С.А. Эвфемизм как явление лингвокультуры // Вопросы прикладной лингвистики. – 2012. – № 6. – С. 58-64.

172. Сюй М. Влияние заимствованных эвфемизмов на эвфемизмы русского языка // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2017. – С. 87-92.

173. Сюй М., Осильбекова Д.А. Эвфемизмы как элементы юмористического дискурса // Современный учёный. – Т. 2. – № 1. – 2017. – С. 77-81.

174. Сюй М. Прецедентный текст как актуальный способ создания эвфемизмов в российском юмористическом дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 4(21). – С. 201-203.

175. Твердохлеб О.Г. Эвфемизмы в сфере личной переписки // Новая наука: опыт, традиции, инновации. – 2015. – № 6. – С. 120-124.

176. Твердохлеб О.Г. Эвфемизмы-названия животного мира в сфере религиозного дискурса // Вестник Южно-Уральского

государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 13. – № 2. – С. 64-69.

177. Твердохлеб О.Г. Эвфемизмы в сфере религиозного культа // Филология и лингвистика: современные тенденции и перспективы. – 2016. – С. 38-40.

178. Твердохлеб О.Г. Эвфемизмы в сфере устного народного творчества // Язык и культура. – 2016. – № 1 (33). – С. 82-94.

179. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

180. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Тезисы докладов Международной научной конференции: В 2-х ч. Ч. 1. – Минск, 1994. – С.13-15.

181. Телия В.Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 284 с.

182. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С.13-24.

183. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). – Волгоград: «Перемена», 2003. – 233 с.

184. Токарев Г.В. Языковой оберег как лингвокультурная единица // Когнитивно-дискурсивная лингвокультурология и стилистика. Материалы научной школы - 2014. – Тула: С-Принт, 2015. – С. 5-7.

185. Токарев Г.В. Основы лингвокультурологии. – Тула: ТППО, 2020. – 171 с.

186. Токарев Г.В. О культурной маркированности аббревиатур // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения проф. И.А. Фигуровского. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2019. – С. 395-396.
187. Торопцева Е.Н. Использование эвфемизмов в шутках // Гуманитарный вестник. – 2014. – № 1(28). – С. 70-75.
188. Уфимцева А.А. Некоторые вопросы синонимии // Лексическая синонимия. – М.: «Наука», 1967. – С. 26-37.
189. Филипович И.И. Эвфемизмы как способ быть вежливым или скрывать чувства // Развитие науки и техники: механизм выбора и реализации приоритетов, 2017. – С.83-86.
190. Хесед Л.А. Категория вежливости и описывающая её лексика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 6 (24). – 2013. – С. 195-199.
191. Черкасова Е.В., Макарова М.Е. Интерпретация эвфемизмов в рамках межкультурной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8-2(33). – С. 188-191.
192. Цыбуляк О.Д. Основные сферы употребления эвфемизмов // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. – 2012. – № 4(9). – С. 132-137.
193. Черняк В.Д. Синонимия в русском языке. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 128 с.
194. Чжан Ч. Семиотические особенности эвфемизмов: изменяемость и сменяемость // Экология языка и речи. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 98-100.
195. Шамьенова Г.Р. О влиянии прагматических факторов на реализацию категории вежливости в общении // Проблемы речевой

коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов, 2000. – С. 147-152.

196. Шенберг Е.Ю. К проблеме определения категории вежливости в лингвистике (на материале работ американских и британских учёных) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 77. – 2013. – № 14 (305). – С. 126–130.

197. Ширяева Н.В. Категория комического и возможности её анализа в рамках когнитивно-дискурсивного подхода // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 12-1. – С. 175-181.

198. Щалпегин О.Н. Потенциальные возможности эвфемизма // Текст: структура, семантика, стилистика. – М., 2015. – С. 79-89.

199. Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: «Просвещение», 1964. – 244 с.

200. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: толерантность vs. недосказанность (о функционировании эвфемизмов в современной дискурсивной практике) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2016. – № 5. – С. 608-612.

201. Якушкина К.В. К вопросу об ономасиолого-семасиологическом статусе эвфемизмов // Вестник научных конференций. – 2015. – № 3-2. – С. 163-164.

202. Ярошенко Е.Ю. Эвфемизм в частотно-статистическом аспекте: проблема исследования // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники. – Барнаул: АГУ, 2018. – С. 2078-2079.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

203. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – 5-е изд. / Предисловие Ю. Д. Апресяна. – М.: Рус. словари, 1994. – 502 с.
204. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л. А. Чешко. – 5-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1986. – 600 с.
205. Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левотина И. Б. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левотина И. Б., Урысон Е. В., Головинская М. Я., Крылова Т. В.. – 2-изд. испр. / Под общ. рук. ак. Ю. Д. Апресяна. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. – 511 с.
206. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. – М.: «Художественная литература», 1987. – 528 с.
207. Бондаренко В.Т. Ответные реплики в русской диалогической речи. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2013. – 399 с.
208. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Терра, 1995.
209. Ключева В. И. Краткий словарь синонимов русского языка. – 2-е изд. – М.: Гос. уч.-пед. Изд-во Мин. прос. РСФСР, 1961. – 280 с.
210. Ковшова М., Гудков Д. Словарь лингвокультурологических терминов. – М.: Гнозис, 2017. – 192 с.
211. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1997. – 245 с.
212. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
213. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с.

214. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 736 с.
215. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. В. 1. / И.С. Брилева и др. – М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.
216. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского. – М.: Флинта-Наука, 2008. – 464 с.
217. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общ. ред. Н.И. Толстого. В. 5 т. – М.: «Международные отношения», 2012.
218. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981.
219. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1965.
220. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
221. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
222. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. – 640 с.